

Явдат ИЛЪЯСОВ

СОГДИАНА

КНИГА ПЕРВАЯ. СЫН БОГА АММОНА

ПРОЛОГ. СТАРУХА ИЗ КАТАНЫ

*Эй, черепаха! Что внутри ты делаешь?
Я шерсть сучу и нить пряду милетскую.
А твой потомок отчего погиб, скажи?
С коней блестяще-белых в воду бросился.*
Переключка афинских девушек

Эта старуха была известна всей Катане. По рассказам гречанок, она попала сюда из какой-то восточной страны. Как подлинно зовут азиатку никто не знал. Черепаха - вот кличка, на которую оборачивались попрошайка.

Каждое утро, вытянув морщинистую шею и неуклюже перебирая кривыми ногами, Черепаха ковыляла у закрытых ворот и долго, жалобно и скрипуче умоляла подать ей кусок хлеба. Но вместо хлеба нищенку часто угощали палкой. Дети бросали ей в спину огрызки плодов. Псы обрывали края и без того дырявого клетчатого плаща. Старуха заискивающее улыбалась в ответ на угрозы, потому что хотела есть.

Уже много лет бродила она по каменистым улицам чужого ей приморского города и покорно сносила побои и оскорбления. Но порой, особенно при восточном ветре, с ней случалась резкая перемена. Черепаха уходила к заливу и бесконечно - час, второй и десятый - следила, окаменев, за работой пенистых волн, гулко обрушивающихся на берег. Очи бездомной старухи излучали недобрый свет; попрошайка взмахивала клюкой и начинала рассказ о гневном солнце юга, о сыпучем песке, о священных плясках вокруг неугасимых костров, и голос дряхлой женщины напоминал тогда рычание леопардов, обитающих на ее далекой родине.

Она повествовала о страшных набегах, погонях и засадах. Она без трепета произносила имена грозных персидских царей. Она утверждала, что была женой великого человека. Но ей, конечно, никто не верил.

А ведь старуха говорила правду.

ВЕТЕР, ХЛЕБ И НАДЕЖДА

*Дети - с отцами, с детьми - их отцы
сговориться не смогут.
Чуждым станут приятель приятелю,
гостю - хозяин.
Больше не будет меж братьев любви,
как бывало когда-то.
Гесиод, "Труды и дни"*

Эпоха Перикла была временем наивысшего расцвета Афин.

Спору нет, Перикл опирался на граждан среднего достатка. Но государство не обходило

своей заботой и последнего бедняка: оно платило жалование гребцам и солдатам, безработным находило работу, бесплатно раздавало голодающим хлеб и отводило землю безземельным. Везде - в мастерских, на стройках и полях - трудился раб, поэтому у свободного человека оставалось больше досуга: он учился, проникал в тайну всего живущего, наблюдал движение звезд, предсказывал затмения солнца, измерял пространства, украшал храмы и дворцы. Могучей державой стала Аттика; она возглавила союз многих греческих государств и прибрала к рукам всю торговлю на Эгейском море.

Казалось, не видеть конца благоденствию афинян. Однако на юге - там, где Пелопоннес, - подобно тучам, скапливающимся у горизонта, уже назревала и крепла сила, враждебная республике. То было Спарта - второе по силе государство в раздробленной Элладе. Пелопоннес, этот полуостров, овеянный теплым ветром, принадлежал раньше племенам ахейского корня. Потом из Эпира сюда нагрянули дворяне. Они покорили ахейцев, заняли узкую, но плодородную долину Эвроты и основали Спарту. Каждый спартиат жил за счет поработанного ахейца, которого брезгливо называли илотом, "взятым в плен". Чтобы ахейцы не застигли их врасплох, победители держались тесно сплоченной общиной. Спартиат не пахал, не торговал, не занимался ремеслом или наукой. Он сражался, когда не охотился, он охотился или готовился к походу, когда не сражался. Спартиаты подчинялись царям и Совету знатных старейшин.

Так как илоты, по примеру афинского народа, хотели изгнать богачей и установить свою власть, Спарта не терпела республику, завидовала Афинам и боялась их могущества. Посланцы спартиатов бегали, высунув язык, по стране и уговаривали правителей аристократических государств объединиться против общего врага. Так возникло два греческих союза. На стороне Пелопоннесского выступали Беотия, города Коринф, Мегары, Сиракузы, Тарент и полуостров Халкида. За Афинскую морскую державу ратовали Фессалия, острова Лемнос, Эвбея, Киклады, Спорады, Лесбос, города Милет, Эпидамн, Кротон и Месана.

Вспыхнула жестокая война.

После кровопролитных сражений победила Спарта. Измена союзников, опрометчиво низведенных республикой до положения угнетаемых поданных, неблагоприятное пренебрежение к нуждам беднейших селян, что вызвало у них неприязнь к жителям столицы, месть рабов, бежавших двадцатитысячной толпой на сторону противника, - все это и привело афинян к разгрому. Их заставили сдать флот, кроме двенадцати сторожевых кораблей, срыть укрепления, распустить морской союз и отменить народное управление.

Война! Она причинила не только Аттике и Спарте, но и всей Элладе тысячу и сто невиданных бед. Никогда прежде греки не разрушали так много домов, не уничтожали так много людей. Вдобавок случалось землетрясение небывалой силы. То, что уцелело на полях после вражеских нашествий, выжгла засуха. Страну опустошал голод, пожирала чума. Ростовщик или хлеботорговец, нажившийся на войне, скупал землю и строил себе дворец. Бедняку же стало вовсе невмогуту. Если раньше не было нищих и никто не позорил свой род выпрашиванием подаяния, то сейчас по улицам разгромленных городов скиталась бездна людей, не имеющих денег на пропитание. Они убивали богатых и делили их имущество между собой. Элладу раздирали смуты.

Стадо передравшихся быков забывает о волке, а волк, хищный зверь, свирепо глядит на добычу сквозь чашу лавра. Так смотрели на греков их соседи македонцы.

Македония - страна утесистых гор и дремучих лесов. Люди там живут охотой, рубят сосны, занимаются пастушеством, кое-где сеют хлеб. Македонцы изъясняются на варварском языке. Их всего пятьсот тысяч, но зато они выносливы и хорошо владеют оружием. Народом, как и в Спарте, правил раньше Совет родовых вождей.

При царе Архелае македонцы стали перенимать обычаи греков; эллины строили варварам

укрепления для защиты от еще более диких фракийцев, обучали их войско боевому порядку. Македония особенно возвысилась в годы царствования Филиппа Второго, - Филипп, как заложник, долго жил у фиванского полководца Эпаминонда и получил образование на греческом языке; вернувшись домой, молодой царь покорил местных князей и стал единым правителем государства. Он создал хорошее войско, захватил немало греческих поселений у Геллеспонта [Геллеспонт - ныне пролив Дарданеллы] и обратил свой ненасытный взор на Элладу.

Греки не подчинились бы власти северных дикарей, но внутри самой Эллады не было единства: горожане среднего достатка и бедняки не желали прихода македонцев, - они хотели сохранить народное управление, обычай раздач, закон об уплате жалования, неприкосновенность свободнорожденного человека; выступили против царя Филиппа и хлеботорговцы, боявшиеся потерять Геллеспонт, через который они плавали к Боспору за скифским зерном, и оружейники - война обещала им прибыль. Оратор Демосфен стал вождем народа и боролся против царя Филиппа и хлеботорговцы, боявшиеся потерять Геллеспонт, через который они плавали к Боспору за скифским зерном, и оружейники - война обещала им прибыль. Оратор Демосфен стал вождем народа и боролся против царя Филиппа; зато другие ораторы - Сократ и Эсхин, - а также толстосум Эвбул и вся шайка их приверженцев, богатых купчишек и земледельцев, подкупленных врагом, с пеной у рта кричали на площадях и перекрестках, что спасение Эллады от внутренних смут и раздоров в руках Филиппа.

Пока эллины спорили между собой, Филипп двинул войска в Беотию; под городом Херонеа произошла битва, македонцы разгромили соединения греческих войск, и Эллада признала власть македонского царя. Правда, после убийства Филиппа эллины подняли мятеж, но юный царь Александр подавил его, срыв до основания стены священных Фив. Вот уже три года, как Эллада несет на себе ярмо македонского ига.

Знатным хорошо: никто теперь не покушается на чужое имущество, - оно закреплено новым законом за теми, кому принадлежало и прежде; нет былых повинностей, когда "благодарным отцам" приходилось уделять часть хлеба для раздачи бедному люду; торговцы свободно ездят по всей стране, удачно покупают, выгодно продают и зарабатывают много денег. Да, жить богачу стало легче. А бедняку? Какая польза ему от того, что закон навечно закрепил имущество за его хозяином, если у бедняка ничего нет и нечего за ним закреплять? Прежде, если он был голоден, собрание народа отвешивало ему при раздаче зерна, отнятого у знатных, какую-то долю. Если его изнуряли долги ростовщику, собрание их отменяло. Плохо или хорошо, но человек не умирал от голода и холода, тогда как теперь остается или грабить, или идти в наемные войска, бродить по чужим странам и валяться у походных костров.

На дворе уже месяц Ленеон, зима - время, когда борей, налетев с отдаленных фракийских пастбищ, гонит к береговым утесам шумную волну, сокрушает в горных лощинах сосны, мокрые от дождя, насквозь продувает руна овец и заставляет косматых зверей, скитающихся по лесу, трястись и поджимать хвосты. Вот уже месяц Ленеон, зима - время, тяжелое для скота и людей.

Утро. У пристани грохот, скрежет и звон. То моряки снимают с буковых тумб и бросают через борт связки бронзовых цепей. Суда покидают гавань Эмпирей и выходят на простор Саронического залива. Гребцы, помогая себе песней, мерно взмахивают рядами длинных весел:

Ну-ка дружно, ну-ка все,

О эйа вот, о эйа все!

За молотом, по знаку старших кормчих, матросы разворачивают квадратные паруса. Тугие полотнища наполняются вихрем упруго напирającego воздуха. Галеры покачиваются, валятся набок, черпают низким бортом студеную воду, выпрямляются и летят, подобно стае

испуганных птиц, по расплывчато-зеленым волнам, рассекая пену их белых греблей.

Феаген очнулся, поднял голову и бессмысленно уставился на вереницу кораблей, выстроившихся у причала. Из влажной, медленно рассеивающейся мглы выступали стены хранилищ. Постепенно взгляд Феагена прояснился. Грек судорожно зевнул, передернулся от холода и со стоном оторвался от груди сырой листвы, на которой спал.

Он спал? Боже! Феаген всю ночь ворочался, охал, часто вскакивал и метался по берегу, чтобы хоть немного согреться, - облезлая шапка из собачьего меха, старая козья шкура и короткая, до колен, продранная в десяти местах шерстяная туника не спасали от резких порывов северного ветра - мокрого, пронизывающего до самого нутра, до печени и костей. Устав от бега, Феаген садился возле столба, увенчанного головой покровителя купцов бога Гермеса, и прерывисто вздыхал; его зубы стучали мелко и безостановочно, в теле не оставалось ни одной жилы, которая не дрожала бы, прося хоть чуточку тепла. Разбитый, измученный вконец, Феаген забылся на рассвете и пробудился три часа спустя едва живой, с опухшим лицом и невыносимой болью в пояснице. Страшная ночь. Но что делать греку, если у него нет собственного жилища?

Три года назад Феаген имел дом и землю недалеко от Марафона, где афиняне победили когда-то смуглолицых воинов перса Дария Гистаспа. У Феагена была жена, подрастал сын Марилад. Грек возделывал по каменистому склону холма пшеницу. Хлеб плохо родился на скудной почве, но все же его хватало для уплаты налога. Оставалось немного себе, чтоб дотянуть кое-как до следующей осени. Соседи покрепче разводили виноград, однако у Феагена не находилось денег на покупку лоз. Он не помышлял о богатстве и благодарил пречистую Деметру, заступницу селян, и за тот малый урожай, который получал со своего надела.

Но боги завистливы, рок безжалостен. Как-то раз, летней порой, в долине Харадры выпал крупный град. Погиб на корню хлеб - погиб и сам Феаген. Правда, сначала он крепился - занял у дяди Ламаха, толстосума, пять мер пшеницы, дав слово в будущем году возратить десять. Голодная выпала тогда зима, ели траву, - Феаген берег зерно для посева. Весною жарко помолился Зевсу, впряг быков, цепко ухватился за ручку плуга, заботливо вспахал участок, бросил в борозду драгоценные семена. Марилад заровнял мотыгой землю, чтобы зерно не склевала птица. Феаген терпеливо ждал, когда заколосится хлеб, и дождался - нагрязнул на поле вредный жучок, опять пропал урожай, не набралось и четырех мер пшеницы.

У Ирины, жены Феагена, от горя зачерствело сердце. Она махнула рукой на неудачливого супруга и удалилась, взяв сына, в Лакратиду, селение родного отца. Феаген озлобился, продал землю, волов и плуг, уплатил долг скупому дяде Ламаху (будь проклят такой родич!) и направился в Пирей, чтобы найти работу.

Работа! Уже год не сходит это слово с обветренных губ Феагена. Грести до кровавых мозолей, таскать грузы, от которых ребра трещат, подметать мусор, выскабливать грязь - Феаген готов ко всему, лишь бы перепала монетка на овсяной хлеб или кусок соленой рыбы. Работа! Но где ее отыскать? Здесь, в Пирее, бездна таких, как Феаген. Вот они, толпы вечно голодных бродяг, - словно трупы, усеяли оборванцы гавань, лежат повсюду, где можно прислонить затылок к обломку кирпича: у запертых складов, разбитых лодок, обрушившихся лагун, и не хватит сторожей, чтобы их прогнать.

Феаген запахнул шкуру и поплелся мимо хранилищ к Дейгме, выставке товаров. У грека ныла спина. Его ноги в грубых сандалиях нелепо шаркали по изрытому камню, и Феаген напоминал дряхлого старика, хотя ему исполнилось всего тридцать семь лет. Марафонец не ел три дня. Нутро сводило голодной судорогой. Он глотал слюну и отчаянно смотрел по сторонам, надеясь увидеть на земле какую-нибудь заплесневелую корку; он чутко, будто соглядатай, прислушивался к гаму, раздававшемуся возле кораблей, - не донесется ли окрик, пусть грубый,

но желанный: "Эй ты, ворона! Отнеси эти амфоры ко мне домой..."

Грек знал, что не найдет корки, - ее подобрал другой. И никто его не позовет, - товаров сейчас мало, а грузчиков хоть отбавляй. Но жалкая надежда на удачу толкала бедняку вперед, - невероятно, противно естеству, чтобы голодный человек не добыл себе еды, когда ее так много повсюду.

Он мог украсть кусок хлеба на рынке, но его тяжело угнетала мысль о таком недостойном поступке: в душе марафонца сохранились остатки деревенской честности. Иные уже утратили ее и по ночам обирали пьяных моряков или взламывали двери лавок, но Феаген, существуя за счет случайных заработков, еще держался.

Но где же, наконец, хлеб? Феаген приблизился к Дейгме, - несмотря на ранний час, подле нее уже шумела толпа купцов, поденщиков, торговых служащих, матросов, иноземных поселенцев и рабов. Тут говорили на разных языках; крючковатый нос иудея шмыгал над ухом голубоглазого фракийца, гордый египтянин беседовал с черноволосым италиком, бранился, расталкивая людей, загорелый скиф.

Купцы метались у прилавка, словно на пожаре; они жадно рылись в образцах товаров, запускали руку и огромные глиняные сосуды с копченой, соленой, вяленой и маринованной рыбой, боспорским, сицилийским и египетским зерном, перебирали кожу, шерсть, меха, рассматривали обувь и бронзу от этрусков, папирус и лен от египтян, ковры и благовония от персов, африканскую слоновую кость, предлагали желающим оливковое масло, гимметский мед, свинец, мрамор, серебро, ткани, аттические чаши, мебель, расписные коринфские вазы и статуэтки из Танагры.

Два часа слонялся Феаген около Дейгмы, но в рот ему так и не попало ни крохи из сытных яств, выставленных здесь. Он отупел от голода и холода и почти спал на ходу. Его уши словно заложило ветошью, и марафонец сам не слышал своего голоса. Ноги подгибались на каждом шагу, будто их перебили у лодыжек. Вдруг сильно закружилась голова. Феаген побледнел и зашатался. Не различая ничего, он беспомощно протянул руки перед собой и повалился на чей-то лоток. Он старался уцепиться за что-нибудь, лишь бы не упасть под забрызганные грязью башмаки сгрудившихся вокруг него бессердечных людей. Пальцы Феагена лихорадочно хватили воздух и нечаянно стиснули - кусок сдобного хлеба. Владелец лотка заверещал. Появился надсмотрщик. То был раб скиф в серой войлочной шапке.

- Оймозде! - рявкнул скиф и развернул бич. - Стонай, сын пса!

Феаген пришел в себя и поразился. Откуда у него хлеб? Марафонец жалобно пробормотал:

- Я не хотел...

- Ты не хотел?

Скиф размахнулся. На Феагена обрушился удар такой силы, что ему показалось, будто к спине разом приложили раскаленный добела железный прут. Он выронил хлеб и растянулся возле прилавка.

- Я не хотел!

- Ты нэ хотэл?

Надсмотрщик взял несчастного марафонца за шиворот и выкинул из-под навеса.

- Прочь!

Раб люто ненавидел всех этих афинян, - ведь они отняли у него свободу, оторвали кочевника от дымных, но милых сердцу юрт; благодаря своей должности (его приставили к ней за нечеловеческую силу), скиф при каждом удобном случае от души измывался над любым греком, - богач он или бедняк, все равно - эллин есть эллин, будь он трижды проклят.

Феаген скорчился за углом Дейгмы и долго не мог перевести дух - из легких, обожженных ударом бича, вырывался хриплый стон. По костлявому, давно не мытому лицу марафонца, по

его взлохмаченной темной бороде текли одна за другой капли горячих слез. Наконец он отдышался и заковылял к воротам. В Пирее нет хлеба для Феагена. Лучше отправиться в Афины, на рыночную площадь, - может быть, там кто-нибудь сжалится над бродягой. Правда, до Афин чуть ли не семьдесят пять стадиев [стадий - около 160 метров], но их надо пройти, иначе Феаген сегодня умрет.

Грек медленно тащился вдоль Длинных Стен, часто останавливался у полуразрушенных известковых столбов и мутным взглядом провожал спешащих туда и обратно людей. Селяне шли пешком. Купцы ехали в повозках или верхом на мулах. Порой мимо Феагена проносились колесницы именитых горожан. Густой толпой двигались рабы. Они шагали быстро, без слов, не глядя по сторонам, - шагали ряд за рядом, точно солдаты разбитого и отступающего легиона; мужчины и женщины, представители разных племен - сирийцы, лидяне, фригийцы, египтяне, фракийцы, евреи, скифы - как бы торопились скорей добраться до места, чтобы не видеть чужих глаз, нагло взирающих на их позор. Отстающих торопил окрик воина из охраны:

- Живей!

Раб, словно титан Атлас, подпирал широким плечом всю Элладу. Шестьсот сорок тысяч невольников томились в мастерских Коринфа. На двадцать тысяч свободных афинских граждан приходилось десять тысяч бесправных иноземных поселенцев и четыреста тысяч купленных или захваченных людей. Полмиллиона варваров угнетала Эгина. Рабы погибали десятками тысяч, но их место занимали новые скопища "говорящего скота".

Завтра на Агоре, базарной площади Афин состоится большой торг. Невольников разденут догола и выведут на помост. Покупатели станут заглядывать им в рот, испытывать их силу, заставят живой товар бегать и прыгать. Руки вислогубых стариков жадно ощупают пятнадцатилетним девушкам груди и бедра. Доходное занятие - работоторговля. Невольник, способный выполнять простую, но тяжелую работу, стоит около двух мин [мина денежная единица: 28 золотых рублей]. Знающих ремесло продают гораздо дороже. Выручка за рабыню, предназначенную для удовольствий, равна десяти, двадцати и даже тридцати минам, или трем тысяч драм, тогда как годичный заработок наемного ремесленника составляет всего триста драм.

Не пройдет и семи дней, как несчастных варваров, идущих сейчас мимо Феагена, разберут и определят на работу. Доля тех, кто сделается управляющим мастерской, торговым доверенным хозяина, приказчиком, счетоводом, хранителем склада, поваром, флейтистом или танцовщицей, еще завидна.

Но каково каменщику, гончару, гребцу или портному? Каково тем, которых загонят в рудники Лавриона? Их спустят в шахты глубиной в девяносто локтей, принудят по двенадцати часов долбить бронзовой киркой твердую породу, тащить ее наверх при помощи веревок и корзин, промывать водой из мутного бассейна, плавить в горнах, грузить бруски серебра на мулов и везти их по афинской дороге.

Через полгода вон тот молодой ливиец, что убьет, пожалуй, и буйвола, превратиться в беспомощного старца: невыносимо тяжелая работа, голод, жажда, побои и хворь отнимут у молодца силу, и его живьем сбросят под обрыв, на груду скелетов, обглоданных клыками диких зверей.

Феаген вспомнил, как относился к рабам, когда жил в Марафоне, и жалко усмехнулся. Чем он сам сейчас лучше раба?

Грек задумался: а что если... свернуть налево, лечь и подохнуть в оливковой роще? Он колебался. Упаси бог, нет! Может быть, сегодня удастся достать кусок хлеба? И опять добрая надежда повела измученного, совсем павшего духом человека к воротам великой столицы.

Перейдя мост через Кефис, он сел на мокрый камень, чтобы передохнуть, и бросил взгляд на

темный массив Акрополя, на силуэты стен, косо срезанных сверху вниз или ступенчатых, по мере их подъема к вершине, и переходящих основаниями в обрывы необычайно крутого холма.

Сквозь голубоватую пасмурную мглу, что колебалась вокруг холма, угадывались смытые дождем оливковые рощи, приютившиеся на его склонах, извилистый путь к широкой мраморной лестнице у входа в замок, крыши малых храмов, выступающих над входом, в ряды строгих колонн Парфенона, как бы парящего на огромной высоте над скопищем великолепных дворцов и жалких лачуг, из которых состоят Афины, и гармонично венчающего нагромождение обрывов, острых скал, зияющих провалов и троп, подобных глубоким шрамам. Далеко позади Высокого Города тянутся гряды синих гор. Их словно размытые гребни растворяются в тяжелых слоистых тучах.

Пока Феаген сидел на камне, тучи, изворачиваясь и уплывая к морю подобно клубам черного дыма, спустились почти до самой земли. Сквозь пелену нижних рассеянных туч виднелись мрачные верхние облака. Пошел мелкий, но густой холодный дождь. Как ни кутался Феаген в козью шкуру, ветер, словно издеваясь над бедным человеком, заносил ледяные брызги то спереди, то сзади, то слева, то справа, и Феаген продрог до того, что не мог унять скрежета зубов.

Вот и второй мост - Через Иллис, что огибает Афины с востока и впадает в Кефис на западе, в оливковой роще. С толпой замерзших селян и купцов Феаген миновал городские ворота и направился к Агоре. По какой идти стороне? По правой, где дворцы, театры, ипподромы, кварталы домов с колоннадой, внутренним двором и садом, или по левой, где ютятся ремесленники? Феаген вспомнил удар бича и свернул налево.

В ноздри Феагена полез стелющийся дым бесчисленных мастерских приземистых, покосившихся лачуг, напирających друг на друга с обеих сторон кривых, грязных улиц; его слух раздирали стук, звон и скрежет, доносившийся из лавок плотников, гончаров, кузнецов, башмачников, кожевников, ткачей, чеканщиков, накатчиков, медников и портных. Тут пахло всем, чем только может пахнуть бедняцкая часть города: дохлой рыбой, замоченной кожей, сырой глиной, козьей шерстью, чадом расплавленной меди, прелым навозом, и лишь запах свежеевыпеченного хлеба не витал меж убогих хижин из трухлявого дерева, битого кирпича и перегнившего тростника, хижин, где в тесных комнатах с земляным полом обитали люди ремесла. Через открытые двери мастерских Феаген видел полуголых рабов или свободных наемных рабочих, склонившихся возле гончарного круга или ударяющих о наковальню тяжелой кувалдой. Надсмотрщик подгонял замешкавшихся толстой палкой, и по временам до Феагена долетало неумолимое и приводящее в трепет:

- Оймозде!

Феаген вспоминал крик скифа: "Стонай, сын пса" и спина его начинала болеть с новой силой. И все же Феаген завидовал ремесленникам. Пусть их избивают, пусть им трудно у жарких горнов и вонючих засолочных ям, зато у них есть работа; они едят овсяной хлеб, капусту, маринованную рыбу, пьют вино - кислое, разбавленное водой, но все-таки вино; они спят под крышей, а у него, Феагена, ничего нет, и он никому на земле не нужен.

Дождь прекратился. Феаген добрался до Агоры и попал в крикливую толпу разносчиков, лавочников, перекупщиков, селян и пьяных блудниц. Сняв шапку и протянув ее перед собой, почти не видя уже ничего, он поволок свои ноги мимо рыбных, сырных, хлебных, винных рядов, мимо торговых палат и навесов из тростника, мимо товаров, сложенных на подстилках под открытым небом, мимо столов ростовщика и менялы, пока не ударился плечом о каменный столб. Феаген поднес шапку к глазам - она была пуста. У него странно зашумело в голове, он покачнулся и упал.

Пока человек жив, его мучения не трогают никого, - кричи до хрипоты, прося сочувствия,

все равно никто не откликнется на твой зов; вокруг мертвого же почему-то всегда объявляется толпа доброжелателей, готовых от души помочь усопшему словом и делом, хотя ему теперь уже на все наплевать. Народ окружил Феагена. Кто-то со вздохом принес чашу вина. Другой, скрепя сердце, отломил от своих запасов кусок хлеба. Феаген, на свое счастье, был еще жив, и его отходили кое-как; вино согрело бродягу, хлеб подкрепил, и люди, убедившись, что опасность прошла, опять оставили беднягу одного.

Он уселся возле храма Гермеса, положил голову на колени и задумался. Что делать? Что тебе делать, марафонец? Еще одна ночь, как сегодня, - и ты пропал. Мысль о смерти заохлодила сердце. Нет, нет... Надо жить, но как жить? Где выход?

- Эй, Феаген! - окликнул кто-то марафонца. Он встрепенулся - его давно не называли по имени, обходясь кличкой "бродяга".

Феаген обернулся, и взгляд его разгоревшихся глаз сразу потускнел он увидел Дракила. Когда-то гладкий и толстый, словно повар, а теперь обрюзглый, лысый и неопрятный. Дракил полгода назад задолжал ростовщику, не сумел уплатить и разорился, - его лавка мелких товаров, которую он держал в Марафоне, попала в руку того же Ламаха. Бросив жену и детей, Дракил, как и Феаген, отправился по афинской дороге с твердой верой в удачу. И правда, более изворотливый Дракил ухитрялся чаще, чем другие, добывать кусок хлеба и голодал меньше, чем Феаген. Но сегодня, очевидно, не повезло и Дракилу. Бывший купец сокрушенно причмокивал толстыми губами и уныло вздыхал.

- У тебя... ничего нет? - мрачно спросил он у Феагена, присаживаясь рядом.

- Нет, - сухо ответил Феаген.

- О Гермес... - Дракил глубже укутался в козью шкуру и умолк. Так они сидели около часа - ведь торопиться им было некуда. Феаген задремал. Дракил последовал его примеру. Наступил уже вечер, когда их разбудил чей-то говор. Они открыли глаза. Перед храмом стояли три бородатых афинянина в дорогих зимних шапках, широких теплых плащах и двойных башмаках, - этих-то не пугал холодный ветер.

- Ты уверен, что это правда? - спросил один.

- Да, - ответил другой. - В Коринфе состоялся совет македонских и греческих вождей. Весной Александр переправится через Геллеспонт.

- Зачем?

- Вот вопрос! - усмехнулся третий. - Чтобы отомстить персам за разрушение греческих храмов.

- Э! То было еще при Ксерксе. Кому нужны эти храмы? Эллина и сами над ними глумятся. Ты забыл, как жители Фокиды разграбили святилище Дельф? И тогда защита оракула послужила хорошим поводом для войны между фокидцами и фессалийцами. А македонец Филипп вмешался в драку и прикрутил хвосты и тем и другим. Месть за поруганные храмы - только предлог, и всякий, у кого мозги не разбавлены жидким навозом, это понимает. Македонцы хотят захватить богатства персидского царя - вот причина войны.

- Хотя бы и так! Нам это выгодно тоже.

- Чем?

- Как чем? Говорил же Сократ, учитель красноречия: "Там ждет нас богатая, роскошная страна, где мы можем добыть счастье, приволье, избыток; вместе же с богатством вернуться в дома и общины единоклющие и согласные". Хорошо сказал. Разве тебе не нравится персидское золото?

- Золото нравится. Но достанется ли оно мне?

- Почему же нет?

- Александр любит его не меньше.

- Э! Всем хватит. Я слышал в Тире поговорку: "Где ест тигр, там сыт и шакал". Что ни говорите, я одобряю замыслы Александра. Вспомните слова мудреца: "Счастливая война с Персией откроет простор предпринимателям и освободит Элладу от бедного люда, дав работу бродягам, угрожающим существованию государства". Значит, война против персов нам выгодна вдвойне: с одной стороны - добыча, с другой - мы избавимся, наконец, от голодранцев, заполнивших город.

- Ты прав, чем скорее уберутся бродяги из Афин, тем лучше. Говорят, Эригий, сын Лариха, уже набирает войско. Пожалуй, через месяц мы вздохнем свободно.

"Благородные отцы" ушли. Дракил почесал темя, покусал губу, потом несмело сказал Феагену:

- Ты... слышал?

Феаген промолчал. Конечно, он слышал все! Но - война! Слово, ненавистное для каждого честного пахаря. Феагена, как и всякого грека, обучили колоть пикой, метать дротик, прикрываться щитом, но одно дело, когда защищаешь свой дом, и другое - когда где-то и для кого-то добываешь персидское золото. Однако что же делать? Что делать? Что тебе делать Феаген?

- Да, одна надежда... горестно прошептал марафонец.

Спустя полчаса они стояли у дома полководца Эригия, вербовавшего наемных солдат для войны против иранского царя Дария Кодомана.

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

*Сверкало копьё Искандерово, точно
Пылавший на западе красном источник.
И Дарий так искры мечом высекал,
Что жар возникал даже в сердце у скал.
Низами, "Искандер-Намэ"*

Была осень. В садах зрели плоды финиковых пальм. Отряды Александра Македонского, перейдя Тигр, двинулись к юго-востоку и заняли холмы, громоздящиеся против ассирийского селения Гавгамелы.

Спустя час на глинистых буграх, покрытых чахлым кустарником, вырос палаточный город. Воздух над лагерем сотрясался от криков пятидесяти тысяч загорелый воителей. Люди варили в медных котлах похлебку из чечевицы и ворочали над огнем туши коз и овец.

Феаген, командир малого отряда средней пехоты, лежал возле костра, подперев темноволосую голову правой рукой, и безотрывно следил за пламенем, что с треском пожирало охапки иссохшей, ломкой травы.

Прошло уже более трех лет с тех пор, как сто шестьдесят тяжелых кораблей доставили к варварской стороне Геллеспонта мужей Эллады, стремившихся перенести извечную войну против персов на восток, а Азию, а богатства азиатов - на запад, к себе. Бой при Гранике, где Александр разгромил одну из орд Дария Кодомана, послужил началом великого похода.

Да, вот уже более трех лет топчет Феаген пыль чужих дорог, ест чужой хлеб, пьет чужую воду, наводят мосты, роют подкопы, карабкается по стенам и убивает людей, но он, видит бог, по-прежнему беден. Так крепко сидит в душе марафонца честность (чтоб ей пропасть!) что рука, подобная железу, когда нужно пронзить варвара пикой, становится бессильной, точно у хворого, когда нужно очистить его кошелек. Дракил - тот поступает наоборот. Он редко вынимает из ножен меч, зато сумку достает из-за пазухи после каждого сражения. Так же, как

Феаген, купец задумчиво смотрит на пламя. Быть может, оно напоминает Дракилу сияние золота, добытого Александром за рекою Пинар. Или ему грезится сверкание браслетов египетских девушек?

Воины, которых всего декаду назад прислал из Пеллы, столицы македонцев, наместник Антипатр, еще не слышали свиста стрел. Молодцам, совсем недавно оторванным от гончарных кругов или наковален, хотелось послушать бывалых людей. Но так как Феаген и Дракил не раскрывали рта, один из новобранцев по имени Лаэрт, рябой беотиец из Танагры, сам подал голос:

- Жрецы рассказывают про Александра много странных вещей. Это правда, что он сын бога?

- Еще бы! - отозвался Дракил. Феаген бросил на него косой взгляд и усмехнулся. Купец покраснел и нахмурил брови. - Что за усмешка, убей меня гром? - зашипел он сердито. - Ты мне скажи: ходил ты по македонской земле?

- Нет.

- А Дракил жил на ней три года. Видел бы ты, что я видел, не кривил бы так свои губы.

Лаэрт придвинулся ближе и просительно коснулся рукой шершавого дракилова подбородка:

- Рассказывай!

- Охотно. Только не перебивайте. С вами говорит Дракил, а не какой-нибудь крот, который до тридцати лет не выходил за стены Марафона... - Дракил отвернулся от Феагена и удобно устроился на раскинутом возле костра шерстяном плаще. - Ну, слушайте. Александр, наш светлый вождь, да будет ему благо, родился двадцать пять лет назад в Пелле. Мать его зовут Олимпиадой; это женщина из богатого и знатного семейства. Но кто отец?

Дракил поднял указательный палец. Воины глядели на его руку широко открытыми глазами, словно перед ними священнодействовал прорицатель. Феаген сказал ядовито:

- Филипп, царь македонцев, считал отцом Александра себя. Неужели он ошибался? Неужели нашего высокоумного повелителя зачал один из таких молодцов, как ты?

Купец схватился за голову. Новобранцы оцепенели от ужаса. Дракил заорал:

- О нечестивец! На тебя сейчас небо опрокинется! Да, Филипп ошибался. - Дракил понизил голос. - Но... говорят, будто Александра зачал сам Зевс-громовержец!..

Дракил откинулся назад и обвел всех торжествующим взглядом. Изумленные воины не проронили ни звука. Феаген покачал головой и пробормотал:

- Что-то не верится. Это обычная уловка блудливых жен - переспят с кем-нибудь из соседнего двора, а потом сваливают на богов.

- О глупец! - воскликнул Дракил. - Что ты понимаешь! Разве Леда, супруга Тиндара, не родила своего сына Полидевка от Зевса, который явился к ней в лебедином образе? Разве не от Зевса и смертной женщины Семелы произошел Дионис?

- А Геракл? - несмело вмешался в спор беотиец Лаэрт. - Он тоже родился от Зевса и обыкновенной женщины Алкмены.

- Да! - подхватил купец, ободренный поддержкой. - И разве не сделал громовержец своей возлюбленной сестру Кадма, финикийскую царевну Европу, когда похитил ее под видом быка?

- Ну и бабник же был наш батюшка Зевс, - пробормотал Феаген.

- А Даная из Аргоса? - продолжал купец, не расслышав кощунственных слов командира. - Антиопа из Беотии? Она принадлежала к твоей общине, Лаэрт. Так ведь, а?

- Да... кажется, - неуверенно ответил беотиец. Он уже сожалел, что затеял этот опасный разговор.

- Если так, то почему Зевсу не побыть и с Олимпиадой? - напирал на Феагена купец. - Как ты ни возражай, Александр все равно сын бога. Не говорят ли об этом его дела, убей меня гром? Уже в детстве он прославился как человек, смелый до безрассудства. Раз к Филиппу привели

коня по кличке Букефал. Коня испытывали за городской стеной. Никто не мог с ним справиться. Самых лучших наездников сбрасывал Букефал. Рассердился Филипп и велел увести его прочь. Ну Александр и сказал тогда: "Какого - слышите? - великолепного коня теряют из-за того, что в седле не умеют сидеть". Филипп еще больше рассердился: "Не высмеивай старших за то, чего сам не можешь сделать!" "Разреши, и я его укрошу", - отвечает Александр. Тут хохот поднялся кругом: все думают, что сыну царя пошутить захотелось. "Попробуй", - сказал Филипп. Александр подбегает к Букефалу, хватая коня под уздцы и поворачивает головой против солнца, - он заметил, что скакун пугается собственной тени. Молодец наш погладил коня, успокоил, и вдруг прыжок! - и он уже на спине Букефала. Конь - на дыбы, но Александр удержался. Тогда Букефал рванулся с места и стрелой умчался прочь. Что тут стало! Филипп плачет, Олимпиада плачет, все плачут - пропал наследник, живым его не видеть... И что вы думаете, убей меня гром? Вечером Александр возвращается целехонек верхом на коне, и Букефал - овечки смирей! Сын какого смертного способен на такой поступок? Нет сомнения, Александра охраняет рука божества.

- При чем тут божество? - проворчал Феаген. - Говорят, у них там, в Македонии, много коней. Не диво, что любой македонец ловко сидит в седле. Александр же оказался лучшим из всех потому, что привык к самым резвым коням. Не на кляче же обучался сын царя верховой езде?

- А его ум? - возразил купец. - Он мудрей Сократа! Для него нет тайн, - все, что вокруг, ему понятно, все, что было, есть и будет, известно. Говорят, он помнит наизусть всю "Илиаду" слепца Гомера! Кто из детей простых смертных на это способен?

- Еще бы! Ведь его учил сам Аристотель. Если бы ко мне приставили такого воспитателя, я был бы не глупей Александра.

- Не болтай! - оборвал Феаген купец. - Ты не забыл, друг Лаэрт, битву при Херонеа? Она ведь произошла на земле беотийцев?

- Не забыл.

- Знаете, как отличился тогда Александр, убей меня гром? Ему и двадцати тогда не стукнуло. Он первым начал бой и поколотил священный отряд фиванцев. Разве не божество управляло рукой Александра?

- Чего ты заладил: "Божество, божество"?! - рассердился Феаген. Каждый ребенок поймет, почему Александр лез на пики, точно пьяный фракиец. Он славы хотел! Македонцы ночей не спали, думали все, как Элладу захватить. При дворе Филиппа только и говорили, что про битвы да походы! Ну, Александр и наслушался этих разговоров, о славе стал мечтать. Честолюбивый человек. Завидовал победам отца, губы кусал, ругался, боялся, что на его долю ничего не останется. Я не так уж туп, как тебе кажется, тоже кое-что увидел и услышал за эти три года. Кстати, не ори так и не брызгай мне слюной прямо в лицо, - гром тебя, может быть, и не убьет, но я-то непременно хвачу кулаком по лысине. Забыл, дуралей, что я тебе командир?

Дракил живо присмирел. Феаген с ожесточением сплюнул в огонь.

- Разбойник твой Александр, а не сын бога, - добавил он зло. Ограбил нас, теперь грабит персов. А потом кого? И к тому же, он пьянчуга, болтун и хвастун, падкий на лесть.

- Хм... - Дракил хитро прищурил глаз и ухмыльнулся. Вот тебе и молчаливый Феаген! Не наговорил ли командир много лишнего, а? Даже юнцы об этом догадались, - ого, как вытаращили они свои красивые, но глупые глаза! И вздумай Дракил передать кое-кому слова земляка... Толстяк воспрянул духом. Он почувствовал свое превосходство и нагло расхохотался.

- Нет, ты не прав, друг Феаген! - вскочил Дракил, задрав свою большую голову. - Убей меня гром, если ты прав! Послушай-ка меня! При Гранике нас было всего тридцать тысяч пехоты и пять тысяч конницы. Так? У персов же чуть ли не двадцать тысяч греческих наемников и

примерно столько же конных и пеших лучников. Выходит, на пять тысяч больше. Причем они стояли на высоком, обрывистом берегу, а нам пришлось наступать через болото и по речной воде. Так? И все же Александр поколотил неприятеля. Поколотил крепко. Скажи: кто даровал ему победу, если не сила неба? Под Иссой на нас навалилось уже сто тридцать тысяч персов, но Александр и этих разбил в пух и прах. Кто преподнес ему победу, если не божество? Не зря он говорил тогда: "Само божество лучше всего борется за нас". Я не помню ни одной битвы, когда мы не сумели бы отлупить этих двуногих скотов. Все это - от неба. И, наконец, Египет. Помнишь ты поход к оракулу Аммона, когда мы чуть не пропали без воды в Ливийской пустыне? Разве жрецы не признали Александра сыном главного египетского бога?

- Все это бред, - проговорил Феаген. - Персы - народ храбрый, да оружие у них никуда не годится. Боевым приемам их не обучают, - кто как умеет, так и дерется. Поэтому-то один македонец устоит против трех варваров. Да и сама Персида нынче одряхла. Я слышал, будто у них что ни день, то усобица меж сатрапов или мятеж, - тут много разных племен, иранцы их грабят, вот они и берутся за топор. Народ совсем от поборов обнищал. Оплевана страна, опозорена своим царем. Говорят, их, этих царей, безбородые евнухи по своей воле сажают на трон и сами же убивают по наущению царских жен и их любовников. Евнух Богоаз тем и прославился, что поставил на царство и убил трех царей; он и до четвертого добрался бы, да Кодоман вовремя отрубил ему голову. Персида - все равно что больной человек. Откуда у больного сила? Понятно тебе? Ну, а что касается жрецов Аммона, то... если я схвачу тебя за горло да стисну как полагается, ты меня признаешь не только сыном, братом, дядей, племянником, дедом, внуком, шурином, деверем, тестем или зятем бога, но даже отцом всех богов, какие только существуют. Ясно? Ну, ладно. - Феаген устало махнул рукой. - Верно сказано: не бреди улегшегося горя. И еще сказано: живем не как хотим как можем. Похлебка готова?

Марафонец и сам понял, что болтал нынче без меры. Три года молчал глядел, слушал, прозревал (ведь когда-то и он верил, что Александр - сын бога!), копил злобу и вот: не удержался, выплеснул ее в лицо Дракилу. Это Лаэрт, рябой дурак, подвернулся под руку со своим нелепым вопросом, чтоб ему в тартар провалиться.

- Но, Феаген... - начал было Дракил опять, однако Феаген, желая прекратить спор, гневно прикрикнул:

- Заткни глотку, чурбан! У меня от твоей трескотни уши давно болят.

Дракил, стремясь найти поддержку, обратился к Лаэрту и его товарищам. Но те не поднимали глаз. Сердцем дети бедняков на стороне Феагена. Однако мысли его слишком опасны. Кто решится показать, что одобряет его слова? Не хочется помочь и Дракилу - уж очень напоминает он своими ухватками жадного ростовщика. Лишь рябой Лаэрт ответил на взгляд купца угодливой улыбкой, но какой прок от одного желторотого юнца?

Дракил озабоченно почесал черные лохматые поросли на висках и "заткнул", по совету Феагена, свою сиплую глотку.

В это время где-то справа, кажется, у царских шатров, звучно и протяжно запели флейты.

- Обход!

Солдаты, лениво развалившиеся вокруг жарких костров, разом пришли в движение: они торопливо отряхивали хитоны, поправляли портупей, стирали с доспехов желтую пыль. Затем опять садились на тщательно свернутые плащи, но теперь уже не услышать пустых разговоров - на лицах у всех, особенно у младших командиров, напряжение и сосредоточенность, в глазах тревога.

- Обход!

Меж палаток двигалась толпа высших начальников македонского войска. Царь изредка

останавливался у костров, зорко всматривался в людей - нет ли пьяных, больных, упавших духом, все ли побрились перед боем, - чтобы не дать в рукопашной противнику ухватиться за бороду; он придиричиво копался в сумках пращников и в колчанах лучников - достаточно ли там свинцовых шаров и железных стрел; крепок ли щит, сменена ли тетива, годен ли панцирь, он пробовал на вкус похлебку, задавал вопросы, отворачивался без слов от нерадивых воинов (теперь им несдобровать!), скупно кивал солдатам, выглядевшим лучше других. Некоторых он даже называл по именам, протягивал им руку, и сердца грубых мужчин, истосковавшихся на войне по теплому слову, таяли как воск.

Наконец он проследовал мимо того места, где расположился отряд Феагена. Марафонец первый раз за три года войны видел Александра так близко. Ведь царь один, а предводителей малых отрядов средней пехоты много тысяч. Кто сказал, что сын бога Аммона должен столкнуться с каждым из них нос к носу? Облик царя поразил Феагена. Македонец был невысок, тощ, даже тщедушен. Пряди волнистых рыжих волос падали на открытый, с двумя крупными выступами, упрямый лоб. Легкий наклон шеи влево, красное лицо, томный взгляд зеленых глаз, морщины возле них, капризный рисунок губ и округлый женский подбородок напомнили Феагену его жену, увядающую красавицу из Лакратиды. Это был не могучий герой, а самый обыкновенный человек, каких много тысяч.

За повелителем следовали телохранители и полководцы в глухих панцирях поверх серых хитонов и в бронзовых шлемах с гребнем или хвостом. У всех на боку широкие мечи. Волосатые ноги оплетены ремнями сандалий. В мускулистых руках, обнаженных до локтей, тяжелые круглые щиты.

Царь и свита остановились на куполообразном рыжем холме; перед ними расстилалась желтая равнина с редкими пятнами кипарисовых рощ, разбросанных по пустым полям. Хлеб селяне убрали уже давно, еще в середине лета. Далеко, почти возле Верхнего Заба, сквозь дым вражеских костров, сонно колеблющийся и медленно уходящий кверху, виднелось нагромождение плоских крыш и квадратных башен. Ближе, между белыми треугольниками шатров, копошились тысячи людей. То были воины персидского царя Дария Кодомана.

- Выстраиваются, - хрипло сказал Александру суховатый белобрысый старик. Он держался уверенно, каждым жестом подчеркивая свое достоинство. - Ударим сейчас, пока не поздно.

Казалось, Александр не слышал этих слов. Он молча глядел на юго-восток, где стояли персы, и о чем-то думал.

- Ну?! - воскликнул царь нетерпеливо.

Царь качнул головой.

- Нет, Парменион.

Старик нахмурился.

- Когда же?

- Когда? - Александр почесал кончик своего красивого носа. - Утром. Пусть люди отдохнут.

- Но ведь они бездельничают уже четыре дня! - загорячился Парменион. - Сколько им еще отдыхать?

- Пусть бездельничают еще одну ночь, - лениво сказал царь. - Отдых всегда полезен человеку.

- Но персы успеют выстроиться до утра! - все больше распалялся Парменион.

- Не беда...

Александр зевнул; он точно хотел показать, что и в обол [обол мелкая серебряная монета у древних греков] не ставит Пармениона со всей его высокой мудростью.

- Не беда? - Старик насмешливо вскинул кисточки белых бровей. - А не вспомнить ли нам слова твоего любимца Ксенофонта? "Лови для нападения на врага такое время, когда он

случится в беспорядке, а твое войско будет устроено к бою; когда он будет без оружия, а ты с оружием в руках... когда ты видишь его, а сам остаешься скрытым; когда он на дурном месте, а ты занимаешь выгодное". Или ты забыл советы старших?

- Нет, - вяло ответил Александр.

- Так чего же ты ждешь? Враги еще не выстроились. Они в беспорядке, а наша конница готова к бою. Мы видим неприятеля, сами же скрыты за этой грядой холмов. Персы внизу, мы наверху. Почему нам не ударить?

Александр досадливо поморщился.

- Ты не ослеп, старец? Ночь на носу.

Парменион смешался (о, змей Тифон бы тебя побрал!), но быстро нашелся:

- Ну и что же? Пусть ночь. Иного выхода нет. Если мы не нападём на персов, они нападут на нас.

Царь повернул голову, и в его суровых глазах Парменион увидел презрение.

- Не нападут, - мрачно проговорил царь.

- Почему?

- Почему? - загремел Александр. К его лицу разом прихлынула кровь, и оно стало вовсе багровым, как у бражника. - Потому что они боятся нас! И страхом мы дойдем их. Прикажи отряду легкой конницы всю ночь разъезжать по равнине с факелами. Пращники же пусть понемногу камни бросают. Сменяй тех и других чаще, чтобы люди успели поспать. Дозорам не дремать, - голову сниму! Чтобы и мышь не проскочила в лагерь. Лазутчиков, разведчиков и разных шатающихся азиатов убивать на месте. Ты понял меня?

- Для чего вся эта затея? - уставился на царя старый полководец. Изумленный Александр косо поглядел на Пармениона:

- О боже! Чтобы персы всю ночь ждали внезапного нападения и всю ночь простояли в строю.

Он повернулся и быстро направился по склону холма вниз к лагерю. Гетайры - "товарищи царя" - еле поспевали за повелителем. Филота, сын Пармениона, косматый, похожий на медведя великан, остался подле отца. Старик размышлял: "Чтобы персы всю ночь ждали внезапного нападения и всю ночь простояли в строю..." Афина-Паллада! Как не додумался до этой мысли он, Парменион, друг царя Филиппа, известный воитель? Да, персы боятся Александра и не нападут на него первыми, да еще в ночной темноте. Готовясь отразить неожиданный удар, они до зари простоят в строю, истомятся без сна, измотаются от бесконечных ложных тревог, устанут, точно волы на пахоте, и утром, когда у них начнут подкашиваться ноги, свежее, отдохнувшее войско Александра грянет на варваров сверху и смешает их с прахом равнины... Просто и велико!

Так случается не первый раз. При Гранике старик настойчиво уговаривал Александра отложить бой, - враг занимал возвышенность, тогда как македонцы держались внизу, перед болотом, и Парменион боялся увязнуть в трясине. Но царь его не послушался. "Неужели, - сказал сын Филиппа, - так легко перейдя через Геллеспонт, я остановлюсь перед этой жалкой речонкой?" Он бросился вперед и разгромил неприятеля.

После того, как пал Тир, город финикийцев, подчинявшихся персам, Дарий предложил сыну Филиппа дружбу, все владения на запад от Евфрата до Эгейского моря, десять тысяч талантов [талант - самая крупная денежная единица древней Эллады и древнего Востока, около 1500 золотых рублей] выкупа за семью, попавшую в плен к македонцам под Иссой, и руку одной из своих дочерей. "Будь я Александр, - сказал тогда Парменион, - я принял бы эти условия". "Да, - ответил проклятый юнец, - будь я Парменионом, я тоже согласился бы на то, что предлагает мне персидский царь. Но так как я Александр, условия, поставленные Дарием, меня не

удовлетворяют. Зачем мне половина государства, если я могу захватить его целиком? Зачем мне его деньги, если их у меня и так много? А жениться на одной или сразу на обеих дочерях Дария я могу и без его разрешения, - ведь они у меня в обозе..."

"Да, Александр умен, смел и прозорлив, - сокрушенно подумал старый полководец. - Он в тысячу раз умней дряхлого осла Пармениона".

Вывод отнюдь не утешил белоголового македонца; напротив, возмутил, вызвал в его завистливой душе волну сопротивления.

- Наш светлый повелитель, чтоб ему пропасть, совсем обнаглел, сказал старик сыну, когда они спустились с бугра и зашагали к лагерю. Филота молча кивнул. - От успехов, которыми он обязан тебе и мне, продолжал Парменион, - у него закружилась голова. Он, кажется, и впрямь вообразил себя сыном бога Аммона.

Филота снова кивнул. Он обожал родителя и всегда с ним соглашался.

- Не пора ли обломать ему божественные рога? - прошептал Парменион и покосился на людей, лежащих у костров.

- Что же... - прохрипел Филота. - Среди воинов много недовольных. Все устали от похода, которому, Аполлон свидетель, не видно конца. Ночью - в шатер, удар, другой, и... - Филота растопырил толстые мохнатые пальцы, затем быстро сжал их в огромный кулак и вскинул кверху, как бы встряхивая за волосы отрубленную голову.

У царского шатра они увидели главных телохранителей Александра: худого, жилистого Фердикку и черноглазого красавца Птолемайоса Лага. Фердикка глядел на отца и сына с откровенной неприязнью, а жизнерадостный Птолемайос Лаг весело скалил зубы и отстукивал на рукояти меча танец метонских рыбацек.

Вечером, после короткого военного совета, Александр остался в шатре один. Он растянулся на мягком ковре, преподнесенном жителями Гордия, того самого Гордия, где ему показали узел, стянутый на дышле колесницы древним царем фригийцев. Тот, кто развяжет узел, - говорило предание, - овладеет всей Азией. Сын Филиппа, не долго думая, разрубил его мечом. Воспоминание об этом случае развеселило царя. Да, меч - вот ключ к варварской стране! Александр закинул за голову тонкие жилистые руки с крепкими ладонями и улыбнулся.

Явился, тяжело ступая, молчаливый Фердикка. Менее корыстный, чем свора прочих сподвижников царя, Фердикка, как всегда, был облачен в глубокий хитон, опоясан потертым ремнем без всяких блях и побрякушек и, будто нарочно, щеголял в стоптанных и неказистых сандалиях. Он казался на вид тупым и неотесанным, и только Александр знал, как умен и зорок его первый телохранитель. Именно из-за ума и бескорыстия царь доверял Фердикке, как себе. Такой не продаст. Фердикка презирает мелких людишек, преследующий один другого из-за пустяковых страстей, важных только для них самих. Он любит лишь Александра, ибо считает, что молодой царь, с его размахом, не зря живет на свете, ему стоит помогать.

Ветер, поднявшийся после завтрака, трепал кисти шатра и надувал полотнище, словно парус. От беспокойного пламени кедрового факела по длинному, костлявому, носатому лицу Фердикки пробегали колеблющиеся теньевые пятна.

- Притащился грек из средней пехоты, - проворчал Фердикка. - Просится к тебе.

- Зачем?

Фердикка пожевал ус, потом брезгливо сказал:

- Донос.

- О? - Александр приподнялся на локте и натянул на голую грудь пестрое восточное покрывало. - Зови!

Показался Дракил. Его круглое, обрюзгшее, хитрое лицо так и лоснилось от жира. Он сделал три шага вперед и совершил то, до чего не унился бы ни один грек или македонец, -

опустился перед царем на колени. Это понравилось потомку Филиппа. Он милостиво кивнул Дракилу:

- Рассказывай!

- Феаген, командир сорок четвертого малого отряда средней пехоты греков, распространяет среди воинов ложные слухи о твоём величестве. Говорят, будто отец твой не Филипп, будто ты (не смею вымолвить...) родился от какого-то наемного фракийца. Он тебя назвал (страшно сказать!) разбойником, а не сыном бога Аммона. И говорил много других непотребных слов.

Дракил умолк и низко склонил свою лысую голову. Окруженная венцом черных волос, лысина походила на вычищенное дно медного котла.

- Ты слышал Фердикка? - спросил царь у телохранителя.

- Да, - коротко ответил Фердикка.

- Волоки этого Феагена ко мне. А ты, как, тебя... Дракил? Ты скройся за пологом и сиди, пока не позову.

Купец послушно спрятался. Лицо Александра не изменило выражения - он беззаботно улыбался. Всю жизнь его окружали заговорщики. Царь вспомнил Павсания, - знатный македонский юноша, которого никто не подозревал в измене, на пиру неожиданно убил Филиппа. Спустя некоторое время полководец Аттал едва не взбунтовал войска. Даже тогда, когда Александр, казалось, водворил в Элане спокойствие, покорил Малую Азию и добрался до Сирийских Ворот, мятежные Афины отправили послов к Дарию.

"Дети собак, - беззлобно выругался Александр про себя. Люди, достойные презрения, не вызывали в нем гнева. - Чего они хотят? Зачем напрасно жертвуют собою? Подобно мерзким ужам, извиваются они у меня под ногами, бессильные даже укусить. И, словно ужи, издыхают, раздавленные моей стопой. Неужели они полагают, что можно остановить меня-меня, сына бога Аммона? - Македонец недоуменно пожал плечами. - Скопище червей... Я уничтожал их и буду уничтожать..."

Он так верил в себя, в свое призвание и неуязвимость, что донос Дракила даже рассмешил его, как рассмешили бы Геракла угрозы пятилетнего ребенка. Когда Фердикка привел в шатер бледного Феогена, царь лежал все в той же позе, опираясь локтем на ковер.

- Привет Александру, - сказал Феаген глухо, снял с головы шлем и остановил выжидательный взгляд на лице повелителя.

- Феагену привет, - ответил Александр добродушно. - Говорят, ты обо мне плохо отзывался. Правда?

Феаген отступил на шаг. Все понятно, Дракил на него донес. Отпираться недостойно.

- Правда, - признался Феаген; брови его резко сошлись на переносице.

- Почему ты это сделал?

- А ты? - Феагену уже было нечего терять. - Почему ты сделал то, что сделал?

- О! - Александр приподнялся, сел уставился на Феагена. - Разве я тебя обидел чемнибудь?

- Обидел.

- Чем?

Феаген движением ладони показал на свой шлем и кирасу.

- Тебе плохо на войне? - сухо спросил Александр.

- Плохо.

- Другие не жалуются. В Азию пошли без рубах, теперь у всех золото позвякивает в сумке.

- У меня не позвякивает.

- Почему?

- Грабить не умею.

- Грабить не умеешь? - брови Александра изогнулись еще круче, чем тогда, при обходе. -

Что же так?

- Меня самого ограбил мой дядя Ламах. И я страдал. Ограблю кого также будет страдать. Нехорошо.

- А! - Царь закусил губу, чтобы не выдать раздражения. - Но тут же Азия. Грабить варвара не грех.

- Все равно человек.

- Да ты совсем дурак, я вижу! - проворчал Александр сердито. Видимо, зной Востока плохо действует на твою голову. Вдобавок, на тебе панцирь, тебе тяжело. Разрешаю снять. Советую перейти в легкую пехоту. Завтра пойдешь впереди всех и начнешь бой. Прохладный воздух полей освежит твой мозг, и ты перестанешь болтать небылицы о твоём царе. Ты понял меня?

- Да, - угрюмо отозвался Феаген. Александр приговорил его к смертной казни, - тот кто идет в голове войска и завязывает бой, редко остается в живых. Проклятый болтун! Кто тянул тебя за язык? Не наговори ты сегодня всякой чепухи, не стоять бы тебе сейчас перед царем. Мышь рыла, рыла - и дорылась до кошки. Не пасть ли ниц перед македонцем, не вымолить ли у него прощение? Нет, Феаген - свободорожденный гражданин Афинского государства, ему не пристало унижать честь своего города. И как ни сожалел марафонец о случившемся, он не потерял головы и ждал, внешне спокойный, хотя и пасмурный, что будет дальше.

Александр повернулся к Фердикке и произнес несколько странных протяжных слов. По звучанию и строю его речи казалось, что он изъясняется на греческом языке. Но говор македонцев был смешан с фессалийским, эпирским и фракийским, поэтому Феаген ничего не разобрал. Зато Дракил, который три года жил на родине Александра, хорошо понял царя.

- Вот каковы эти афиняне! - сказал сын Филиппа. - Самому Зевсу их не переделать. Отправь мерзавца к стрелкам Балакра. Утром в бою какой-нибудь варвар догадается пробить его стрелой.

- А если не догадается?

- Значит, счастливец этот грек. - Александр зевнул. - Останется жив пусть живет. Уж не думаешь ли ты, что я его испугался? На заговорщика не похож. Он просто глуп.

Фердикка взял марафонца за шиворот и вытолкнул из шатра. Александр окликнул Дракила. Купец опять повалился на ковер.

- Ты поступил хорошо. - Александр снял с пальца золотой перстень и кинул его Дракилу, как собаке кость. - Слушай, о чем говорят воины, и рассказывай мне. Назначаю тебя командиром отряда вместо Феагена. А теперь - прочь, я спать хочу.

Со стороны Гавгамел послышался душераздирающий крик осла. Ветер стих. Стало светло. Александр проснулся и велел позвать Пармениона.

- Как персы?

- Всю ночь стояли в боевом строю, - ответил Парменион с досадой. - И сейчас еще стоят.

- Хорошо! - Александр вскочил, с хрустом потянулся и ударил в гонг. Телохранители внесли золотые тазы с водой для омовения, - они принадлежали раньше Дарию; македонец захватил их под Иссой.

Туман, что нависал над равниной с рассвета, медленно растаял под лучами восходящего солнца. И македонцы увидели войска Дария. Как туча закрывает половину неба, так и это огромное скопище вооруженных людей заполнило почти все пространство между Гавгамелами и грядой холмов, на которых закрепился сын бога Аммона.

Дарий построил свое войско в две линии: в первой находилась пехота, во второй - вспомогательные отряды. На обоих флангах первой линии расположилась конница. Впереди всего строя извивались, подобно змеям, хоботы слонов и сверкали ножи двухсот колесниц. Царь и его свита заняли место в середине боевого порядка.

Здесь собирались воины из многих азиатских племен. На левом крыле виднелись бактрийские всадники, дахи и арахоты. Рядом стояли пешие и конные персы, эламиты и кадусийцы. Правое крыло усеяли конники из Южной Сирии, Палестины и Месопотамии, лидийцы, парфяне, саки, тапуры, албаны, индусы, греки-наемники, служившие персам, и мардские стрелки. Глубину строя забили вавилоняне, ситакены, уксы и воины с берегов Красного моря. Кроме того, перед левым крылом Дарий выдвинул тысячу наездников скифов. Конники из Армении и Каппадокии выступали перед правым крылом.

Узоры и полосы длинных кафтанов, широких халатов, просторных хитонов, коротких курток белые плащи, серые, красные и синие накидки и покрывала, клетчатые юбки, кольчуги, панцири, кирасы, тюрбаны, меховые шапки, войлочные тиары и медные шлемы - все это сливалось в один сплошной и такой пестрый и яркий ковер, что при взгляде на него рябило в глазах.

Нестерпимо сверкали наконечники десятков тысяч пик, звенели мечи, глухо стучали плетеные щиты, шелкали бичи, пронзительно ржали кони.

Как и предвидел Александр, варвары устали от ночного бдения и теперь, нарушив строй, сидели на корточках, лежали в пыли или дремали, прислонившись к лошадям и повозкам. Невозможно было охватить всю эту орду одним взглядом - обе стороны боевого порядка азиатов терялись далеко справа и слева в клубах взметающейся кверху пыли.

На холмах прокричали рога. Стан македонцев пришел в движение. Показался Александр. Он стискивал ногами обвешанные волчьими шкурами бока знаменитого Букефала и размахивал копьем. Чужой запах волчьих шкур, конь так и рвался вперед. Голову царя покрывал рогатый шлем. Грудь и спину облегал глухая кираса с изображением Медузы Горгоны. От кирасы к бедрам, а также спереди и сзади, свисала бахрома медных пластинок. Полы красного хитона не достигали колен. Руки оставались голыми до локтей, за спиной развевался короткий, но широкий плащ. Из пятидесяти тысяч глоток вырвался крик:

- Слава Александру!!!

Крик этот долетел до персов и разом поднял их на ноги. Александр, сдерживая горячившегося коня, отдавал короткие приказания. Их выполняли быстро и без суеты, - командиры уже с вечера знали, что им делать.

В середине войска Александр поставил фалангу - шестнадцать тысяч триста восемьдесят четыре тяжеловооруженных воина-гоплита, выстроившихся шестнадцатью рядами по тысяче и двадцать четыре человека в каждой шеренге. Фаланга равнялась по фронту двум тысячам шагов. Один человек по фронту и шестнадцать в глубину составляли малый отряд-лох. Колонна из шестнадцати воинов по фронту и шестнадцать в глубину (двести пятьдесят шесть человек) образовывала синтагму. Из шестнадцати синтагм складывалась малая фаланга, из четырех малых фаланг - одна главная. Гоплиты держали в руках длинные, по двенадцать локтей, пики-сариссы и большие прямоугольные щиты. Их головы защищали гребенчатые шлемы. Сбоку у всех висели мечи.

Правый фланг войска занимали гетайры-всадники, закованные в латы, вооруженные сариссами и кривыми фракийскими мечами махайрами. У них с круглых бронзовых касок свешивались на спину конские хвосты. Гетайров было здесь восемь, или по шестьдесят четыре воина в каждой иле. Командовал ими Филота, сын Пармениона.

Промежуток между фалангой и отрядом гетайров заполнили воины средней пехоты-щитоносцы, которым в бою надлежало обеспечивать успех тяжелой конницы. У отборных гипаспистов, как их называли, щиты были окованы серебром. Щитоносцев возглавлял Никанор, второй сын Пармениона.

Левым крылом руководил сам Парменион. Здесь, рядом с фалангой гоплитов, стояли: отряд

Кратера, греческая пехота Эригия, сына Лариха, затем фессалийская и греческая средняя конница под началом Филиппа, сына Менелая. Вокруг старого Пармениона, находившегося на крайнем левом фланге, сгруппировались воины города Фарсала, лучшие из фессалийских наездников.

Впереди по бокам всего боевого порядка рассыпались фракийцы из племени агриан, вооруженные дротиками, пэоны, стрелки Балакра (среди них находился и Феаген), отряды босоногих лучников и пращников и легкая конница. Позади боевого порядка, чтобы отразить удар персов, если они пойдут на окружение, Александр поставил восемь тысяч двести воинов средней пехоты.

Таким образом, если азиаты лучше всего укрепили середину войска, то македонцы главную свою ударную силу-тяжелую конницу гетайров-поставили на правом фланге. Если войско персов напоминало орла, распростершего крылья, то войска македонцев походило на секиру, повернутую лезвием вправо и вперед. Удар конным кулаком справа был излюбленным и боевым приемом македонцев, так как обрушивался на слабо укрепленное левое крыло противника и сразу же расстраивал его ряды.

"А, старый мудрец! - вспомнил Александр о своем наставнике Аристотеле, которому доставил в детстве так много хлопот. - Ты воображаешь, что люди грядущего будут называть меня жалким учеником Аристотеля, что Аристотель вечно будет выше Александра? Нет же, философ! На кой бес мне твои политика, логика, этика, поэтика, риторика, физика и ботаника? Ты за малый замкнутый город богобоязненных пахарей? Ты против огромных государств, крупных и шумных городов, против торговли и ремесла? Зато не против них я, Александр! Ты учил меня - ну так что же? Я сделаю все наоборот, чтобы люди грядущего не считали меня цепным псом афинского ученого..."

Александр махнул рукой. Громко запели флейты. Войско покинуло холмы, развернулось левым крылом и медленно двинулось по равнине навстречу азиатам. Александр со своими телохранителями держался на правом крыле, поблизости от гетайров. Из-под десятков тысяч топавших ног кверху поднялось столько пыли, что небо стало желтым, как земля. Было трудно дышать. Зорко следя за врагом, устало бредущим по мглистой равнине, Александр заметил вдруг, что размах его войска оказался короче размаха иранского полчища. Он сразу понял - это помешает ему нанести, по обычаю македонцев, удар по левому крылу неприятеля. Больше того, враг может легко охватить македонцев и с левого и с правого фланга.

- Филота! - крикнул он сыну Пармениона, ехавшему недалеко от царя. Забирай вправо! Птолемайос, передай Пармениону, чтобы двигался уступом позади нас.

Сын Пармениона повернул конницу вправо. Персы увидели перестройку в рядах противника. Дарий Кодоман решил, очевидно, что наступил благоприятный момент для сокрушительного удара. Воины, управляющие боевыми колесницами, хлестнули лошадей. Двести смертоносных повозок, утыканных кривыми ножками, помчались вперед. За ними с тяжелым и гулким топотом бежали слоны.

Феаген стоял с потемневшим, осунувшимся лицом впереди всего македонского войска и ждал, намертво стиснув пращу. За его спиной замерли, подавшись вперед, стрелки Балакра. Феаген забыл сейчас обо всем, - Дракил, донос, Александр вылетели из головы, едва марафонец увидел врага. Ему хотелось жить. Чтобы тебя не убили, надо убивать. Персы брызнули с колесниц тучей стрел. Греки, спасаясь от бронзовых жал, все разом упали на землю. Первая колесница летела прямо на Феагена. Он уже различал раскаленные зубы людей и лошадей. Сейчас!.. Феаген вскочил, закрутил пращей и вlepил свинцовый шар прямо в лоб возницы. Возница осел в кузове, нелепо дернув за длинные вожжи; кони рванули в сторону, поперек дороги. Персы пытались выправить бег лошадей, но пэоны убили их из луков. Вторая колесница с ходу врезалась в первую, остальные сбились в кучу.

Стрелки Балакра, агриане, пэоны напали на колесницы со всех сторон. Железные серпы, прикрепленные к дышлам, осям и сбруе, рвали полуголых лучников на куски, отсекали руки и головы. По изогнутым лезвиям стекали струи алой дымящейся крови. Бородатые возницы в пестрых хитонах и кожаных панцирях визжали от ярости и страха. Проворные фракийцы избивали возниц, лезли в колесницы и поворачивали их против иранцев. Пятидесяти боевым повозкам азиатов все же удалось прорваться сквозь густую толпу легких пехотинцев. Они ринулись на греческую фалангу. Воины, как было условлено еще с вечера, расступились. Колесницы зашли в спину тяжелых пехотинцев первого ряда, но тут их захватили и уничтожили щитоносцы запасных лохов.

Неудачной оказалась и атака слонов. Когда громадные, колыхающиеся туши гигантских животных очутились в гуще легкой пехоты, фракийцы и эллины забушевали вокруг них, как бушует во время сильного ветра вокруг лысых глинистых бугров молодой тростник. Под ноги слонов бросали доски с железными шипами. Стрелки поражали их в глаза и убивали вожakov, сидящих наверху в башнях. Схватка людей и слонов походила на мифическую войну богов и титанов, и четвероногий титан с ревом шарахался от пучка горящей травы, которым бог норовил прижечь ему длинный хобот. Кое-кто ухитрялся обрезать ремни, стягивающие морщинистые бога сынов джунглей, и башни вместе со стрелками с грохотом валились на головы дерущихся. Наконец, заботливо подобрав убитых и раненых вожатов, слоны повернулись и побежали назад. Тогда персы, воспользовавшись сумятицей, двинули вперед во всю свою первую линию.

На правом крыле завязался упорный бой скифов с легкой конницей македонцев. Скифы, дахи, бактрийцы и арахоты ловко и быстро метали стрелы и сбивали македонцев с лошадей, но затем отступили, отбиваясь прямыми кинжалами. Между левым крылом и серединой персидского войска образовалась пустота. Этого и ждал Александр.

- Филота, ко мне! - завопил он диким голосом. Точно молнией осветило его разум. И за то кратчайшее мгновение, пока длилась эта вспышка гения, Александр мысленно увидел все поле боя, движение отрядов - крупных и малых - и, казалось, заглянул в глаза каждому воину - македонцу и персу. Он передернулся с головы до пят от возбуждения. Его охватила, как юного сокола, взмывающего над пеной волн, бесконечная уверенность в своей великой несокрушимой силе. Он схватил подоспевшего Филоту за плечо и крикнул - коротко и звонко, будто одним рывком выдернул из ножен кинжал:

- Клинь!..

Гетайры быстро перестроились. Острие клина возглавил сам Александр. Резко, перекрывая шум сражения, затрубили рога. Раздался грохот тысяч щитов - македонцы ударили о них копьями для устрашения противника. Тысячи глоток изо всей мощи грянули пэан-гимн в честь Ареса Эниалийского. Тысячи людей охватило чувство единодушия. Из тысяч глаз хлынули слезы восторга.

Александр намертво ухватился за древко сариссы, пригнулся, наклонил голову, точно собираясь разметать всех кривыми рогами своего золоченого шлема, и ринулся вперед, в образовавшийся в рядах иранцев прорыв. Следом за ним тучей двинулись гетайры. Слева на персов ударили сомкнутым строем тяжелая македонская фаланга. Пятьдесят тысяч греко-македонцев и сто тысяч разноплеменных азиатов сошлись в кровавой схватке - последней схватке, от исхода которой зависела судьба Персидского царства.

Справа на клин обрушились бактрийцы, дахи и арахоты. Слева накатился вал из "бессмертных" - телохранителей персидского царя, мидян, индусов, мардских стрелков и греков-карийцев, служивших Дарию. Спереди македонскому клину противостояли ситакены, уксы и воины с берегов Красного моря. Все это был храбрый народ, но сегодня азиаты дрались

без обычного задора, так как не спали всю ночь.

Александр кинулся на ближайшего перса и ударил его острым наконечником сариссы прямо в лицо. Азиат, обливаясь кровью, рухнул под копыта бешено плясавших коней. Глаза его соседа, рослого иранца в полосатом платке, встретились с глазами рвущегося вперед македонского царя. Иранец метнул взгляд на шлем "юнана" - так, по имени восточно-эллинского племени ионян, живших в Малой Азии и подчинявшихся Дарию, называли персы всех греков и македонцев. По бокам Александрова шлема отходила пара огромных, изогнутых, зубчатых рогов-символ родства с богом солнца Аммоном, которого египтяне изображали в виде барана. Перс побелел и прынул назад. Над рядами сражающихся прокатился вопль:

- Зулькарнейн!

- Он здесь! - вызывающе крикнул сын Филиппа. Он слышал, что варвары дали ему прозвище Искендер Зулькарнейн - Александр Двурогий.

- Искендер Зулькарнейн! - повторяли азиаты. Трусы повернули коней и бросились бежать. Смелые устремились к Александру, чтобы умереть или обогреть свой меч кровью ненавистного юнана, по злой воле которого вот уже три с половиной года на земле не стихает война.

Бактрийцы пронзали гетайров стрелами. Но Александр продвигался вперед. Гиркане захватывали македонцев волосяными веревками и стаскивали их с коней. Но Александр продвигался вперед. Дахи прыгали на ходу под ноги македонских лошадей, ловко увертывались от копыт и сбоку поражали врага секирой. Но Александр продвигался вперед! Индусы без промаха метали топоры, разбивали шлемы и черепа, но Александр продвигался вперед, и за ним гигантским камнепадом, сметающем все на дороге, шли гетайры. Ни стрелы, ни веревки, ни топоры, ни кинжалы - ничто не могло остановить конников, закованных в бронзу и выставивших далеко перед собой длинные пики-сариссы. Македонцы наносили удары прямо в лицо и быстро расталкивали вражеских наездников. Клин разрушал нестройные ряды азиатов и неуклонно внедрялся в середину персидского войска, целясь острием прямо в Дария Кодомана.

- Дарейос! [Дарейос - греческая передача персидского имени Дариавуш; русская форма - Дарий] - рычал Александр, потрясая копьем. - Дарейос! Выходи на поединок, трусливый шакал! Ты бежал от меня под Иссой, но сегодня тебе не удрать!..

Сын Филиппа произнес эти слова по-персидски (научился за три года), и Дарию, услышавшему голос непобедимого македонца, небо показалось меньше блюда. Как и под Иссой, он первым из всех повернул коня и метнулся прочь с поля битвы... Он так спешил, что уронил по дороге шлем, лук и царскую мантию.

Заметив бегство Дария, воины левого крыла побросали мечи и тоже поворотили лошадей. Скопища всадников и пехотинцев с топотом и шумом мчались по равнине, словно стада, спасающиеся от степного пожара. Македонцы следовали за ними по пятам, опрокидывали бегущих сариссами и рубили махайрами.

У самых Гавгамел царя догнал посланец Пармениона. Он торопливо сообщил, что левому крылу македонского войска приходится очень трудно отряды индусов и персидская конница прорвали строй и добрались до обоза. Там завязался ожесточенный бой.

- О, старый осел! - выругался Александр. - Где твои глубокая мудрость, зоркий глаз, точный удар, которым ты вечно хвалился?!

Он скрепя сердце прекратил преследование Дария и во главе разгоряченных битвой гетайров напал на правый фланг азиатов. Индусы, парфяне и основные части персов, дравшиеся здесь, ринулись на Александра сплоченными рядами и начали действовать по примеру самих македонцев, лобовым напором. Если обычно они гоняли коней туда и сюда и бросали дроты, то сейчас старались сокрушить все, что ни стояло на их дороге, - теперь они бились не за Кодомана, а ради собственного спасения. Шестьдесят гетайров было изрублено на месте.

Прорвавшиеся азиаты покинули равнину, заваленную телами убитых и раненых, и пропали в стороне Арбел. Парменион лишь после этого захватил персидский лагерь, где меж поваленных и раздранных шатров бродили уныло трубящие слоны и верблюды.

Александр, выбрав Пармениона, снова кинулся в погоню за Дарием и мчался, убивая всех, кто попадался по пути, к Арбелам, пока не стемнело. Перейдя через реку Лику, он остановился и велел раскинуть палатки - люди и лошади нуждались в отдыхе. Сбросив рассеченную варварской секирой медную кирасу и хитон, запятнанный кровью неприятеля, царь искупался. Глаза его сверкали, щеки и лоб пылали от возбуждения.

- Клитарх! - заорал он, растирая грудь куском чистого полотна. - Эй, Клитарх!

Явился придворный летописец Клитарх, тощий и мрачный человек с морщинистым лицом и крючковатым носом.

- Где твой свиток? Пиши: "При Гавгамелах пало сто тысяч азиатов. Персидского войска не существует. Владычеству Дарейоса Кодомана положен конец..." Написал?

Македонец опять схватился за доспехи.

Слово Клитарха.

"После битвы у Гавгамел, уже к утру следующего дня, мы оказались в четырехстах двадцати стадиях к юго-востоку. Войско подступило к Арбелам. Как всегда перед битвой, наш царь, да будет ему благо, сам вышел на разведку. Узнав то, что ему хотелось узнать, он построил соответствующим образом войско и рассредоточил отряды в глубину. Вторая линия придала боевому порядку большую устойчивость и послужила щитом для отражения внезапных ударов. После короткого сопротивления город пал, подобно десяткам иных городов, стоявших на пути сына бога Аммона. Дорога на Вавилон открылась. Он сдался нам без единого выстрела - сказочный город, о котором я так много слышал у себя на родине, великая столица, где около двухсот лет назад служил наемником брат лесбосского поэта Алкея. Того самого, который когда-то безответно любил красавицу Сафо. Ему, своему родичу, посвятил Алкей стихи такого содержания:

"Из далеких стран ты принес домой меч с рукоятью слоновой кости, оправленной золотом. Значит, ты храбро, с эллинской доблестью, служил вавилонянам. Ты бился насмерть в единоборстве и сразил царского телохранителя ростом чуть ли не в пять локтей".

Если эллины служили когда-то вавилонянам, то сейчас вавилоняне служат эллинам, - таковы пути божеского промысла.

Здесь Александр торжественно принял титул "Царя Вавилона и четырех частей света", повел нас дальше на юго-восток и захватил одну за другой еще две столицы персов - Сузы и Персеполис. Так как мы добрались до гнезда проклятых иранских царей, то Александр предал Персеполис огню и мечу, разрушил дворцы и храмы, истребил священнослужителей, сжег древние книги зороастрийцев. Воинам досталась богатая добыча.

В Персеполисе мы отдыхали четыре месяца. Тут стало известно, что Дарейос Кодоман бежал после битвы при Гавгамелах в город Экбатану, столицу народа мадай. Усилил войско пополнением из Пеллы и отрядами, составленными из жителей покоренных областей, Александр двинулся весной на Экбатану.

Конница покрыла за пятнадцать дней почти шесть тысяч стадиев и стремительным налетом захватила город. Последние сокровища Кодомана перешли в руки Александра. Дарейос бежал на восток, в Гиркан [Гиркан страна к юго-востоку от Каспийского моря, по названию которой это море было известно в древности также как Гирканское; в тех же местах, в Иране, до сих пор существуют город и река Горган]. Сейчас мы преследуем его. Войско разделилось на три части и вступило в страну по трем дорогам. Я нахожусь в передовом отряде. Вчера миновали теснину Гирканских Ворот. Впереди-город Рега, где укрывается Кодоман.

Уж теперь-то он от нас не уйдет!.."

КОНЕЦ ДАРИЯ КОДОМАНА

*Ты помнишь повесть, как погиб Дара,
Лишился трона, славы и добра?
Мечами приближенных поражен,
Пал, благородной кровью обгажен.
Джами, "Книга мудрости Искандера"*

Варахран стащил с натруженного плеча козую сумку, положил ее-вернее, уронил, и сам тут же повалился на траву. Руки и ноги Варахрана ныли от утомления, словно он с утра до темноты носил на себе тяжелый камень. От голода кружилась голова. Язык без воды стал шершавым, будто его посыпали крупным песком. Беглец немного отдышался и пополз к огромной луже, блестевшей на дне озера.

Глина вокруг лужи высохла и растрескалась; края серых твердых пластинок загибались кверху и царапали кожу ладоней. Варахран наклонился над водой и отпрянул назад - так испугало его собственное отражение. Неужели грязное, оборванное существо с тощим, бородатым, черным от загара лицом - это он, Варахран? Даже в Реге, проклятой Реге, да не останется от нее камня на камне, Варахран выглядел куда лучше.

Вспомнив о Реге, путник побледнел, точнее - стал желтым, словно лицо его было вырезано из куска сыра. Беглец поднял голову и осмотрелся.

Слева от Варахрана, к северу, громоздились одна за другой гряды бесплодных красноватых гор. Чем дальше, тем выше становились хребты, круче вздымались их вершины. В широких извилистых оврагах, спускающихся сверху и выходящих устьями на равнину, застывшими волнами лежал песок. Справа расстилалась пустыня. Весна была ни исходе. Отцвели и засохли на дюнах алые тюльпаны; траву, еще недавно такую густую и сочную, как бы прохватила ржавчина. Пройдет еще месяц, и от весенних красок не останется и следа; только мясистые листья густо разросшейся ядовитой триходесмы сохранят свой темно-зеленый цвет.

Тишину, висевшую над горами и пустыней, не нарушали ни крики пастухов, ни лай собак, ни даже клекот орла. Убедившись, что ему никто не угрожает, беглец припал темными, запекшимися губами к теплой воде. Он пил долго и жадно и оторвался от лужи лишь тогда, когда живот его распух, а к горлу подступила тошнота. Варахран кое-как встал, добрал до сумки и съел, медленно двигая челюстями и тяжело вздыхая, кусок плоского черствого хлеба. Потом, подобрав сумку, забился в расселину, вымытую дождями, и тотчас же погрузился в мутный сон.

Очнувшись Варахран три часа спустя и не по своей воле. Его разбудил странный звук, доносившийся неведомо откуда. Варахран сжался в комок и замер в своем убежище. Звук нарастал, и чем громче он становился, тем сильнее прижимался беглец к сухой глинистой стене расселины. Но постепенно испуг сменился изумлением.

За безжизненными холмами, которых, казалось, даже звери избегали из-за их неприветливого вида, кто-то весело горланит песню. Она была несложной:

Горшок измучила тоска,
Разбился он на три куска.
Исправим - ерунда!
Но если срубят голову,
То не приставят новую.

Вот это уж беда...

- Не дух ли пустыни там тешит свое черное сердце? - пробормотал беглец посеревшими губами.

Неизвестность томила его больше страха; осторожно, как волк, подкрадывающийся к стаду овец, он выбрался из расселины, припал к огромной глыбе лесса, оторванной весенним потоком от стены оврага, и высунул голову.

Из-за холма, поросшего чахлой солянкой, выехала толпа всадников. Удивительное зрелище представляли неведомые путники. Лица их осунулись и потемнели. Посерели от пыли головные повязки, войлочные шапки и медные шлемы. Из дыр и щелей рассеченных мечами и разодранными копьями золоченых панцирей свисали обрывки узорчатых одежд. К покоробившимся серебряным щитам присохла грязь. В боках колесниц, отделанных синим яхонтом, зияли пробоины. Из под ключев, оставшихся от богато расшитых черпаков и мягких войлочных попон, выглядывали острые ребра утомленных коней.

Путники спешили. Их насчитывалось, на взгляд, до ста человек. Половина была в круглых шапочках, туго перепоясанных хитонах и длинных узких штанах. Сердце Варахрана радостно забилося - так одеваются согдийцы.

Кони жадно потянулись к воде, но их отогнали ударами бичей. А ведь обычно первыми пьют кони... Только напившись сами, люди напоили животных и пустили пастись, спутав ремешками передние ноги. Затем нарубили сухой прошлогодней колючки и разожгли пять больших костров. Все это они делали, не произнося ни слова. Лишь один из них все еще тянул, хотя уже не так громко, песню о том, как бедный горшок затосковал и разбился.

Это был худощавый, немного сутулый человек среднего роста, в диковинной, под стать его хваткам, одежде. Голову певца укрывала мягкая шапка из шкуры леопарда. Знак принадлежности к высшей касте. Плащ, развевающиеся полы которого свисали почти до пят, был также сшит из пятнистых шкур. Своим необычным нарядом певец отчетливо выделялся из всех находящихся подле озера людей. "Наверно, мадай, - подумал Варахран. - Но почему такой просторный плащ?" Старейшины горцев, которых он видел в Реге, носили только по одной барсовой шкуре. Беглец старался разглядеть лицо "пятнистого человека", но это ему не удавалось, потому что певец, как нарочно, все время поворачивался к нему спиной.

- Замолчишь ли ты, наконец? - услышал Варахран чей-то гневный окрик. - Отчего ты так разорался?

Вархан увидел в одной из колесниц мужчину с волосами до плеч, обрюзгшим желтым лицом, гноющимися глазами, массивным носом и густой курчавой бородой. Судя по одежде, это был перс. Он сделал резкое движение. Раздался звон цепей.

- Я не ору, - поправил его веселый певец. - Я пою. А пою оттого, что на душе моей радостно.

- Чему же ты радуешься, сын праха, когда плакать надо?

- Ты плачь, если тебе хочется. Мне-то зачем плакать? Я радуюсь тому, что избавился от всех бед и скоро увижу родину.

- Будь ты проклят вместе с твоей родиной, - злобно проворчал тот, кто сидел в колеснице. Он снова загремел цепями и приподнялся. - Эй, помогите мне сойти!

Никто не сдвинулся с места. Тогда какой-то человечек в долгополой персидской одежде, боязливо оглянувшись на окружающих, бочком приблизился к повозке и подал желтолицему руку. Громыхая оковами, пленник спрыгнул на землю и со стоном схватился за колено.

- Да покарает вас Анхраман, дети навозных червей!

Услышав это, один из путников, тоже в персидских шароварах, выхватил нож и бросился на пленника:

- Замолчи, шакал, или я отрублю твой поганный язык!

Пленник испуганно выставил перед собой ладони и попятился. Певец удержал нападающего за рукав:

- Успокойся, Бесс!

- Не уговаривай меня! - Тот, кого звали Бессом, резко отстранил певца. - Почему он прокликает нас, а не себя? Не по его вине я стал тем, чем стал? Не по его ли вине мы с прошлой осени бродим по дорогам, как дикари, и пути нашему не видно конца? И он еще призывает на меня кару богов? Трех смертей тебе мало, трусливая гиена!

Он снова замахнулся кинжалом, но певец опять его удержал.

- Ты говоришь справедливо, Бесс, - сказал он мягко. - Он, конечно, заслуживает казни. Но... убивать подобных людей без суда нехорошо. Пусть его судьбу решает Совет Старейшин государства.

Бесс, насупив мохнатые брови, плюнул в сторону пленника и с недовольным ворчанием спрятал кинжал в ножны.

- Хотя ты плохой человек, но все-таки человек, - обратился певец к пленнику. - Садись у костра и дай отдых телу. Сейчас сварится похлебка, поджарится на вертелах мясо. Подкрепимся и опять тронемся в путь.

Пленник, хромя, доплелся до костра: человечек в персидской одежде бережно поддерживал его под руку.

- О добрый Охрамазда! - рыдал пленник, лежа на колючей траве. - Чем прогневил я тебя, бог света? Или уже нет силы в твоей руке, и власть надо всем сущим захватил твой злой брат Анхраман?

Он скрипел зубами и ударял себя кулаком по виску, но никто не сказал ему слова утешения.

Певец уселся рядом. Только сейчас Варахран хорошо разглядел его. Беглец чуть не вскрикнул, - он где-то видел этого человека!

Поднявшийся ветерок трепал пряди его длинных золотистых волос, то относя их в сторону, то кидая на умный лоб или впалую бронзовую щеку. Порою дым костра летел прямо на "пятнистого"; тогда полоски его изогнутых у концов, не слишком густых, но пушистых бровей нависали еще ниже над впадинами глубоко сидящих, слегка прищуренных синих глаз, таких странно светлых на этом темном лице, небольшой, по-женски нежный рот под рыжеватыми усами сжимался, губы выпячивались, кончик тонкого, с выгнутой спинкой, в меру короткого носа приближался к смуглым губам, а крепкий подбородок выдвигался далеко вперед. Кто сказал бы, сколько ему лет? Улыбаясь, он казался молодым и красивым; когда улыбка пропадала, лицо его отпугивало своей мрачностью.

Где встречал Варахран этого человека? Не в Реге? Нет. Где же? Беглец не мог вспомнить.

- Рыдай, - с насмешкой поощрял певец желтолицего пленника. - Стенай! Проливай слезы, пока это еще в твоей воле. А я, чтобы не иссяк источник твоих слез, расскажу легенду о царях из рода Гахамана.

Он изобразил нарочито торжественную позу, как бы передразнивая настоящих сказителей, и взял в руки вместо дутара кривую палку.

- Начинаю! - выкрикнул он петушиным голосом и ударил тонкими пальцами по несуществующим струнам. - В небе месяц плывет, в реке вода течет. Котел сделан для того, чтобы говорить, уши - для того, чтобы слушать. Итак, слушайте!

Веселое начало позабавило Бесса, и он громко расхохотался. Его сухое, обветренное, горбоносое лицо стало от напряжения красным. Усмехнулся сидевший подле Бесса бледный иранец в простой одежде. Воины придвинулись ближе. Даже пленник перестал бить себя по голове и плакать.

- Далеко на юге, у теплого моря, в синих горах, не ведая горя, жил-обитал персидский народ,

- продолжал человек, одетый в шкуры леопарда. - Жил-обитал, с богами не споря, пас лошадей и овец на просторе. Гахаманиды им управляли, - это был, дети, славный род. И Гахаманид, по имени Кир, стал первым царем персов.

Певец молча помахал рукой над палкой, словно перебирая струны, и снова заговорил:

- Далеко он меч свой простирал. Много разных стран завоевал. Поражений никогда не знал. Джан! Така-тун... Помните Камбиза молодца? Он пошел - вах! - по тропам отца. Он египтян устроил сердца. Джан! Така-там, така-тун... И его племянник, сын Гистаспа, Дарий крепко наносил врагам удары - и страна персов стала, дети мои, такой могущественной, что не было ей равной во всем мире. Не осталось на земле государства, не захваченного персами, кроме Юнана. Не осталось на земле золота, не захваченного персами, кроме юнанского золота. Не осталось на земле мужей, не проданных персами в рабство, кроме юнанских мужей. Ну, как можно было такое стерпеть? И Дарий Первый, сын Гистаспа, пошел войной на юнанов.

Певец усмехнулся, запрокинул голову, как это делают подлинные сказители, опять ударил пальцами по "струнам" и затянул умышленно дребезжащим голосом:

- Ва-а-ах!.. Мечом рубит юнанаов - их меч не берет. Копьем пронзает их копье не берет. Стрелы мечет - их стрела не пробивает. Разгромили юнаны персидских воителей Дато и Артафарна. Что за напасть?

Ва-а-ах!.. Пошел войной на юнанов сын Дария Ксеркс. На корабле подплывет - корабль потопят. По суше приблизится - на суше избивают. А по воздуху лететь - крыльев нет. Что за напасть?

Ва-а-ах! Ни Артахшатра Первый, ни Дарий Второй, ни Второй Артахшатра, ни Третий - сколько их ни жило, Дариев и Артахшатров - не разгрызли грецкий орех. Что за напасть?..

Глаза певца сузились: он косил на персов и весело скалил зубы, а они все больше тускнели, и даже Бесс, который совсем недавно так беззаботно хохотал, сидел сейчас, наклонив голову, точно бык, и тяжело двигал желваками. Только его сосед, бледный перс, по-прежнему усмехался.

- Много ли времени прошло, или мало, но силы у персов совсем не стало, - снова заговорил певец. - И если когда-то их войско топтало поля, что возделал Юнана народ, то нынче другая пора настала, и все получается наоборот. Идет на восток Искендер Двурогий, и Дарий Третий уносит ноги, но едва ли он их далеко унесет!..

Бесс помрачнел, а пленник не выдержал и скрипнул зубами. Но никто не сказал певцу ни слова. И Варахран догадался, что персы боятся этого веселого человека с ясной улыбкой и тонкими, как у девушки, руками.

- А почему так получается? - Певец отбросил палку. Брови его сдвинулись на переносице, лицо стало злым. - Почему, я спрашиваю тебя, Дариавуш Кодоман? - Он схватил пленника за плечо. - Потому, что все вы только берете, - берете, но не отдаете! Берете у нас и других народов золото. Берете скот. Берете людей. Но не даете нам взамен ничего! Где, когда и кто это терпел, а? Вот почему все бросили тебя, Дариавуш Кодоман, в тяжелый для тебя день, и никто не подаст тебе глотка воды, когда приблизится твой конец. Так покарал бог род Гахамана за его преступления!

- Довольно, Спантамано! - крикнул Бесс. - Ты забыл разве, что и я, твой друг, происхожу из этого рода?

Певец молча отвернулся.

Спантамано! - воскликнул он и выскочил из-за укрытия.

Забыв о сумке, он бросился к костру. Путники глядели на него удивленно, будто он свалился прямо с неба.

- Кто ты? - спросил Спантамано сдержанно.

- Варахран, сын Фрады! Помнишь старого чеканщика Фраду? Наше заведение стоит слева от Южных ворот Мараканды [Мараканда - ныне Самарканд]. Ты часто приходил к нам и долго смотрел, как отец наносит узоры на блюда из серебра. Я Варахран.

- Варахран? - Спантамано оживился. - Но как ты сюда попал?

- Персы! - Варахран стиснул кулак. - Товары никто не берет... Отец задолжал кругом. Налог уплатить - денег нет. Персы хотели отнять мастерскую... и что было бы, если бы отняли? Всему семейству - конец. Ну, я пожалел отца... в рабство подался. Три года, пока ты был на войне, я томился в Реге, проклятой Реге, работал на правителя города. Думал никогда уже не увидеть мне Мараканду и старого Фраду. Но Охрамазда помог мне. Когда Зулькарнейн взял Эқбатану, мой хозяин едва не околел от страха. Суматоха поднялась. Надзор над рабами ослаб. Я не стал медлить и покинул этот грязный город, где за три года пролил столько слез, сколько другой не выплачет и за тридцать лет. Ты видишь, каков я теперь? Никогда уже не стать мне тем веселым Варахраном, какого ты видел прежде. Дорога по горам и пустыням отняла последние силы. Голод терзает меня. Если ты не возьмешь бедного чеканщика под свою руку, я пропаду.

- Не бойся, - улыбнулся Спантамано. - Я беру тебя с собой. Сядешь на моего второго коня. Даст бог, мы еще увидим родную Мараканду и выпьем вина из чаш, изготовленных умелой рукой твоего отца.

- Да будет благо тебе и твоим родичам! Да неиспошлет тебе Охрамазда удачу! Да...

- Ладно, ладно, - прервал его Спантамано, - хватит с меня благ. Ты их столько пожелаешь, что я не унесу. Лучше взгляни сюда. Что висит над огнем?

- Котел висит.

- А в котле что?

- Похлебка.

- Эту похлебку мы сейчас и попробуем. Эй, доставайте посуду!

Но попробовать похлебку Спантамано и его спутникам не пришлось. Из-за бугра внезапно показался иранец на взмыленном коне. Рот его перекосялся от ужаса. Он промчался мимо, оборонив на ходу одно слово:

- Искендер!..

Если бы в стаю мирно дремлющих голубей швырнули камень, и то они разлетелись бы не так поспешно, как персы и согдийцы разбежались от костров. Воины ловили лошадей и трясущими руками снимали путы. Беглецов сковал такой страх, что пальцы их не слушались, узлы не развязывались, подпруги не затягивались; животные, чувствуя возбуждение хозяев, били копытами в землю, поднимались на дыбы. Воины бранились яростным шепотом, словно боялись, что их услышит сам Зулькарнейн.

Только Спантамано уже сидел на коне и орал, сверкая зубами:

- Перец! Где перец?

- Зачем тебе перец? - спросил Бесс, пробегая мимо.

- Под хвосты лошадей... помчатся, как ветер!

- Собака! - выругался Бесс, взбираясь на своего скакуна.

Наконец беглецы кое-как собрались. Застучали копыта. Загрохотали колеса повозок.

Проскакав чуть ли не полпарсанга, Спантамано заметил, что Бесс отстал. В толпе беглецов не было также царя и ближайших друзей Бесса.

- Убьют! - воскликнул согдиец и повернул коня.

- Поздно ты хватился! - злорадно кинул ему Бесс, проносясь мимо. Все кончено.

Спантамано промчался вслед. Он хотел что-то крикнуть, но тут же раздумал, усмехнулся и вяло махнул рукой.

Спустя минуту возле пересыхающего озера почти никого не осталось. Когда отряд гетайров

вырвался из-за рыжего бугра, македонцы увидели только крохотного перса рыдающего над трупом неизвестного человека. Рядом, в котле над костром, бурлила и переливалась через край жидкая похлебка, - к ней так никто и не прикоснулся.

- Фарнух! - позвал Птолемайос Лаг, сдерживая коня. - Узнай, кто это.

- Кто ты? - спросил у перса носатый воин в азиатской одежде, родом ликиец.

- Я бедный человек; мое имя тебе ничего не скажет, господин, грустно ответил тот, вытирая грязными кулачками жалобно мигающие глаза.

- А он кто?

- Сейчас - никто, - также смиренно ответил перс. - А четыре года тому назад он именовался царем царей и владел половиной мира...

- Кодоман убит, Александр, - сообщил Птолемайос подоспевшему царю.

- Ка-ак? Дарейос убит?..

- Да.

- Кто... кто же убил его?

- Тысячник Набарзан и Барзаэнт, сатрап Дрангианы. Они действовали по наущению Бесса, правителя Бактры и Согдианы.

- Бесс? О проклятый!.. Кто был с ним еще?

- Согдиец из благородных. Его зовут Спет... Спинт... Спитамен, кажется, бес их разберет, эти варварские имена.

- Спитамен? Кто он такой?

- Говорят, это любопытный человек. Нечто вроде нашего Диогена. Помнишь, мы видели его в Коринфе? Он лежал перед своей глиняной бочкой и грелся. Ты долго беседовал с ним, потом спросил: "Могу ли я сделать что-нибудь для тебя?" "Конечно, - ответил он, - вот, посторонись немного и не загораживай мне солнца". Помнишь?

- Было.

- Ну, этот Спитамен тоже, говорят, немного не в себе. Бродяга, острослов, ходит в дырявых шкурах леопарда и никто не боится.

- Никто не боится?

- Так говорят.

- И что же будет дальше?

- Еще говорят, будто он потомок Сивахша, древнего царя согдийцев, имя которого священо.

- Ну, ну, рассказывай!

- Сивахша связывают с культом солнца, поэтому, говорят, у Спитамена волосы золотые, как и у тебя (Лаг хотел сказать "Рыжие", но не решился). Род Спитамена почетен и славен в Согдиане.

- Хм... Да, это любопытно. Что же, и Спитамен участвовал в убийстве?

- Нет. Но и не препятствовал особенно. По словам пленного раба, Спитамен радуется падению Кодомана. Поет, как дитя, когда другие плачут.

- Так... Что же он - молодой, старый?

- Ему двадцать пять лет.

- На год моложе меня.

- Да.

- Ну хорошо. Запомни его имя. Может быть, он мне пригодится. Но Бесс! О негодяй! Он вырвал из моих рук добычу, о которой я мечтал четыре года! Илиаду"?), который поднимает с лога молодого оленя и гонит его по горам, несется за ним через кусты и овраги и, даже если тот спрячется, в страхе припав под куст, чутко следит и бегаёт неустанно, пока не сыщёт". Четыре

года уходил от меня Дарейос, и вот, когда уже почти попался... о, чтобы он провалился в тартар, этот Бесс! Я хотел, чтобы Кодоман сам возложил на мою голову свою корону. Понимаешь?

- Понимаю.

- Тогда вся Азия признала бы меня законным правителем. Ясно?

- Ясно.

- И варвары шумели бы меньше, чем шумят сейчас. Так?

- Так.

- Но Бесс мне помешал, будь он трижды проклят! Как ты думаешь, зачем он убил царя?

- Должно быть, он сам желает стать властелином Персиды. Ведь он тоже из рода Ахемена, родич Дарейоса.

- Хорош родич! Но Азией ему не владеть, клянусь духом отца моего Филиппа. Поскольку Дарейос умер, отныне повелителем Востока я объявляю себя, Александра, сына бога Аммона!

Утром в стане македонцев состоялся большой совет гетайров, товарищей царя. Они собрались для того, чтобы провозгласить Александра властелином Иранской державы. По случаю торжества македонцы сменили плащи и хитоны, однако не сделались от этого краше, - загорелые, обветренные лица и густо разросшиеся бороды роднили их с разбойниками гор.

Сегодня их все изумляло. Александр сидел на пологом холме, поджав ноги по варварскому обычаю. Под ним тяжелым пластом лежал азиатский ковер. Перед ним в бронзовых азиатских жертвенниках курились азиатские благовония. Вокруг него толпились азиаты: Артабаз, сатрап Дария, перешедший на службу к македонцам, и его сын Кофен; Атропат, сражавшийся при Гавгамелах против Александра, попав в плен, стал верным слугой македонского царя и его наместников в стране мидян; Абулит, правитель Сузианы; ликиец Фарнух; Мазей, без боя сдавший македонцам Вавилон, его дети Гидарн и Артибол и перс Певкест.

Они смело говорили по-персидски (только и слышно: Искандер, джан, бустан, дастан, люлистан), и Александр слушал их с нескрываемым удовольствием. Ему, кажется, нравились их длинные холеные бороды, просторные одежды, нарумяненные, по мидийскому обычаю, щеки и подкрашенные губы. Азиаты незаметно оттеснили от царя его соратников македонцев, и даже Клит, молочный брат Александра, спасший ему жизнь при Гранике, с унылым видом сидел в стороне. Это неприятно удивило македонцев. Но еще больше огорчило их то, что сказал, открыв совет, Птолемайос Лаг.

- Так как Дарейос Кодоман убит своим родичем Бессом - объявил Птолемайос, - и Азия лишилась своего правителя, то отныне повелителем этой страны по праву становится Александр, сын бога Аммона. Воздадим же ему почести, какие подобает воздавать царю Востока! Отныне никто не должен обращаться к властелину мира, будто к равному себе. Преклоним же колени перед сыном бога Аммона, владыкой стран от восхода и до заката солнца!

И Птолемайос Лаг первым опустил на колени, совершив поступок, неслыханный в Элладе.

Остолбенели гетайры. Молодой, светловолосый, синеглазый Клит, длинный и бледный Койнос, зять Пармениона, седой Парменион, его мрачный сын Филота и пэон Аминта, сын Аррабая, пораженные словами и действиями Лага, не двигались с места.

Зато Гефестион, друг Александра, и азиаты охотно присоединились к Птолемайосу Лагу, а грозный Фердикка обеими руками поднял над головой Александра трехъярусную корону Дария, захваченную в Экбатане. Лучи солнца весело играли на золотых пластинках и многоцветных камнях убора. Отблеск короны падал на лицо телохранителя, - казалось, он держит раскаленный добела тяжелый камень. Фердикка шурился, сурово глядел на гетайров и ждал.

Александр сидел слегка втянув голову в плечи и немного откинув ее назад, так что его тонкая шея оставалась открытой, и молча смотрел на восток. Лицо его было совершенно бесстрастным, словно он вовсе не замечал окружающих. И только жилка, резко бьющаяся на виске, говорила о внутреннем напряжении, которое испытывал царь.

Гетайры медлили, поэтому Фердикка сделал шаг вперед. Злой, сутулый, крючконосый, насупив мохнатые брови и перекосив лицо, он окинул собравшихся таким пронизывающим взглядом, что все опустили глаза. Да, македонцы многое потеряли сегодня. Александр уже не тот юнец, каким отправлялся в поход на Восток. И если они не поступят так, как требует от них Птолемайос, им придется плохо.

- Слава Александру! - рявкнул Фердикка. И тысячи гетайров, фалангитов, пеших и конных солдат, окружавших холм, пали на колени и ударились лбами о землю. Заблестели скованные панцирями выпуклые спины. Казалось, все поле усеялось вдруг россыпью продолговатых валунов. Грозно запели рога. Послышались звуки литавр, кимвалов и флейт. Волосатые пэоны и одевшиеся в меха агриане выхватили кривые мечи и закружились, сверкая диковатыми очами, в мерном воинственном танце.

Рабы принесли амфоры и мехи с крепким азиатским вином. Начался пир. Напившимся гетайрам стало казаться, что Александр прав, как всегда, и все, что он не совершает, делается для их же блага. В конце концов это возвышенно - преклонять колени перед царем. Александр заслуживает почитания. А воинам средней и особенно легкой пехоты было на все наплевать, - они радовались уже тому, что могли сегодня отдохнуть и вдоволь поесть.

Только Филота, сын Пармениона, оставшегося в Экбатане, и три-четыре его приспешника не могли примириться с новыми порядками. Как, он, Филота, сын знаменитого Пармениона, человек, который сам бы мог стать царем не хуже Александра, должен лобызать кому-то пятки, словно варвар? Ужас! Да поглотит змей этого Александра. Вот во что выродились буйные замашки его детства. Всех подмял под себя; стал не македонским царем, а персидским; скоро он совсем превратится в азиата, заведет среди персов преданных друзей, а Пармениона, Филоту и других высокопоставленных македонцев куда? На свалку? Нет, этого допустить нельзя.

Усевшись особняком в зарослях дикого лоха ("Не могу видеть это рогатое диво", - в сердцах сказал Филота) и выставив дозоры из верных людей, заговорщики держали совет: как избавиться от Александра. Распалившись от зависти и злобы, Филота пил вино по-скифски, не разбавляя его водой, и хмель быстро ударил ему в голову. Филота говорил, пожалуй, слишком громко, а под конец совсем разошелся, стал бить себя кулаком и яростно кричать.

Откуда было ему знать, что под кустом лоха, в трех шагах от сладко захрапевшего дозорного (если пьют командиры, почему не выпить солдату), притаился некто Дракил, торговец из Марафона?

Александр томился в шатре, обхватив колени руками и положив на них голову. Тело его было расслабленно, мускулы обнаженных рук, лишившись привычного напряжения, размякли и слегка отекали книзу. Властелин сорока стран походил сейчас на женщину, думающую о своей неудачной судьбе.

Донос марафонца смутил Александра. Филота решил его убить! Да, то не болтовня какого-нибудь Феагена. Александр испугался - испугался первый раз за всю жизнь, хотя и не хотел себе в этом признаться. То был страх не за голову, которую, не раскрывая заговор, отделили бы ударом острого меча от туловища. То был страх за мечты, витавшие в этой голове. Они простирались до невероятных пределов - Индия и Китай, Скифия и Кавказ, потом страны, лежащие на западных берегах Средиземного моря. Стать владыкой мира!

Да, стать владыкой мира! Для чего? Ради золота? Золото делает жизнь легкой и беззаботной. Но для этого его нужно не так уж много. У Александра достаточно сокровищ. И другой на его

месте давно прекратил бы поход и предался развлечениям. Другой, но не Александр. Поразить воображение всего человечества, оставить по себе память на века, чтобы даже через тысячу лет, через десять тысяч лет, до тех пор, пока существует род людской, говорили, писали, читали и спорили об Александре Македонском, - вот мечта, достойная великого мужа.

Такой же мечтой жили когда-то Кир, Дарий Гистаси и его сын Ксеркс, но им не удавалось довести дело до конца. Завоевав много стран, они не завоевали сердца населяющих эти страны людей, оставались врагами для покоренных народов, не сумели завязать дружбу с правителями захваченных областей.

Надо показать варварам, что Искандер Зульфикарнейн - их друг и спаситель, освобождающий Азию от ига ненавистных царей из рода Ахемена. Такой ход необходим, как воздух, как свет, - ведь Македония далеко. Разве удастся править Азией, опираясь лишь на безмозглых старейшин Пеллы? Это все равно что поднимать глыбу, стоя одной ногой на краю обрыва, а другой болтая в пустоте. Так недолго и свалиться, убей меня гром, как говорит лысый марафонец. Опору для второй ноги следует искать на Востоке, на плечах азиатов благородного происхождения. Мир покорится Александру лишь тогда, когда Александр прочно утвердится на обеих ногах, обопрется ими о Запад и Восток. Надо перемешать эллинов и азиатов. Надо сделать так, чтобы афинянин в Персеполесе, а персеполец в Афинах чувствовали себя как на своей родине. Сплав тягучей меди и мягкого олова дает твердую бронзу. Сплавить Запад и Восток, создать новый сильный народ, в жилах которого струилась бы, слившись воедино, кровь мудрых эллинов и мечтательных азиатов. Только тогда удастся сохранить от развала огромное государство, которое Александр сколотил с помощью своего меча. Вот для чего Александр приближает к себе варваров и перенимает их обычаи.

Но разве постичь глубину замыслов Александра убогим мозгам таких жалких скотов, как Филота? О несчастный сброд! Их устремления не простираются дальше кормушек и постелей. Разве человек рождается лишь для того, чтобы есть, пить, спать и плодить себе подобных? Разве для простого животного существования создал батюшка Зевс человека по своему образу и подобию, а хитроумный Прометей подарил ему огонь? Разве не для славы, не для великих дел живет человек?

Но не все рождаются со светлой головой. Вы алчете? Ешьте, я дал вам хлеб и мясо. Вы жаждете? Пейте, я дал вам вино. Вы хотите роскошных нарядов? Надевайте, я отдал вам ткани всего Востока. Так нет же! Они не желают мирно пожирать свой корм и лакать свое пойло. Есть человек, который ступает по земле не так, как ступают они? Хватайте его! Бейте его! Не давайте ему делать то, к чему склоняет его призвание!.. О проклятый народец! И ведь может случиться, что из-за их козней Александр не сумеет осуществить мечту, внушенную богом!

Как быть? Парменион - не Феаген, его не пошлешь в легкую пехоту, под стрелы азиатов. (Кстати, что с ним стало?) Парменион был другом отца, его почитают воины. Казнь Пармениона и Филоты вызовет смуту. Но и без наказания их оставить нельзя, - они убьют Александра. Отослать назад, в Пеллу? Могут поднять там мятеж. Где выход?

Смятенный ум не подсказывал Александру никакого решения. Царь печально вздыхал. Сегодня сын бога Аммона, понял, наконец, как он одинок на земле, хотя она принадлежит ему почти вся. Он так ничего и не придумал, когда явился Птолемайос Лаг.

- Филота оказал сопротивление, - сообщил Птолемайос. - Убил трех гетайров. Ранил Фердикку. Поносил тебя...

- О? - Александр вскочил. - Вот как? Я думал, он раскается, но этот наглец показывает зубы? Вы схватили его? Где он?

- Под стражей.

- Не спускать глаз! Удвоить, нет - утроить охрану! Взять под стражу его товарищей! Воинам

объявить: Филота покушался на жизнь царя! Чтобы пресечь смуту, выдать каждому всаднику и пехотинцу по пять серебряных драхм! Я вам покажу, дети праха, на что способен Александр!..

Сын Филиппа преобразился. К чему колебания? Царю припомнились Фивы. Когда Александр, едва вступив на престол, отправился на север против кочевых фракийцев, жители священного города подняли мятеж и объявили войну македонцам, незадолго до этого покорившим Элладу. "Разве я медлил тогда? подумал Александр. - Нет, я нагрянул на фиванцев, точно комета, обратил город в груды развалин, а жителей продал в рабство. Мятеж был искоренен. Да, я не побоялся учинить расправу над великим городом, так неужели испугаюсь какого-то паршивого Пармениона?"

- Объяви гетайрам - завтра состоится суд над заговорщиками, - холодно сказал он Лагу. - Дракила же... - царь немного подумал, - Дракила переведи в отряд конных телохранителей. Этот человек оказал мне вторую важную услугу.

Суд над Филотой и его сообщниками был краток. Их обвинили в злом умысле против царя и приговорили к смертной казни. Преступников, по обычаю, крюками приволокли к краю глубокой пропасти и столкнули на острые утесы, причем молодой царь, присутствовавший при расправе, даже не шелохнулся.

Затем, по законам предков, македонцы совершили обряд очищения. Жрецы разбросали по обе стороны поля внутренности рассеченных псов. Солдаты проследовали между ними отряд за отрядом, храня суровое молчание.

Через одиннадцать дней посланцы Александра зарезали в Экбатане старого Пармениона.

ПОХОД ЧЕРЕЗ ГОРЫ

*И грома глухие удары ревут,
И пламенных молний извивы блестят,
И вихри крутят вздымаемый прах.
В неистовой пляске несутся ветра
Навстречу друг другу; шибаясь, шумят
И празднуют дикий и ярый мятеж,
Смешались в одно небеса и земля...
Эсхил "Прометей прикованный"
Слово Клитарха.*

"Прошло полтора года после битвы при Гавгамелах. В середине месяца даисион [македонский месяц, приходится на март - апрель] войска Александра осадили и взяли приступом Кабуру [Кабура - современный Кабул, столица Афганистана] - город, расположенный перед хребтом Парпансиды, на реке Кофен, в котловине, лежащей среди гор.

В Кабуре пересекаются дороги четырех стран света. Здесь лучший в мире воздух. Здесь продают белые ткани, сахарный тростник и лекарственные растения от индийцев, сосуды из диковинной белой глины от узкоглазых оседлых племен Востока, тысячи быков и коней. В окрестностях города бездна садов, осенью изобилующих, как говорят туземцы, золотистым абрикосом, темно-красным гранатом, румяным яблоком, терпкой айвой, медовой грушей, сочным персиком, нежной сливой, крупным миндалем, отборным орехом и виноградом, слаще которого нигде не найдешь. У реки Кофен раскинулось шесть обширных луговин, богатых травой. Здесь мы хорошо откормили коней, так как нам предстоит трудный переход.

Путь наш лежит на север, к знаменитой Бактре. Чтобы добраться до великой столицы, нам придется одолеть страшный перевал через Парпансиды. Туземцы называют его Седлом

Анхрамана. Как ни уговаривал Птолемайос Лаг местных жителей провести нас через горы, никто не согласился. Не помогло даже золото. Тогда Александр, заподозрив недобрый умысел, приказал схватить десять лучших проводников, не раз ходивших с торговым караваном в Бактру, и отрубить голову их старейшине. Девять оставшихся тут же смирились.

Завтра мы выступаем. О заступница Гера, богиня горных высот! Что ждет нас на этой тяжелой и опасной дороге?.."

Александр неподвижно стоял на скале, прилепившейся к отрогу одного из величайших горных хребтов Земли, и молча созерцал мир.

На западе исчезал в голубой дымке Иран, растоптанный копытами македонских коней, и как бы угадывался каждый извив бесчисленных дорог, по которым, под защитой македонских военных постов, медленно ползли к Александру подкрепления из Пеллы. На востоке выплывали из туманов заснеженные вершины таинственных горных стран, откуда нет возврата. На севере сгущались груды тяжелых грозových туч. На юге утопала в жаркой золотистой мгле загадочная Индия.

Азия... Сын бога Аммона не знал, что здесь, в суровом горном узле, находится колыбель человечества, что отсюда, стиснув дубинку и настороженно сверкая пытливыми глазами из-под низко нависших бровей, в просторный мир, облитый солнцем, спустился дикий, обросший шерстью, первый Человек. Но чутким сердцем Александр постигал неизмеримое величие Мира, и Эллада, приютившаяся где-то на тесном полуострове, у далекого моря, показалась ему крохотной, жалкой и смешной по сравнению с этим гигантским размахом светлых, полных жизни пространств. Отсюда, из поднебесных высот перед ним зримо открылась, распласталась внизу вся Вселенная, и сын бога Аммона, обуреваемый странным чувством, грезил наяву, вознесенный над скопищем белых облаков.

Жрец из племени гандхара, пристроившись на камне позади Александра, тронул струны арфы. Раздался тихий, еле слышный звон. Музыканты слегка ударили пальцами по медным кимвалам. Один из них взял в руки бубен и двумя согнутыми перстами стукнул по туго натянутой коже. Там!.. Редко и мерно, не тише и не громче, стучал бубен под ухом Александра: там!.. там!.. там!..

Долго слушал сын Филиппа, поднявшийся на священную скалу, чтобы помолиться перед горным походом, эти ровные, успокаивающие звуки, и постепенно его мозг как бы окутался туманом. Удары бубна стали доноситься издалека: тум!.. тум!.. тум!.. И вот откуда-то из пустоты, из небытия, томительно медленно выплыл низкий, хрипловатый, протяжный звук: "э-э-э-э-э-э..." Долго, тысячу лет, целую вечность дрожал этот звук над скалой - вкрадчивый, задушевный, и Александру чудилось, будто он засыпает и отрывается от земли.

Шумит и шумит лазурное море, мерно бьется о берег и откатывается обратно пенистая волна. Колышутся перистые ветви пальм, темно-синих на фоне ослепительно светлого неба. Дремлют над неподвижной водой бассейнов храмы из белоснежного, сверкающего на солнце мрамора. А звук все тянется спокойный, ленивый и мудрый, прерываясь лишь вздохами и неторопливым речитативом.

И еще глубже погрузился в свой волшебный сон молодой царь, и увидел молочные туманы, ползущие из ущелий, и голубые хребты, растворяющиеся во мгле, и мрачные нагорья, темные от тени, падающей на них от гигантских облаков, и конские хвосты, развевающиеся на шестах у молчаливых каменных гробниц, поставленных над студеными потоками, что гремят на широком ложе из галечника.

Бесконечно пел жрец, и голос его, замирая от экстаза, напоминал иногда дыхание ветра. Он звучал и там, и здесь, и повсюду, похожий то на приглушенное рыдание, то на детскую жалобу; изредка томно звякали кимвалы, и Александр витал все выше над миром, который постепенно

таял и превращался в белую пустоту. И вот все исчезло, остался только голос, доносившийся неведомо откуда, протяжный, как время, и неуловимый, как сон. Александр уже не чувствовал себя, развеялся в теплой пустоте. Сердце его возликовало, и он заплакал от счастья.

Наутро, оставив в Кабуре гарнизон, Александр выступил в поход на север.

Дорога вела сперва по неширокой приветливой долине, вдоль ласково журчащей реки. Ярко светило солнце. В кустах шиповника, лоха и тамариска, растущих по речным берегам, громко и звонко щебетали стаи птиц; издали казалось, что где-то пересыпают из мешков в медные блюда груды серебряных монет. Справа и слева возвышались округлые холмы, покрытые красиво цветущим багрянником. Под ногой шуршали и хрустели густые поросли трилистника. Воздух был необыкновенно чист и свеж, чудилось - его не вдыхаешь, а пьешь, как холодное молоко.

Солдаты радовались мирному, благоухающему утру. Морщины на суровых лицах сгладила улыбка. Беспечно ехали впереди войска разведчики из легкой конницы. Добродушно мурлыкали себе под нос, сидя на могучих лошадях, гетайры. Гоплиты сняли медные шлемы, теплый весенний ветер гладил их огрубелые щеки, беззлобно трепал грязные волосы. Мягко покачивались на одnogорбых верблюдах лучники с Тигра. Шумной гурьбой шагали чубатые фракийцы. Задорно щелкали бичами служители обоза. Кто-то ради забавы выбрал в стаде, которое вели за войском, самого крупного буйвола, нацепил ему на рога венки и погнал впереди. Это вызвало много смеха и шуток. Не убавляя шага, люди наклонялись к земле, срывали алые тюльпаны и с удивлением замечали, что их аромат подобен запаху красных роз.

Воинам припомнилась Эллада, и греки вздыхали счастливо и вместе с тем грустно. У Феагена даже слезы выступили на глазах. Весна пробудила в нем тоску по волам, по золотистой греческой земле, взрыленной лемехом плуга. Ладони марафонца истосковались по доброй человеческой работе. Он оглянулся вокруг и почувствовал, как нелепо то, что он, труженик, плетется где-то вдаль от родины по цветущей чужой долине с оружием в руке. Торчащие кверху пики так не вязались с ясной улыбкой природы, что Феаген ощутил стыд за себя. Ему хотелось сломать свой дротик и бросить его в поток.

Постепенно холмы вздымались круче, покров густых трав уже разрывали острые углы выступающих камней. Река зашумела громче, и ласка в ее голосе сменилась недобрим ворчанием. По берегам там и сям начали попадаться валуны величиной с барана. Долина сузилась и помрачнела. Тень от скал падала на лица воинов и гасила радость в их глазах.

На закате солнца отряды остановились и разбили лагерь на речном берегу, поближе к воде. Утолив голод, воины залегли у погасших костров, но долго не могли заснуть. Наступил час, когда разговоры стихают и человек остается наедине со своей душой. В горах было нестерпимо тихо. В сине-черном прозрачном небе, от которого веяло холодом неведомых миров, невыносимо ярко сверкали южные звезды. И чем больше глядел на них человек, тем сумрачней становилось у него на душе.

Что такое небо, звезды и земля? Для чего они существуют? Откуда и куда все это движется? В темный разум людей проникало смутное ощущение бесконечного, их постепенно охватывал ужас перед неразрешимой для них загадкой бытия. Всех начинало угнетать чувство обреченности. У слабых стыла от страха кровь; они со стоном падали ниц и жалобно молились богу. Пылкие, чтобы заглушить этот страх, яростно вскакивали с мест, опять разжигали костры и жадно, до умопомрачения пили вино. Даже сильный печально опускал голову и неподвижно сидел у огня, не понимая, отчего ему так тяжело.

Перейдя вброд Кофен, войско отправилось утром вверх по реке Пяти Львов на северо-восток. Чем выше поднимались отряды, тем угрюмей становилась природа. Вместо пологих бугров по сторонам уже чернели хмурые зубчатые утесы. Река ревела, воинам приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Под напором воды, бегущей вниз со скоростью, почти

неуловимой для ока, дрожали и гудели огромные глыбы известняка. Из темного ущелья, куда войско ползло, как сказочный змей в пещеру, навстречу македонцам полетела клочьями сырая мгла. Солнце исчезло. Продрогшие люди, страшась неведомой опасности, крепче сжимали копья.

Стены ущелья подвинулись так близко, что тропа на левом берегу оборвалась и продолжалась уже на правом. Воины передового отряда остановились. Великий Змей, который минуту назад, извиваясь и поблескивая чешуей панцирей и щитов, медленно двигался по тропе, замер над потоком. В горах таяли снега, речка была наполнена мутной водой. Волны угрожающе рычали и бросались под ноги людей, точно косматые серые собаки. Никто не смел первым начать переправу. Кто знает, какова здесь глубина?

Показался верхом на черном коне царь. После Кабуры македонцы не узнавали своего повелителя. Он еще больше отдалился от них, и многих отталкивало надменное выражение его лица.

- Почему остановились? - сухо спросил Александр у старшего проводника.

- Дальше пути нет.

- Труссы! - воскликнул Александр с презрением. - Не возвращаться же нам в Кабуру из-за этого ручейка?

Он был так непоколебимо уверен в себе и в силе своего коня, что не стал раздумывать и тотчас же ударил вороного пятками в бока. Конь взвился на дыбы и бросился в поток. Изумленных солдат окатил целый каскад брызг. Не успели воины опомниться, как их повелитель очутился на той стороне. Вороной фыркал и отряхивался, точно пес. Восхищенные отвагой царя, воины бросились за ним, словно бурный вал.

Великий Змей снова двинулся вперед. Но его подстерегало множество новых неожиданностей. Тропа часто переходила то на левый, то на правый берег, изгибы "змеиного тела" следовали по ней, сразу в трех или четырех местах пересекая речку наискось. Камни выскальзывали из-под ног, воины падали, и вода волокла и уносила их вниз. Иногда сверху, прыгая на порогах и перекатах, с грохотом мчался по реке округлый валун. Точно ядро, выпущенное из баллисты, врезался он в ряды онемевших от ужаса воинов, разбивал вдребезги панцири и черепа, ломал кости и разносил туловища в клочья. Стволы ободранных о камни горных елей ударяли, словно тараны, и производили в отрядах большое опустошение. В довершение всего неожиданно пошел крупный град, и льдины величиной с голубиное яйцо хлестали македонцев, точно свинцовые шары, брошенные из пращей. Затем полил дождь. Солдаты промокли с головы до пят и дрожали от холода и усталости.

Наконец, когда стало уже совсем темно, дорога отошла от реки влево и запетляла по склону крутого, почти неприступного хребта. Великий Змей медленно карабкался вверх по откосам, и пляшущее от ветра пламя двух факелов, зажатых в руках воинов передового отряда, напоминало мерцающие от печали глаза чудовища.

Не было ни травы, ни кустарников, чтобы разжечь костры, согреться и обсушиться. Не было и сил идти дальше. Чтобы не свалиться, воины прицепились к выступам скал и так лежали на мокрых камнях до утра. Их бил озноб. В ответ на судорожное скрежетание зубов и взрывы хриплого кашля из темноты раздавалось рычание снежного барса. Низко над головой, на южной стороне мрачного неба, зловеще сверкала меж облаков звезда Канопус.

- Афина-Паллада! - ворчал Феаген, лежа в расселине среди остроербристых камней.

От счастливого волнения, которое он испытывал вчера утром, не осталось и следа. Тело бедняги застыло и онемело, и только внутри, в сердце, горела живая искра. Феаген пытался расправить члены и разогнать по жилам кровь, но едва не сорвался под обрыв. Это привело грека в ярость.

"Какое преступление совершил Феаген, чтобы терпеть такие мучения?" со злобой спрашивал себя марафонец.

Он перебирал в памяти все свои поступки, но не находил ничего недостойного. Честно жил. Честно трудился и кормил себя и своего отца. Почему же он страдает?

Рассвет долго не наступал. Окоченевшие люди истомились от ожидания. К утру все потонуло в тумане. Он забирался под плащи, забивал рот и оставлял на языке вкус пустоты и сырости. Наконец ледяной ветер, дующий с заснеженных вершин, развеял густые пласты тумана, и Великий Змей ожил. Проводники и разведчики отправились вверх по тропе и наткнулись на заросли мастикового дерева. Застучали топоры. К радости воинов, мастиковое дерево хорошо горело даже зеленое, и дым от него благоухал, словно фимиам. Люди согрелись у жарких костров, высушили плащи и хитоны, подкрепили силы, зажарив на долго не угасающих углях мясо быков.

Войско двинулось к Седлу Анхрамана, находившемуся на высоте шести тысяч семисот локтей над уровнем моря. Один поворот. Второй. Десятый. Сороковой... Точно завитки гигантского вихря, петляли изгибы тропы прямо вверх по крутому склону, и казалось, им не будет конца. Справа синел провал, по дну которого вчера проходило войско. Люди, бредущие впереди, с опаской глядели вниз и с удивлением показывали друг другу серый шнур, брошенный кем-то на скалы. По нему ползли муравьи. Никто не верил, что этот шнур - та самая тропа, по которой они шагают, а муравьи - это их товарищи, ковыляющие следом.

Воинов охватывало чувство страха перед величием гор. Они доверчиво смотрели на растущие кое-где корявые, узловатые дубы, не скрываются ли в их растрепавшихся от ветра кронах злые духи поднебесной страны?

Люди выбивались из сил и долго лежали на карнизе, чтобы отдышаться. Быки, утомленные невыносимо трудной дорогой, с хрипом валились на бок и больше не вставали. Кони срывались с тропы и вместе с всадниками летели по откосу, сдвигая с места камни; тучи щебня и куски гранита и гнейса лавиной обрушивались в долину, сметая с нижних изгибов тропы людей и лошадей.

Чем выше поднимался Великий Змей, тем холоднее становился воздух. Ветер усилился. Он взметал клубы пыли и засыпал глаза, подхватывал с тропы мелкие осколки камней и с размаху рассекал ими носы и щеки македонцев. Дубы сменились редкими рощами древовидного можжевельника. Между скалами, как бы выворачивая кривыми лапами тяжелые обломки камня, пробежал черный гималайский медведь.

В вечеру шестого дня этого небывалого перехода, когда до седловины перевала осталось около стадия, сверху по тропе с громом покотился огромный круглый камень. Он ударил Великого Змея в лоб, размозжил ему голову, столкнулся с выступом скалы, отломил от него кусок гранита, свалился за край тропы и помчался вниз, как метеор, уничтожая все живое. Наверху послышался торжествующий вой. Темнолицые люди в шкурах зверей радостно болтали руками и приплясывали от возбуждения.

Македонцы замерли на месте. Обитатели гор навалились на второй камень.

Александр вырвался вперед. Лицо македонца стало белым: словно известняк, по которому дробно стучали копыта его коня. Глаза сверкали, как у сумасшедшего. Рот скривился от злобы. Царь вырвал из рук застывшего от страха легкого пехотинца пращу и проревел:

- Шар!

Воин выхватил из сумки свинцовый шар. Александр бешено завертел пращой - и шар со свистом полетел вверх. Один из горцев упал с раскрытой головой. Александр повернулся и стегнул пехотинца кожаной пращой по лицу:

- Дармод!

Пехотинцы пришли в себя. Замелькали стрелы, дротики, свинцовые и глиняные обожженные шары. Два-три горца рухнули возле камня, который им так и не удалось сдвинуть с места. Остальные разбежались. Гетайры поскакали вперед и убили двоих пиками. Одного взяли живым и приволокли к Александру.

Это был высокий смуглый юноша. Его черты отличались необыкновенной правильностью, но шкура снежного барса на плече, недобрый блеск темных глаз и развевающиеся по ветру черные длинные волосы придавали лицу туземца диковатое выражение.

- Спроси его, - прохрипел Александр, вцепившись в плечо сатрапа Артабаза, - спроси, зачем он сбросил на меня камень?

Артабаз сделал шаг вперед и заговорил мягко и плавно на местном языке.

Горец ответил не сразу. Македонцам казалось - он так жесток и скуден разумом, что сам не знает, почему скатил на войско глыбу гранита. Горец без тени страха осмотрел царя с ног до головы, взгляд его остановился на рогатом шлеме македонца.

- Это Зулькарнейн? - смело обратился горец к Артабазу.

- Да, это Искандер Зулькарнейн, - проворчал Артабаз. Он ожидал, что при этих словах горец сейчас же повалится в ноги "повелителю мира". Но человек, одетый в шкуры зверей, и глазом не моргнул. Его лицо, неожиданно для македонцев, приняло строгое, серьезное и умное выражение, и завоеватели увидели, что перед ними вовсе не дикарь.

- Спроси Зулькарнейна, - угрюмо сказал он персу, - спроси, зачем он пришел в нашу страну?

И он в упор поглядел на Александра глубоким взором.

- Вот он какой! - жестко усмехнулся сын Филиппа. - Он жаждет узнать, зачем я пришел сюда? Хорошо. Я ему скажу. Певкест!..

Горца раздели донага и привязали к скале на самом перевале. Иранец Певкест, так же как и Артабаз, переметнувшийся на сторону Александра, вынул небольшой острый нож и надрезал на плече горца кожу. Юноша догадался, что хотят с ним сделать, и забился, точно орел, попавший в сеть.

Александр отвернулся от горца и кинул взгляд на север. Перед ним расстилалась окутанная светлой желтоватой дымкой необъятная долина. Вот она, золотая Бактриана [страна в Средней Азии по среднему и верхнему течению Аму-Дарьи, входившая в состав Персидского государства], о которой он мечтал с детских лет.

Горец вскрикнул.

Вот она, страна сокровищ, лежит у ног Александра, с трепетом ожидая его пришествия.

Горец громко застонал.

Вот она, страна прекрасных дев, ярких тканей, сверкающих сосудов, страна горячих коней.

Пронзительные вопли горца напугали бродивших наверху оленей. Один за другим, плавно выбрасывая ноги, они умчались по обледеневшим скалам и скрылись из глаз.

Вот она, страна, где слава Александра вспыхнет с новой силой, страна, откуда он поведет свои войска дальше на север, в голубые просторы легендарной Согдианы!

Горец захлебнулся и смолк.

Великий Змей медленно пополз по тропе вниз, к священной Бактре [Бактра - столица Бактрианы; современный Балх в Афганистане]. И юный горец, прикованный к скале, точно Прометей, глядел мертвыми глазами на воинов неведомого Запада, которому он не сделал никакого зла, пока Запад не вторгся в его страну с оружием в руке. С багрового тела свисали ключья ободранной кожи, густыми струями бежала на холодные камни дымящаяся кровь.

Феаген, содрогаясь от того, что видел и слышал сегодня, зловеще проворчал себе под нос:

- Ты ответишь за все, Александр. Придет день - и ты ответишь за все...

"УЙДЕМ НА СЕВЕР!"

*Бегите от него; он - зла основа,
Он - Анхраман, он враг всего живого.
Фирдоуси, "Книга царей".*

Не один Александр стремился к священной Бактре. В тот час, когда македонец только еще подходил к воротам Кабуры, с запада въехал в долину реки Банд, у которой стоит Бактра, трехтысячный отряд Бесса.

Персов и согдийцев было в отряде немного. Ядро войска составляло конное ополчение дахов - кочевников, обитающих на востоке от Гирканского моря. Убив царя, Бесс около года скитался по их становищам, чтобы набрать войско, и ему удалось посредством хитрых слов привлечь к себе вождей двух или трех родовых общин. И теперь они ехали за ним каждый со своей дружиной, пугая крестьян, работавших в поле, грозным видом черных косматых папах. Заметив Бесса и его людей, бактрийские селяне, одетые в тесные, облегающие хитоны и обутые в высокие сапоги с загнутыми носами, вскидывали на плечо тяжелые круглые мотыги и поспешно скрывались под защиту полуразвалившихся глинобитных оград.

- Почему они прячутся? - удивлялся Бесс. - Неужели принимают меня за юнана?

Езда по горам и пустыне его измотала. Он томился по острому, пряному вареву и мечтал о блестящей и чистой циновке. Ночлег у костра, мясо, зажаренное на углях, ему надоели до отвращения.

- Они скорей всего принимают тебя за тебя, - с усмешкой пробормотал Спантамано. - Поэтому и бегут, дети праха.

- Что ты сказал? - не расслышал сатрап.

- Я говорю: злой народ эти бактрийцы.

- Да, - согласился Бесс. - Я правлю ими десять лет, но не помню ни одного бактрийца, который, увидев меня, хотя бы раз улыбнулся.

- Наглецы, - в тон ему сказал Спантамано. - Их обдирают, а они еще хмурятся, мерзавцы, вместо того чтобы от радости хохотать.

Бесс не разобрал, шутит согдиец или говорит серьезно, и рассердился. Он рванул коня за повод и молча поскакал вперед. Ему хотелось бросить Спантамано что-нибудь резкое, унижить его, уязвить и вывести из себя. Но как уязвить человека, если у него не видно изъяна, больного места, которое так удобно задеть? К словам Спантамано трудно придаться, - ведь он как будто бы только шутит, проклятый согдиец. Но тот, кто не глуп, сумеет услышать в якобы безобидных шутках Сиавашева отпрыска шипение ядовитой змеи, а в его ленивых движениях почувствует угрозу. Бесс, хотя и превосходил Спантамано ростом и силой мускулов, часто, когда согдиец глядел на него лукавыми глазами, казался себе беспомощным сусликом, на которого охотится хитрый и терпеливый степной лис.

До Бактры оставалось еще два перехода. Путники решили где-нибудь переночевать и ранним утром отправиться дальше, чтобы к вечеру добраться до города. Когда солнце зашло, они подъехали к селению, обнесенному высокой глинобитной стеной. Сатрап с наслаждением потягивался. Он предвкушал сытный ужин и отдых на пушистом ковре. Но перса ожидало великое разочарование - ворота селения с грохотом закрылись перед самым его носом.

- Эй, откройте! - негромко, с достоинством сказал Бесс и небрежно застучал по полотнищу ворот рукоятью бича. - Где ваши глаза? Не видите, кто приехал?

Он был спокоен. Жители селения, узнав, что к ним пожаловал сам Бесс, сатрап Согдианы и Бактры, поспешно распахнут ворота и падут ниц перед высоким гостем. Так случалось всегда, и

Бесс привык принимать почести не задумываясь, как привык пить воду, когда испытывал жажду.

Но ворота не открывались. Бесса взяла досада.

- Ну, чего вы там медлите? - воскликнул он нетерпеливо. - Открывайте скорей!

На стене показался старый бактриец с луком в руке.

- Кто ты такой? - спросил он сердито.

Сатрап смешался. Его никогда не спрашивали, кто он такой. Во дворце, когда он восседал в золотом кресле, вельможи гнули перед ним спину и не спрашивали, кто он такой. Когда он ехал по улицам, окруженный толпой телохранителей, народ кланялся до земли, и никто не спрашивал, кто он такой. Когда он собирался посетить какой-нибудь округ, там два месяца готовились к встрече, и никто не спрашивал, кто он такой. Бесс есть Бесс, проклятье твоему отцу. И вот какой-то дряхлый, выживший из ума бактриец... Бесс не нашелся, что ему ответить и растерянно посмотрел на Спантамано. Тот сделал грозное лицо, вытаращил глаза и с притворной свирепостью заорал:

- Открывай скорей, болван! Ты не видишь разве, собачий сын, что перед тобой - благороднейший из персов, гахаманид Бесс, твой повелитель?

На старика эти слова не произвели никакого впечатления.

- Бесс? - недоуменно переспросил бактриец. - Никогда не слыхал про такого.

Тупость бактрийца взбесила сатрапа. Он раскрыл рот, чтобы обрушить на старого дурака лавину отборных ругательств, но вдруг осекся и широко раскрыл глаза. Он понял. Старик притворяется. Бесса узнали, конечно. И не пускают в селение именно потому, что он - Бесс.

- А!.. Вы так со мной?.. Изрублю всех! Селение снесу!..

Он корчился на коне, стиснув кулаки, оскалив зубы и запрокинув голову, точно голодный волк, что сидит под скалой и ярится, глядя на оленей, гуляющих на безопасной высоте.

- Селение снесешь? - Бактриец нахмурился. - Смотри, мой сын, чтобы тебе голову кто-нибудь не снес.

Перс перекосялся, как от жгучего удара. Глаза его помутнели. Он выхватил кинжал и резко дернул за повод. Конь взвился на дыбы. Бесс отчаянно взмахнул кинжалом, пытаясь достать наглого бактрийца. Но стена была в двадцать локтей выстой. Рука Бесса так сильно натянула уздечку, что едва не свернула шею коня. Дурья от боли, конь совершил в воздухе невообразимый скачок и, нелепо брыкнув ногами, повалился набок. На стене раздался хохот. Десятки смуглых, длиннородых людей глядели из-за парапета и потешались над неудачливым прыгуном.

- Свинья хотела схватить зубами край луны, но свалилась обратно в грязную лужу! - весело закричал старый бактриец. Бесс, бледный от унижения, двинул коня кулаком по голове. Скакун вскочил и помчался вместе с седоком прочь от ворот селения. Спутники Бесса повернули лошадей и последовали за предводителем.

Так и не удалось Бессу отдохнуть в эту ночь на мягком ковре, хотя Спантамано, не жалея горла, вопил у закрытых ворот укрепленных местечек:

- Эй, стадо шелудивых бактрийских ослов! Эй, черви, не стоящие даже мизинца благороднейшего персидского мужа Бесса!

Почему вы спите, дети праха? Почему вы не выбегаете навстречу вашему доброму повелителю? Режьте последних баранов, остолопы. Тащите сосуды с вином, если оно у вас еще осталось. Волоките за косы своих юных дочерей, мерзавцы!

Он явно подстрекал бактрийцев против Бесса; умышленно тяжкие оскорбления вызывали в крестьянах неистовую злобу.

- К дайву Бесса! - сказали жители одного селения. - Пусть иранец убирается в свою страну.

Дайв - это злой дух, в существование которого свято верит любой перс. Сатрап едва не заплакал от обиды.

- Пусть Бесс отправится на тот свет за своим родичем Дариавушем! посоветовали жители другого селения.

- Наплевать нам на таких повелителей, - заявили жители третьего селения. - Мы, бактрийцы, сами управимся с делами Бактрианы...

А жители четвертого селения ничего не говорили, зато угостили пришельцев тучей стрел и убили восьмерых дахов.

После безуспешных попыток устроиться на отдых в хижинах земледельцев отряд набрел не чей-то обширный сад. Мстя селянам за испытанные унижения, персы срубили десятки абрикосов, слив, черешен и разожгли дымные костры.

Спантамано лежал на своем пятнистом плаще у огня и тянул вполголоса песню о горшке, разбившемся на три куска. Бесс, опустив голову на руки, неподвижно сидел по другую сторону костра. Он чувствовал лютую ненависть к Спантамано. Между поведением согдийца и тех, кто так подло поступил с Бессом сегодня, прослеживалась прямая связь, и не будь вокруг Спантамано его верных сородичей, ахеменид не медля набросился бы с ножом на хитроумного потомка Сиавахша. Для того ли уничтожил Бесс своего двоюродного брата Дариавуша, чтобы вот этот синеглазый юнец помешал ему сделаться владыкой Персиды? А что Спантамано пытается мешать Бессу, не увидит разве только слепой. О! Чует сердце Бесса - съест его отпрыск древних царей. Склонить дахов на расправу с зловредным согдийцем? Вот было бы прекрасно! Но разве можно довериться бродягам Черных Песков? Служат они Бессу, а слушают проклятого Спантамано, потому что он для них свой, тогда как Бесс - чужак, перс, а мало ли зла натерпелись дахи от персидских завоевателей?

Сознание собственного бессилия угнетало Бесса. Обуреваемый противоречивыми чувствами, но вынужденный держать себя в руках, он молчал, окаменев от горя.

На рассвете Бесс послал в Бактру гонца и велел остальным воинам собираться в путь. Плохо выспавшиеся, бледные, с измятыми, отекающими лицами и взлохмаченными волосами, с руками, в которые въелась копоть от сырых дров, в отсыревшей за ночь одежде персы, согдийцы и дахи угрюмо и нехотя убирали снаряжение, надевали на коней войлочные попоны и затягивали широкие подпруги.

После скудного завтрака, состоявшего из испеченных в золе пресных лепешек, отряд направился к Бактре. Чем ближе к городу подъезжали всадники, тем оживленней становилось на дороге. Крестьяне везли на осликах снопы сухой прошлогодней люцерны. Скрипели огромные колеса повозок, нагруженных мешками с пшеницей. Степенно вышагивали двугорбые верблюды кочевников.

Никто не обращал внимания на отряд Бесса. Война началась давно. Первые ополчения, возвратившиеся с запада, народ встречал с любопытством. Воинов окружали густой толпой и долго расспрашивали о боях с Искендером. Было много разговоров, догадок и пересудов. Однако война затянулась, и все привыкли к ней, как бы ни приходилось тяжело. Нужно было жить и добывать хлеб, и люди, примирившись с тем, что посылает бог, вернулись к повседневным делам. Если прежде за воином, раненным в битве под Иссой, ходила с утра до ночи толпа зевак, то теперь его просто никто не замечал. Тем более, что мужчин, раненных в разных битвах, стало куда больше, чем здоровых.

К вечеру отряд Бесса, сделав двойной переход, достиг пригородов Бактры. Сначала попадались серые кварталы и ромбы вспаханных полей с редкими шелковицами на межах, потом пошли густые сады. У обочин дороги уже поднимались глинобитные ограды крестьянских усадеб. Затем стали встречаться дома кожевников, гончаров и кузнецов,

выселенных за город из-за тесноты. Наконец Бесс добрался до Западных Ворот старой Бактры. Город стоял на холме и был обнесен высокой стеной из крупных сырцовых кирпичей. Вправо и влево от ворот тянулись ряды узких стреловидных бойниц. На прямоугольных башнях расхаживала стража.

Бесса ждали. Едва отряд показался на узкой улице, навстречу ему из широко распахнутых ворот выехала толпа бородатых всадников в просторных узорчатых одеждах и полосатых головных повязках. Гулко загрохотал барабан, заревели, как буйволы, огромные медные трубы, затрепетал, забился тонкий голос зурны. Спантамано прикусил губу. Зато лицо Бесса сияло от удовольствия. В толпе встречающих не было ни одного бактрийца. В городе скопилось около пяти тысяч персов, бежавших от македонцев на восток. Узнав от гонца о приезде Бесса, они возликовали и поспешили навстречу. Их дни проходили в спорах и раздорах, никто не знал, как быть, что делать, ибо им не хватало предводителя. И вот предводитель явился.

Отряды остановились. Седой перс из встречающих медленно сошел с коня и затопал к Бессу. Не дойдя до него трех шагов, он упал на дорогу и приложился губами к земле. Бесс преобразился. Глаза его гордо блеснули. Он опять стал ахеменидом Бессом, сатрапом Бактры и Согдианы, и теперь никто не спрашивал, кто он такой.

Старик достал из-за спины мех с вином, до краев наполнил темной влагой золотую чашу и преподнес ее правой рукой Бессу, приложив при этом левую руку к сердцу. Бесс раздвинул обветренные губы в суровой улыбке, принял чашу на обе ладони и поднес ко рту. Он пил жадно, но не торопился, с достоинством смакуя терпкое вино. Осушив чашу до дна, он намочил в оставшейся капле указательный палец и провел на своем лбу влажную розовую полоску. Из грубых глоток персидских воителей грянул боевой клич.

Седой иранец взял Бессова коня под уздцы и повел его за собой. Бесс Сутулился и выгибал длинную шею, как снежный сип. Персы расступились, пропустив своего повелителя и его спутников иранцев вперед, затем сомкнулись позади них тесной толпой, ошетилившейся копьями, и последовали за сатрапом в город.

Спантамано не трогался с места. Согдийцы и дахи остались возле потомка Сиаваша. Казалось, Бесс забыл о своем соратнике. Но, как понимал Спантамано, это только казалось. У Бесса что-то на уме, его надо опасаться.

- Горшок измучила тоска, разбился он на три куска, - сказал Спантамано и обернулся к воинам. - Видели? Когда в зарослях случится пожар и звери спасаются от огня, волк и олень бегут рядом. И никто никого не трогает. Но пожар кончился, и волк опять точит зубы на оленя. Поняли вы меня?

- Да.

- Вы, дахи, куда пойдете?

Дахи уже в пути переговорили между собой. Служба у Бесса, которого не пускали на ночлег даже в собственной вотчине, обещала дахам мало хорошего. Лучше поступить под начало Спантамано: его, как они убедились, сам Бесс боится. Поэтому старейшины дахов ответили без колебания:

- Мы с тобой, о Святой Смысл!

Имя Спантамано означало "святой смысл". Потомок Сиаваша удовлетворенно кивнул головой и покосился на худого, бледного перса, оставшегося у ворот, - того самого перса, который присутствовал при убийстве Дария. Опустив голову, он печально глядел куда-то в пустоту.

- Датафарн! - позвал его Спантамано. Тот очнулся. - Ты почему остался здесь?

- А куда мне? - Датафарн грустно улыбнулся.

- К Бессу.

Датафарн медленно покачал головой:

- Нет, Спантамано. Я хочу к тебе.

Спантамано испытывающее смотрел на перса. Может, его нарочно подослал Бесс? Да нет, не может быть. Не в первый же раз видит Спантамано этого беднягу Датафарна. Но он все-таки сказал:

- А если я не пушу?

Датафарн сразу понурился и растерянно пробормотал:

- Тогда... не знаю.

"Дурак! - выругал себя Спантамано. Ему стало жалко Датафарна. - Он и так болен, а ты его еще терзаешь".

- Ладно, - кивнул Спантамано добродушно. - Ты не обижайся. Я просто так сказал. Я рад, что ты решил остаться со мной.

Датафарн оживился. Спантамано повернулся к дахам и согдийцам:

- Персы уехали налево, к замку. Мы двинемся направо, к моему другу Вахшунварте. Все согласны?

- Да!

Усадьба Вахшунварты занимала целый квартал у Южных Ворот. Серые глинобитные и каркасные жилища соединялись узкими переходами. Между жилищами кое-где чернели квадраты затененных внутренних двориков, там и сям поднимались зеленеющие тополя. Дворец Вахшунварты точно холм возвышался над плоскими крышами окружающих его хижин, где жили сородичи и рабы верховного жреца Бактрианы. Перед дворцом раскинулась площадка с бассейном посередине. Вокруг бассейна темнели кроны развесистых чинар. Весь квартал был огорожен толстой стеной, а по углам дворца зорко глядели вниз бойницы четырех сырцовых башен.

Вахшунварта - высокий, смуглый человек с умным лбом, строгим худощавым лицом, темными спокойными глазами, прямым носом и белой длинной бородой - встретил гостей со сдержанной приветливостью. Спокойными, плавными движениями, мягкой речью и неторопливой поступью он как бы подчеркивал свою принадлежность к священной жреческой касте. Он с достоинством поклонился Спантамано и не спеша повел его во дворец.

В залах дворца было много света и воздуха. Потолки украшала тонкая резьба по алебастру. По верхнему краю высоких стен тянулись лепные фризы, изображающие то розетку, то следующих одна за другой куропаток, то оленей, убегающих от леопарда. Ниже фризов раскинулась по голубому полю вязь красочных росписей: охотники на тонконогих, быстро скачущих конях пронзали стрелой нежных серн; юноши в дорогих нарядах поднимали чаши; раскинув руки, выступали группы обнаженных танцовщиц.

"В храме огня, где Вахшунварта совершает обряд, ни одной завитушки не увидишь, - подумал Спантамано. - А дома у него вон сколько их наворочено. Такова твоя святость, хитрец?"

Поручив Спантамано заботам рабов, хозяин удалился. Пока Вахшунварта размещал согдийцев и дахов по хижинам, а их коней - по конюшням, потомок Сиавахша обмылся прохладной водой. Он долго плескался в каменном бассейне внутри дома, и его некрупное, суховатое, но ладно сложенное, как бы отлитое из бронзы тело отдыхало от дорожных невзгод.

Рабы, цокая языками от восхищения, умастили длинные волосы согдийца душистым маслом и расчесали серебряным гребнем; густые локоны отливали золотым блеском и ниспадали на плечи мягкой волной. Каково же было удивление слуг, когда знатный согдиец отказался от приготовленных для него ярких бактрийских одежд и опять облачился в пятнистые шкуры леопарда! Он поглядел в медное зеркало, поправил тонкие усы и весело подмигнул

столпившимся вокруг него рабам. Они завывали от восторга. Так дружески с ними еще никто не обращался.

Освеженный, ловкий и быстрый, согдиец, проворно ступая по мягким багровым коврам, проследовал в зал, где за низким столом, уставленным золотой и серебряной посудой, его ожидал старый Вахшунварта. При виде сдобного пшеничного хлеба, жирного вареного риса, горой лежащего на круглом подносе, жареных сазанов, щук и сомов, раскрывших пасти на блюдах, тонко нарезанного, посыпанного красным перцем и политого уксусом лука и крупных, на огне каленных орехов ноздри Спантамано дрогнули, как у голодного барса, уловившего запах пасущейся недалеко антилопы.

Хозяин подошел к бронзовому жертвеннику, установленному на высокой медной треноге, разрезал плод граната, окропил кровавым соком священное пламя и едва слышно пробормотал короткое заклинание:

- О Хаом, владыка дома, владыка селения, владыка города, владыка страны! О силе и победе для нас молюсь тебе, - сохрани нас от ненависти ненавидящих, лиши разума притеснителей. Кто в этом доме, в этом селении, в этом городе, в этой стране нам враждебен, отними у того мощь, ослепи его глаза. Да не будет крепок ногами, да не будет могуч руками, да не увидит земли и неба тот, кто обижает наше сердце...

Ели молча. Спантамано, отведав понемногу всего, напал на свое любимое блюдо - острую горячую похлебку с жирной бараниной, диким чесноком, черным перцем и айвой. Вахшунватра равнодушно жевал сушеные абрикосы и задумчиво глядел куда-то в угол. Ему не хотелось есть, и он только из приличия присоединился к согдийцу. Его одолевал рой невеселых мыслей.

- Рассказывай! - проворчал жрец, когда Спантамано, запив еду кубком темного кислого вина, прилег на правый бок и подоткнул под локоть подушку.

- Рассказ мой будет краток. - Потомок Сиавахша усмехнулся. - Персам пришел конец!

- Ты этому рад?

- Рад? - повторил Спантамано. - Конечно, будь я проклят! Так свободно дышу сейчас, как никогда за двадцать шесть лет жизни своей не дышал. Э, да сегодня мне как раз двадцать шесть лет стукнуло! Забыл совсем, будь я проклят... Ну ладно, это к делу не относится. Важно что? Спантамано по-другому заживет теперь!

Он прищурил глаза, щелкнул пальцами и засмеялся. Вахшунварта молча ожидал, что скажет дальше этот согдиец.

- Слушай, Вахшунварта, - продолжал отпрыск Сиавахша. - Спантамано не любит говорить о себе. Он таков по своей природе. Но сегодня... или я просто пьян и кубок вина развязал мне язык? Нет. События - вот что отомкнуло замок на моих устах. Ты спросил меня: рад ли я падению Кодомана? Да, безумно рад! Почему? Я скажу тебе, Вахшунварта. Слушай меня, отец. Ты ведь знаешь, я - из царского рода потомков Сиавахша. Сиавахш похоронен в городе Бахаре [Бахар - ныне Бухара], что стоит на Золотоносной реке [Золотоносная река - Зарафшан]. Весной, в день Нового Года, жители Бахара поднимаются на холм, где погребен Сиавахш, и при восходе солнца режут на его могиле священных петухов. Сиавахш происходил от Михры, великого бога Солнца. Вот почему у меня золотые волосы, - они напоминают о лучах знойного светила. Вот почему у меня синие глаза, - они походят на цвет неба, по которому шествует Михра. Из нашего рода вышел пророк Заратуштра, которому поклоняются мидяне, персы, бактрийцы, согдийцы и жители Хорезма. Да, я от великого корня! Отец моего деда обитал на холме посередине Бахара - на холме, где погребен Сиавахш. Там же, в крепости, за толстой стеной, жил и отец моего отца. Кто во всей Согдиане был более почитаем и богат, чем цари из рода Сиавахша? Но вот явился Кир...

Лицо Спантамано потемнело. Вахшунварта, заметив злой огонек, разгравшийся в глазах

молодого согдийца, пугливо отодвинулся.

- Царь персов Кир, - продолжал Спантамано, - покори и унизил моего прадеда. Дариавуш изгнал моего деда из Бахара. Наш род бежал на восток, в Пенджикент. Ты слышал о Пенджикенте? Он за Маракандой, в горах, на берегу Зарафшана. Но и там, будь я проклят, нас не оставили в покое! Персы добрались до нашего становища и отняли даже то, что у нас еще оставалось. Почему? Да потому, что наш род священ, а Кшайарша, сын Дариавуша, - тот самый Кшайарша, который объявил себя "саошиантом" - Спасителем Человечества, не хотел, будь проклято его имя, чтобы на востоке существовал род, более славный, чем корень Гахамана.

О судьба! Если когда-то все богатства Согдианы доставались нам, то при персах они обратились в добычу чужеземных царей. Согдиану сделали сатрапией Персидского государства. Знаешь, какую дань платили согдийцы совместно с племенами хорезмийцев, парфян и харайва? По триста золотых талантов [всего около 700 тысяч золотых рублей] каждый год! Из-за тяжелых поборов род Сиавахша обнищал, как и все в Согдиане. Поверь мне, из каждых десяти овец половину мы отдавали - кому? Персам. Из каждых десяти юношей половину мы отдавали - куда? В персидское войско, и все они пропадали вдалеке от своих лачуг, пропадали ради чужого благополучия! Из каждых десяти женщин половину мы отдавали персам, они служили забавой их лопоухим старикам и никогда уже не возвращались домой, тогда как наши мужчины не могли жениться и умирали, не оставив на земле потомства... Наше семя стало вырождаться. Из потомков Сиавахша остался всего один человек на свете, это я, Спантамано.

Все говорят: Спантамано безбожник и бродяга, для которого ничего не свято. И так оно и есть, разве я отрицаю? Немало горя видел Спантамано, немало всякой нужды перенес, чтобы корчить из себя человека, угодного царю и богу. Персы на моих глазах - на моих глазах, будь я проклят! - убили за неповиновение моего отца... Я, потомок Сиавахша, мерз, одетый в лохмотья, в пустой хижине, а дети персидских старейшин дразнили меня блеском своих нарядов. Я голодал, как волчонок, они же... разве они задумывались когда-нибудь над тем, что будут есть завтра?

Я был красивым и веселым юношей. Но разве мне предназначались дочери богатых старейшин? Нет, их отдавали персидским молокососам, у которых пояса распирало от золота - золота, отнятого у нас! В двадцать лет я был мудр, как старец, но стадо тупых иранских юнцов, людей жалкого, скудного ума, из которого ничего не выжмешь, сколько ни бейся, - это стадо ослов глядело на меня сверху вниз. Как же! Ведь они умели так красиво говорить, хотя в речах не было никакого смысла, а я, хотя и видел их всех насквозь, не мог связать два слова от смущения и унижения.

Что же из того, что я стал видным человеком в Согдиане? Я достиг высокого места только благодаря собственной изворотливости. Да, я добился многого, я сделался приближенным сатрапа Бесса, женился на его сестре. Но разве это нужно потомку Сиавахша? Я хочу сам быть себе владыкой. Я хочу сам есть хлеб, выращенный на моих полях. Я хочу сам есть мясо моих овец.

Я хочу сам править Согдианой, будь я проклят, а не доверять это приятное дело какому-то Бессу! Всю жизнь я тайно ненавидел персов и желал конца их владычеству. Но у меня не хватило бы сил с ними расправиться. Это сделал за меня другой - великий человек, властелин западных стран Искендер Зулькарнейн. Иго персов свергнуто. Ты спросил меня, Вахшунварта, рад ли я поражению Дариавуша? Я визжу от счастья, ликую, проглоти меня дайв!

И Спантамано, сверкая ровными зубами, расхохотался прямо в лицо бактрийцу. Вахшунварта, пораженный столь откровенной речью потомка Сиавахша, подавленно молчал. На смуглых губах Спантамано блуждала странная улыбка. И Вахшунварта подумал, что этот

молодой согдиец не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего.

- Я... э-э... хорошо понимаю тебя, - сказал, наконец, Вахшунварта. Кто не рад краху Персидского царства? Тысячи тысяч людей от Египта до Согдианы разогнули спину. Десятки народов мечтали о свободе, - мечта их исполнилась. Но... - Вахшунварта вздохнул, - не променяли мы петуха на ястреба, а?

- Ты о чем? - спросил Спантамано, блаженно улыбаясь.

- Я говорю об Искендере. Когда юнан воевал на западе, я заклинал Охрамазду о победе Зулькарнейна. Когда юнаны сожгли Фарс, я принес благодарственную молитву богу Михре. Но... Дариавуш убит, персы разбежались, а Искендер все еще движется на восток. Он уже в Кабуре. Одного нет - другой зачем? Может, он будет еще хуже? А не получится так: если раньше из десяти твоих овец персы съедали только половину, то теперь юнаны съедят всех, да и тебя самого а придачу? Ты не думал об этом, а?

Улыбка Спантамано погасла. Он опустил глаза и глухо ответил:

- Нет.

- Зря. Я боюсь Искендера. Он объявил: "Иду на восток, чтобы освободить всю Азию от персов". Персов Зулькарнейн уже победил. Зачем же он идет сюда?

- Победил, да не всех! - горячо возразил Спантамано. - Ты забыл про Бесса? Он собирает войско, хочет выступить против юнана. Вот зачем идет к нам Искендер. Истребит остатки персов и вернется обратно. Что тут страшного?

- Не знаю, - пробормотал Вахшунварта. - Может быть и так. Но я... не верю Зулькарнейну. Кто знает, что у него на уме? Ты заглядывал в его душу? Нет. Я тоже. Подумай - стал бы он губить своих людей ради нас? Нет, не станет он из-за тебя и меня своей головой рисковать. Говорят Искендер лукав. Спаси Охрамазда от его рук.

- Ты от страха голову потерял, - криво усмехнулся Спантамано. Вспомни-ка: при Дариавуше Первом и персы два или три раза нападали на Юнан, учиняли там неслыханный погром. Пока у персов сила, юнанам спокойно не спать. Чтобы и завтра, и послезавтра, вечно был мир, юнаны хотят уже сегодня с корнем вырвать раз и навсегда родословное древо Гахаманидов. Не потому ли Искендер вот уже пять лет гонит их и громит, чтобы до конца истребить их боевую силу? Пастух не спокоен за стадо, пока не уничтожит волчью стаю до последнего щенка, у которого еще даже зубы не прорезались.

- Не знаю, - опять сказал Вахшунварта, с сомнением покачав головой. Может быть, ты и прав. Но я все-таки не верю Зулькарнейну. Я много думал, думал целый месяц, да. И решился... решился, пока не поздно, бежать их Бактры.

- Бежать? - Спантамано вскинул брови. - Куда?

- На север. В Согдиану. Ороба, правитель Наутаки, мой друг. Он примет меня.

- А как же Бактриана? Как народ, который видит в тебе своего отца?

- Народ? - Вахшунварта усмехнулся. - Сейчас он видит своего отца в Искендере. Зулькарнейна превозносят на всех перекрестках как освободителя. Все ждут не дождутся, чтобы он скорей явился и выбил персов из Бактры. Что мне народ? Пусть поступает, как ему хочется. Окажется прав - хорошо. Ошибется - ему же будет плохо. Мне сейчас не до народа. Я хочу спасти себя и своих родичей от юнанов, - все другое меня не касается. Я готов к отъезду. Мы выступаем через три дня. Если хочешь, поедем со мной.

- А Бесс?

- Бесс? Плюнь на него. Пусть он хоть утопится.

- А если он с нами захочет?

- Пусть едет. Но кормить его я не буду.

- Та-а-ак... - Глаза Спантамано приняли сосредоточенное выражение. Он забарабанил

пальцами по медному подносу и стал негромко насвистывать сквозь зубы. Потом резко встряхнул головой. - Хорошо! Уйдем на север, за Окс [Окс - современная река Аму-Дарья].

В Бактре, по донесениям лазутчиков, остался двухтысячный отряд мидян и персов, не примкнувших к Бессу и решивших защищаться. Отдохнув в Драпсаке, македонец сделал внезапный налет на Бактру и взял ее после недолгой осады. Жители города так ненавидели персов, что во время приступа стали избивать их. Народ открыл ворота и встретил македонцев как освободителей. Чтобы еще больше склонить местных жителей на свою сторону, Александр приказал солдатам никого до времени не обижать.

Бактра показалась Александру унылой и запустелой. Персы довели город до разорения. "Когда я наведу порядок на всей азиатской земле, - сказал Александр себе, - открою здесь хорошую торговлю, и город оживет".

Солдатам было объявлено, что в Бактре они отдохнут, запасутся хлебом и направятся в Согдиану, чтобы разгромить Бесса.

ЗАРА, ДОЧЬ ОРОБЫ

*В золото Зевс обратился, когда захотел он с Данаи
Девичий пояс совлечь, в медный проникнув чертог.
Миф этот нам говорит, что и медные стены, и цепи
Все подчиняет себе золота мощная власть.
Золото все расслабляет ремни, всякий ключ бесполезным
Делает; золото гнет женщин с надменным челом
Так же, как душу Данаи согнуло. Кто деньги приносит,
Вовсе тому не нужна помощь Киприды в любви.
Силенциарий, "Эпиграммы"*

Напротив Тармиты [Тармита - ныне город Термез] беглецы переправились в больших лодках на правый берег Окса и сожгли суда, чтобы они не достались македонцам. Отсюда путь лежал по горам и пустыням до Наутаки [ныне город Шахрисябз] - города, расположенного недалеко от Мараканды.

Впереди ехали согдийцы и дахи Спантамано. Воины из Мараканды, Бахара, Наутаки, Пенджикента и других мест Согдианы распевали песни - долгие странствия по далеким, чужим краям закончились, кони согдийцев ступали по родной земле.

Иным было состояние бактрийцев. Толпа многочисленных сородичей жреца Вахшунварты, его вооруженных слуг, жен и детей, среди которых выделялась редкой красотой четырнадцатилетняя Рохшанек, а также семейства других бактрийских жрецов и старейшин, бежавших вместе с Вахшунвартой, тосковали о покинутой Бактриане и тревожно глядели вперед, невесело размышляя о будущем. Оно не сулило им ничего хорошего.

Персы же, замыкавшие это скорбное шествие, были трижды мрачней унылых бактрийцев, и угрюмей всех казался их предводитель Бесс. Он долго отговаривал Вахшунварту и Спантамано от бегства в Наутаку, но они его не послушались. Без них же Бесс не решился остаться в Бактре, боясь не столько Александра, сколько мести туземцев. И вот он ехал сейчас во главе своего отряда, проклиная судьбу, которая так немилостиво с ним обошлась. Все меньше и меньше друзей оставалось у Бесса, все больше становилось врагов. Самым опасным из них был Спантамано. После ухода из Бактры в нем произошла разительная перемена. Согдиец держит себя не так, как держал прежде, и это не укрылось от глаз Бесса. Раньше потомок Сиаваша с утра до ночи орал во все горло песню о разбитом горшке, хохотал на каждом шагу и не упускал

случая позубоскалить. Сейчас он вопреки своему обычаю, не пел, не смеялся и не разговаривал. Все эти дни он озабоченно посвистывал и сосредоточенно думал. О чем? Этого не знал никто в целом мире. А неизвестность настораживала, пугала Бесса.

- Посмотрим.
- Там видно будет.
- Время покажет.

Так отвечал Спантамано, когда его спрашивали, что он станет делать после приезда в Наутаку.

Вместе со Спантамано ехал в Наутаку и бледный перс Датафарн. Странный это был человек - все время хмурился, никому не задавал вопросов, никому не отвечал, всех сторонился, и только Спантамано улыбался иногда своей обычной грустной улыбкой.

- Ты почему такой? - спросил его Спантамано.

- Какой?

- Ну... вот, смотри: солнце кругом, птицы летают, ящерицы бегают, все радуются, а ты угрюмый. Почему?

- Что - солнце? - печально ответил Датафарн. - Солнце всходит, заходит, а мир... мир остается злым и темным, как всегда.

- Как ты сказал? - удивился Спантамано. - Мир - всегда злой и темный?

- Конечно! Разве горе и мука, которым не видно конца, разве кровь, что каждый час льется на земле, разве землетрясения, извержения огнедышащих гор, ураганы, град, потоп, война, пожары, мор - все это не говорит, что миром правит зло?

- Хм... - Спантамано растерянно поглядел на Датафарна. - Я не думал о таких вещах. Но... кажется мне: ты не прав. Только ли зло на земле? А сила добра? Какой же ты приверженец Заратуштры, если не чтить Охрамазду, бога добра и света?

- Добро? - Датафарн усмехнулся. - О люди! Вы видите в словах только оболочку, но не добираетесь до их внутреннего смысла. Что такое добро? Чистого добра не бывает. Все зависит от того, кто совершает действие. Понимаешь?

- Нет, - откровенно признался Спантамано.

- Ну вот, если тигр нападет на буйвола, он совершит - что? Добро для себя - ведь коли он не съест буйвола, то умрет с голоду. Верно?

- Ну.

- И если буйвол распорет тигру брюхо, то он тоже совершит добро добро для себя. Так?

- Так.

- Значит, добра самого по себе нет. Корень всего на земле - голод. Каждое существо хочет есть. Чтобы не умереть с голоду, оно ест других. Чтобы оправдать свой поступок, оно объявляет жертву носителем зла, а себя - носителем добра. Добро - это просто красивое слово, которым прикрывают зло. Суть жизни в том, чтобы есть друг друга.

- Ты говоришь о тиграх и буйволах. А у людей как?

- У людей еще хуже! Верней, о людях я и говорю. Зверь - тот хоть не болтает. Ест - и все. А человек - каких только пышных слов не выдумает он, прежде чем слопать себе подобного. "Добро", "истина", "справедливость", "благо" - о себе и "вероотступник", "возмутитель спокойствия" - о жертве, - все это говорится только для того, чтобы помех скушать жертву. Вспомни уроки прошлого. Финикийцев ели египтяне, египтян ели ассирийцы, ассирийцев ели мидяне, мидян ели персы, теперь юнаны едят персов. Бесс проглотил Дариавуша, ты пожрешь Бесса. Разве не так? Земледелец грабит кочевника, кочевник грабит земледельца. Богатый обдирает бедного, бедный убивает богатого. Муж угнетает жену, жена доводит мужа до безумия. Все человечество охвачено звериной алчностью. Каждый стремится втоптать другого

в грязь, чтобы возвысится самому. Так было, есть и будет до тех пор, пока человечество совсем не лишится разума и не истребит само себя. Вот почему я презираю людей. Понимаешь?

- Ни дайва не понимаю? - зло сказал Спантамано. Он и впрямь не понимал темных речей иранца, но смутно чувствовал: в них что-то не так. Душа молодого согдийца бессознательно сопротивлялась грубому и бесстыдному смыслу откровений Датафарна.

"Удивительный народ эти персы, - подумал он с досадой. - Прославились на весь мир силой, мудростью, умелостью рук, а теперь что из них стало? Вот до чего довели вас Гахаманиды", - мысленно обратился он к собеседнику.

- Не понимаешь? - холодно сказал Датафарн. - Откуда тебе понять ведь жизнь еще не обломала твои бодливые рога.

- Твои обломала уже?

- И как еще! Знаешь ли ты, что десять лет назад я потерял в междоусобице свои владения, дом и всех родичей? Я одинок и гоним, как дух степей.

- А! - Спантамано оживился. - Вот откуда у тебя печаль. Так почему же ты не мстишь?

- Мечь... - Датафарн вздохнул. - Отомщу одному, другому, а зло как было, так и останется в мире.

- Наплюй ты на зло, ради Охрамазды! Отомсти, и тебе сразу станет легче.

- Легче? Разве станет легче от мелочей, если я вижу несовершенство самого мира?

- Слушай, так жить нельзя! - возмутился Спантамано. - Что дальше?

- Дальше? - Перс скривил губы. - Вот залезу в какую-нибудь дыру и подохну.

"Конченный человек", - подумал Спантамано и, вытянув руку, стиснул пальцы в небольшой, но крепкий кулак:

- Ну, я не такой. Раз уж я родился, то возьму от мира все, что мне положено взять по праву живого человека!

Датафарн вдруг побледнел еще больше, закашлялся; изо рта у него хлынула кровь. Спантамано отшатнулся от него с брезгливостью здорового человека, но тут же устыдился, поддержал иранца под руку и крикнул слуг.

Те бережно сняли Датафарна с коня и положили в колесницу. После небольшой остановки, когда перс отдышался, отряд снова тронулся в путь.

- Ты не любишь персов, - прошептал Датафарн. - Зачем ты заботаешься обо мне?

- Я не люблю тех персов, которые норовят меня съесть, - невесело усмехнулся Спантамано. - А тех, кто хочет со мной мира, - тех люблю.

Речи перса не оставили заметного следа в разуме согдийца, но зато заронили тревогу в его сердце. Чтобы уйти от недобрых предчувствий, он яростно погонял коня. Дорога, по которой продвигался отряд, была однообразной - те же нагромождения красных и черных скал, глинистые бесплодные предгорья, равнины, покрытые чахлой солянкой, что встречались Спантамано и в Сирийской пустыне, и к востоку от Тигра, и в стране персов, и возле Парфянских гор. Люди жаждали отдыха в тени платанов, у широкого бассейна, полного чистой холодной воды. Поэтому, когда на горизонте возникли синей извилистой полосой сады Наутаки, беглецы вздохнули облегченно и радостно.

Округ Наутака ["Новое поселение"] был небольшим, но чудесным уголком в этой стране выжженных солнцем диких полей. По обе стороны дороги тянулись ряды приземистых, но богатых темной, густой, сочной листвой шелковиц. Между ними там и сям выступали кроны серебристых лохов. Журчала в каналах мутная, бегущая с гор вода. На пашне работали люди в белых одеждах.

Сама Наутака стояла на огромном холме. Над величественными глинобитными стенами, из которых торчали ряды полусгнивших балок, летали стаи голубей. Внизу, на площади перед

воротами, шумел базар.

Ороба, о котором Спантамано много слышал, оказался человеком себе на уме. Перед гостями предстал длинный, сухой и кривой, точно ствол абрикоса, козлобородый старик в тяжелой, расшитой золотом одежде. Его худощавое смуглое лицо показалось бы даже красивым, если бы он не задирает так высоко свой нос, не кривил так спесиво губы, не выставлял так далеко подбородок. Чванства у Оробы было хоть отбавляй. Он держался так, словно владел не малым округом, а, по крайней мере, половиной белого света. Всем своим видом он выражал не подобающее среднему вельможе блистательное величие, и только иногда, когда взгляд его глубоких карих глаз падал на золотые предметы и вообще на что-либо дорогое, лицо Оробы на миг утрачивало горделивость и становилось хитрым, как у жадных и ловких проныр, торговавших на рынке перед воротами его родового укрепления.

Бесс не являлся уже могущественным сатрапом, как прежде, однако все еще считался первым человеком Согдианы. Поэтому Ороба низко поклонился ему и поцеловал край его одежды, тогда как раньше пал бы перед ахеменидом ниц. Вахшунварта, хотя и не корчил из себя невесть кого, был познатней и побогаче Оробы. Но сейчас не Ороба нуждался в Вахшунварте, а наоборот. Поэтому наутакец ограничился тем, что лишь свысока кивнул бактрийцу. При виде Спантамано его лицо выразило недоумение. Он брезгливо оглядел потертые шкуры, в которые облачился потомок Сиавахша, и грубо спросил:

- Ты кто т-такой?

Он был зайкой. Бесс метнул на Спантамано быстрый косой взгляд. Он и обрадовался тому, что Ороба унижил его врага, и встревожился: потомок Сиавахша никому не прощал обид и однажды на пиру запустил кубок в голову самого Дария. Неожиданная ссора могла внести раскол в среду согдийцев, а Бесс нуждался в них сейчас. Но Спантамано, к удивлению сатрапа, даже не поморщился.

- Я бедный человек по имени Спантамано, - ответил он Оробе смиренно. В глазах его блеснула и погасла искорка. И Бесс вспомнил кота, играющего с мышью. Ороба, услышав имя потомка Сиавахша, на миг смешался. Но сообразив, что бояться нечего, он проворчал:

- Так это т-твои люди отбивают с-скот у моих пастухов, С-святой Смысл?

Пенджикент и Наутака, владения Спантамано и Оробы, находились по соседству. Их разделяли горы, через которые изголодавшиеся пенджикентцы нередко ходили в набеги на юг.

- Случается, - ответил Спантамано спокойно.

Ороба не нашелся, что сказать, и отвернулся.

Предводители отрядов, прибывших из Бактры, вместе с телохранителями расположились в городе. Воинов поселили за стеной у рынка. На этом Ороба свое гостеприимство исчерпал. Бактрийцам и персам надлежало самим добывать пропитание. Собственно, на тех пять тысяч человек, которые привели Бесс и Вахшунварта, не хватило бы хлеба и у самого щедрого богача. Вахшунварта и другие знатные бактрийцы не испытывали нужду, ибо привезли много зерна и пригнали много скота. Хуже было положение Спантамано. Ему пришлось отправить гонца за горы. Через несколько дней из Пенджикента явился отряд его людей, ведущих огромное стадо быков; Ороба подозрительно на них косился, - где эти голодранцы раздобыли столько скота, ведомо разве только одному Анхраману. Две тысячи дахов Спантамано получили еду, зато персы страдали от недостатка хлеба и мяса. Разъяренный Бесс разослал по городам Согдианы грозные приказы, подкрепленные мечами его конных воителей. По горным и степным дорогам потянулись в Наутак утары овец и караваны с маслом, зерном, вином и плодами.

Сюда же двигались со всех сторон отряды персов, рассеянных по разным поселениям Согдианы. Бесс готовился к битве и стягивал силы в одно место. Скоро в тесном оазисе стало негде повернуться. Это немало огорчало бережливого Оробу. Он возненавидел Бесса и по

ночам молил богов послать на голову сатрапа тысячу и сто лютых бед.

Пенджикент лежал рядом и призывал Спантамано домой. Гонцы доставляли невеселые известия: хозяйство округа пришло в упадок, надо, чтобы молодой правитель приехал, сам во всем разобрался и отдал нужные распоряжения. Но Спантамано не покидал Наутаку, что многих удивляло.

- Какого дайва я там не видел, в проклятом Пенджикенте? - сказал Спантамано прибывшим к нему старцам. - Неужели, объездив половину мира, я должен сидеть в этой голодной и холодной дыре? Без меня не можете? А мозги у вас есть? Руки отсохли у ваших сыновей, что они не в состоянии добыть себе кусок хлеба на шашской [шашская дорога - дорога, ведущая в Шаш (современный Ташкент)] дороге? Несчастный я человек! Почему я должен возиться с шайкой этих вечно голодных пенджикентцев? Вы, наверное, и дочь мою уморили.

- Что ты, господин састар, наследница твоя цветет, как роза.

- Как роза! Пожалуй, в рваных тряпках ходит?

- О господин састар! Дочь самого Дариавуша так не одевалась.

- Дочь самого Дариавуша! Разве только в одежде радость? Кормите, наверно, кониной, испеченной на углях?

- Упаси бог, господин састар! Куропатка, фазан - вот ее еда.

- Еда, еда! Какой прок от еды, если она ни разу ласки не видела?

- Вай, господин састар! На руках носят твою дочь. Кто не любит дитя Спантамано?

- Ну, посмотрим. Везите ее скорей.

У Спантамано была дочь от его давно умершей жены, персиянки, сестры Бесса. Когда Спантамано уехал на войну, девочке только исполнилось три года. Такой она и запомнилась ему - низенькой, толстенькой, круглолицей и веселой. Поначалу он все тосковал, потом привык к разлуке - на войне не до нежных чувств. Но теперь, вблизи от Пенджикента, тоска начала его томить с новой силой. Какой она стала? Выросла, должно быть. Помнит ли его?

И вот однажды утром его позвали во двор. У повозки, окруженной толпой бородатых горцев, стояла девочка лет восьми - высокая, тонкая, в блестящем розовом платье и широких красных шароварах. "Вытянулась", - подумал Спантамано.

- Отана!

- Дада! - Девочка с криком бросилась к Спантамано. - Отец!

Он опустился на корточки, схватил дочь в охапку, прижался щекой к ее щеке и окаменел. Долго они сидели так. Слезы отца смешались со слезами ребенка.

- А ну-ка, Отана, дай я посмотрю на тебя, - хрипло сказал Спантамано и немного отстранил девочку. Белое, красивое лицо, кое-где тронутое точками веснушек. Задорный носик. Розовые губы. Кудри не его - черные, не блестящие, как смола, а мягкие и темные, как ночь; такие волосы были у его жены. Но вот глаза, - ах, эти глазенки! И какой чурбан сказал, будто синий цвет - холодный цвет? Сколько тепла сияло в этих лукаво прищуренных, синих-синих глазах, похожих на яхонты, насквозь просвеченные солнцем! И так преданно они глядели на Спантамано!..

- Проклятье твоему отцу, - добродушно пробормотал тронутый согдиец. Оказывается, совсем не плохо, когда у человека есть дочь.

Он щедро подарил ей всякой всячины: бус, сережек, браслетов, колец, подвесок и диадем. Не находя себе места от радости, она бегала, прыгала, пела веселые горские песенки, танцевала, прищелкивая пальцами, корчила уморительные рожицы и тормошила отца, не переставая звонко смеяться. Спантамано молча цокал языком от изумления и восхищения. У него такая дочь! Старцы говорили правду: Отана выглядела здоровой, чистой и свежей; из чувства благодарности он купил им по новому халату.

Три дня Отана гостила у отца, и это время было самым счастливым в жизни беспутного потомка Сиавахша. На четвертый день, как ни плакала дочь и как ни изнывало сердце самого Спантамано, он решил отправить Отану домой.

- Зачем ты меня прогоняешь? - рыдала она у него на плече.

- Я не прогоняю тебя, доченька, - ответил он глухо. - Я прошу, чтобы ты скорей уехала. Тебе надо уехать. Тут много плохих людей. Видела, какие у них злые глаза?.. Съедят тебя, - добавил он, вспомнив слова Датафарна.

- А почему сам остаешься? Поедем со мной.

- Нельзя, доченька. Я буду сторожить дорогу, чтобы плохие люди не добрались до Пенджикента, где ты будешь думать о своем отце. Ты не забудешь меня, Отана?

- Никогда.

- Ну, прощай.

Он проводил старых пенджикентцев и Отану далеко за город и долго-долго стоял на дороге, не в силах вымолвить слово - боялся заплакать. Его тяжело угнетало предчувствие грядущих бед, хотя он и не знал еще, что Отану ему больше уже никогда не увидеть. О том же, что его родная дочь станет через много лет женой македонского царя Селевка, он и предполагать не мог. Судьба!

Он возвращался в Наутаку пешком, ведя в поводу коня. За ним, также спешившись, шагали Варахран и еще четыре согдийца. В небе, удивительно ярком и синем, над зубцами красных горных вершин, кудрявились, подобно овечьим шкурам, белые облака. По сторонам дороги тянулись массивы еще молодой пшеницы ровного серо-зеленого цвета. В садах, где та же сероватая блестящая зелень листьев млела в волнах горячего воздуха, поднимавшегося от желтой земли, слышался женский смех. Где-то за глинобитной оградой мычала корова. Пахло тмином и свежеспеченным хлебом. На одной из плоских крыш сидела девочка и мирно стучала в бубен. Повсюду царил мир, и в душу Спантамано снизошел покой.

Он обернулся к Варахрану. С тех пор как Спантамано подобрал его в стране Гиркан, чеканщик переменился - окреп, выправился, возмужал, научился хорошо стрелять из лука. Он не отходил от спасителя ни на шаг. Без всякого уговора, как-то само собой, Варахран сделался первым телохранителем потомка Сиавахша.

Спантамано видел: Варахран сильно тоскует по дому. Но всякий раз, когда Спантамано намекал ему на это, чеканщик обижался, краснел и твердо заявлял, что никуда не пойдет от "господина састара". Вот и сейчас маракандец, расстроенный сценой прощания хозяина с Отакой, понурился, затосковал опять.

- Домой хочешь? - сказал Спантамано беззлобно. - Убирайся хоть сегодня. Мне надоел твой унылый вид.

Маракандец вспыхнул и смущенно пробормотал:

- Зачем господин састар смеется над бедным человеком?

- Я не смеюсь, чурбан. Вижу - тоскуешь. Так отправляйся! Кто держит? Разве тебе не жалко твоих родичей?

- А господину састару?

- Что?

- Господину састару жалко своих родичей?

- Ну?

- И дочь жалко?

- Может быть.

- Почему же господин састар не отправляется домой?

- У меня много дел в Наутаке.

- Значит, и у меня тут много дел.

- Ты-то здесь при чем, дуралей?

Варахран сердито засопел и умолк. Спантамано растрогала верность чеканщика. Он хлопнул его по плечу и добродушно сказал:

- Ну ладно. Оставайся, если ты уж так хочешь. И не вешай голову - мы еще увидим твою Мараканду. Не сто лет нам торчать в этой проклятой Наутаке. Ясно?

- Ясно.

Опять Наутака. Опять Ороба и персы. Спантамано с утра до вечера слонялся по крепостной стене, насвистывал свою знаменитую песню и все выжидал, упорно выжидал чего-то.

Иногда на стену поднимался Датафарн.

- Ты чего ко мне льнешь? - притворно сердился на него Спантамано.

Перс сам не понимал, почему его тянет к потомку Сиавахша. Может быть потому, что Спантамано единственный из всех людей, знающих Датафарна, относился к нему приветливо и доброжелательно; другие сторонились больного человека, в груди которого, по их словам, завелась "нечисть". Но, пожалуй, больше всего привлекали иранца жизнерадостность Спантамано, неукротимый дух, - общаясь с молодым согдийцем, Датафарн незаметно для себя перенимал его веселость, он как бы впитывал неистребимую жизненную силу потомка Сиавахша, проникался его простой верой, на дом и предводителя.

Он следил за каждым шагом Бесса, и сатрап издергался до того, что стал по ночам кричать во сне. Однажды он потерял терпение и призвал к себе двух преданных и смелых воинов. Невидимые в темноте, они неслышно, словно барсы, подкрались к хижине, где безмятежно спал потомок Сиавахша. Утром Бесс нашел их головы на пороге своего жилища. Он велел зарыть их и никому ничего не сказал.

Как-то раз, когда Спантамано сидел, по своей привычке, верхом на выступе башни, его внимание привлекла стайка девушек, направлявшихся по проезду стены прямо к тому месту, где находился согдиец.

Одна шла на три шага впереди, и даже издали Спантамано заметил, как она хороша собой. На ее голове, обернутой блестящим жгутом иссиня-черных кос, сверкала расшитая бисером голубая островерхая шапочка. Платье из белоснежного шелка, с длинными, узкими у плеч и расширяющимися книзу рукавами, тесно облегалось грудь и талию и ниспадало до ступней. На плечи было накинуто покрывало из ярко-синего, отливающего лазуритом и обшито золотым галуном бархата. На фиолетовых высоких башмачках вспыхивали при каждом шаге россыпи мелких жемчужин.

Когда согдийка подошла ближе, Спантамано разглядел ее лицо. Разглядел и изумился. Ее чистое, гладкое, без единого пятнышка лицо казалось бронзовым от ровного золотистого загара. Небольшой, но приятный лоб, густые брови вразлет, темные и живые, хорошо поставленные глаза, прямой, но с мягкими очертаниями нос, маленький, с немного припухлыми губами рот, нежный пушок, на верхней губе, округлый подбородок, гибкая смуглая шея, задорно выступающие груди, тонкая, туго перевязанная широким зеленым поясом талия и крутые бедра так и приковали к себе жгучий взгляд Спантамано. Девушке было лет семнадцать. Она шествовала величественно, как богиня, и гордо держала свою прекрасную голову. Ее сопровождали рабыни в просторных шароварах и коротких куртках без рукавов. Позади следовал огромный полуголый евнух с топором на плече.

- О богиня Анахита! - прошептал Спантамано пересохшими губами. Неужели ты сама сошла с неба на эту брентную землю?

Когда согдийка приблизилась, он ласково улыбнулся, вынул из-за уха красную розу и, не дав девушке опомниться, бросил ей цветок.

- Лови!

Она так растерялась, что поймала цветок и остановилась.

- Я хочу на тебе жениться, - сказал Спантамано, продолжая нежно улыбаться. - Ты согласна? Вижу по глазам, что да. Кто твой отец? Я пойду к нему сейчас же.

Поток слов, да еще таких, ошеломил согдийку. Не зная, как быть, она в испуге отступила на шаг.

- Ну, говори, кто твой отец? - настаивал Спантамано. - Я не доживу до завтра, если сейчас же не женюсь на тебе. Э! Я сам догадался, кто твой отец! Ведь ты дочь Оробы, правда?

Он ловко прыгнул с парапета, порывисто обнял согдийку, вlepил ей в благоухающие губы сочный поцелуй, шлепнул по бедру одну из побледневших от ужаса рабынь, щелкнул по носу остолбеневшего евнуха и помчался вниз.

В это время правитель Наутаки, обложившись кучей глиняных табличек, подсчитывал свои убытки и заочно ругал Бесса. Спантамано вихрем ворвался во дворец и заорал с порога:

- Ороба! Оказывается, у тебя есть прекрасная дочь. Почему ты до сих пор не показал ее мне, старый пройдоха?

Правитель вытаращил глаза и выронил из рук табличку, Она со звоном упала на медный поднос и разбилась.

- Ч-то с тобой? - пробормотал он растерянно.

- Что со мной? Разве ты не видишь, старый верблюд, что со мной? Я хочу жениться на твоей дочери. Сегодня же. Сейчас же!

- Ты с ума с-сошел! - крикнул Ороба визгливо. Лицо его побагровело от гнева. - Слышит ли т-твое ухо, о чем болтает т-твой язык? Он женится на моей д-дочери... О Охрамазда, спаси меня от этого ч-человека!

- Разве я так уж плох для твоей дочери? - Спантамано весело хлопнул Оробу по спине. Тот так и передернулся от возмущения. - Кого тебе еще надо? Где ты найдешь второго потомка Сиавахша? А? Чего ты корчишься, старый осел? - зарычал он грозно. - На колючку сел? Не выводите меня из терпения, или я тебя так двину по глупой голове, что она разлетится вдребезги! Давай, давай, скорей соглашайся. И веди себя скромно, когда с тобой говорит потомок Сиавахша.

Ороба так ошалел от этого бурного натиска, что его чуть не хватил удар.

- Потомок Сиавахша! - закричал он гневно и с отвращением сплюнул. Потомок н-навоза, вот ты кто! Ходит в рваных ш-штанах, и еще с-суется ко мне с дурными речами. Пошел п-прочь, или я велю отколотить тебя п-палками!

- Не горячись, отец, - добродушно сказал Спантамано. - До моих штанов тебе дела нет. Я хожу в рваных, ибо мне так нравится. Это не значит, что я такой уж бедняк. У меня хватит денег на покупку новых штанов. Перестань брыкаться, как бычок, и посмотри сюда.

Спантамано вынул из-за пазухи три крупных белых алмаза и бросил их на ковер перед Оробой. С того мигом слетела вся спесь. Он хотел было что-от промолвить, но поперхнулся и застыл, не отрывая взгляда от драгоценных камней. Такими алмазами не владел никто во всей Согдиане.

- Где т-ты их д-добыл? - прошептал Ороба.

- Т-тебе н-не все равно? - передразнил его потомок Сиавахша. - Важно что? Они достанутся тебе, если ты отдашь свою дочь. Этих камней хватит, чтобы купить и твой замок, и твой округ, и тебя самого. Ну, согласен?

- П-постой. - Ороба взял один из камней и провел им по сапфиру, вделанному в золотое кольцо, которое сверкало на его среднем пальце. На сапфире появилась царапина. Затем Ороба испытал два других алмаза. Они побеждали сапфир и оставляли на нем тонкую черту. Тогда

правитель Наутаки подобрал камни, бегом направился к окну и стал против солнца. Камни отсвечивали красным светом и радужным переливом. Алмазы были отборного разряда. Ороба пинком отшвырнул глиняные таблички, расстелил шелковый платок, бережно разложил на нем алмазы, лег на ковер грудью и стал любоваться драгоценными камешками, вертя головой и закрывая то левый, то правый глаз.

- У меня их много. - Спантамано усмехнулся и высыпал на ковер горсть мелких и крупных рубинов, красных, как пылающие угли; трехцветных кораллово-бело-прозрачных ониксов; темно-синих лазуритов, усеянных точками золотистого колчедана, напоминающего звезды на фоне ночного южного неба; шафранных, желтовато-алых и желтых лалов; вишнево красных гранатов и зеленых изумрудов. - Видал? Но эти я тебе не отдам. Ведь твою дочку, когда она станет моей женой, придется одевать и кормить.

Ороба не шевелился. Его состояние испугало Спантамано. Как-бы старик не рехнулся при виде этих сокровищ. Потомок Сиавахша поспешно сложил алмазы в платок. Ороба не двинул и пальцем, только его помутневшие глаза проводили исчезающие богатства взглядом, полным скорби.

- Ну ты, старый пес! - окликнул его Спантамано. - Согласен ты или нет? Если тебе не нравятся эти алмазы, я заберу их обратно и сейчас же уеду в Пенджикент. Там я кликну голодных пастухов, мы нагрянем на Наутаку и не оставим от твоей паршивой крепости камня на камне. Так или иначе твоя дочь станет моей женой. Ты слышишь меня, старый чурбан?

- А? - Ороба, наконец, очнулся. - Что ты с-сказал?

- Согласен, я тебя спрашиваю?

- На ч-что?

- О дубина! - Спантамано всплеснул руками. - Я изнываю от нетерпения, а он даже не слушает меня! Отдаешь ты мне свою дочь или нет?

- Ах, д-дочь... - Ороба окончательно взял себя в руки. - Это надо о-обсудить.

- Что?! Какие там еще обсуждения? Я хочу сейчас жениться на твоей дочери!

- Это н-надо о-обсудить, - упрямо повторил Ороба и ухватился рукой за платок.

- Чтобы на твою голову балка свалилась, - выругался Спантамано, не выпуская алмазы.

- Это н-надо о-обсудить, - настаивал Ороба, снова подвигая к себе драгоценности.

- Чтобы ты ногу сломал, дряхлый скряга, - проворчал Спантамано, опять перетянув платок на свою сторону.

- Это н-надо о-обсудить! - твердил Ороба, пуская в ход вторую руку.

- Чтобы ты ослеп, старый кабан, - прорычал Спантамано и рванул к себе платок.

- Это на... э... з-зачем о-обсуждать? - сказал Ороба, подбирая звякнувший о поднос алмаз. - Я с-согласен. Кто не с-согласится отдать свою д-дочь потомку С-сиавахша?

- А рваные штаны? - напомнил Спантамано с хитрой усмешкой.

- При чем тут ш-штаны? - рассердился Ороба, пряча за пазуху драгоценности. - В рваных д-даже лучше. Ветер п-продувает, удобно, п-прохладно...

Оба от души расхохотались и хлопнули по рукам. Вечером, неожиданно для всех, во дворце Оробы закипел свадебный пир. После пира дочь Оробы трепетала в знойных объятиях Спантамано. Утром он заснул. Она лежала возле него и с изумлением глядела на человека, которого в полдень увидела впервые в жизни, а к вечеру стала его женой. Он был чужой, потому что она не успела его узнать. И он был уже свой, потому что она ему принадлежала. Ее томили противоречивые чувства. То ей хотелось от него бежать. То в гуди загорался огонек, и руки сами тянулись к его щекам. Счастливая и несчастная, уставшая от бурных ласк, она стала дремать, когда этот страшный человек вдруг проснулся и сказал:

- Постой, как же тебя зовут? Я и забыл вчера спросить.

Дочь Оробы звали Зарой. Она была свежа, как утро, и таинственна, как ночь. Даря ласки Спантамано, признавая его своим властителем, она в глубине своей несла два чувства, пробудившиеся в ней в первый брачный вечер.

Она много слышала о потомке Сиавахша и представляла его гордым великаном, излучающим яркое сияние. Но Спантамано оказался другим человеком. Правда, он тоже необыкновенен - чего стоят одни его удивительные повадки! Однако живой потомок Сиавахша вовсе не соответствовал образу, который она, еще не видя самого Спантамано, создала в своем воображении. Она не могла его постичь.

- Я думала ты не такой, - сказала мужу Зара.

- Да? - Он поднял глаза, и взгляд их был сумрачен. - Ты предполагала, что у меня на лбу растут рога?

Она не нашлась, что ответить, и промолчала. Кто знает, к чему привела бы двойственность ее чувств, если бы сам Спантамано не нашел для них нужного исхода. Он повернул голову жены к себе и долго смотрел в глубину ее темных очей.

- У тебя тут неверные мысли, - проворчал он, коснувшись ее лба. Нехорошо. Вот это примирит тебя со мной.

Потомок Сиавахша выложил перед супругой горсть сверкающих камней и, не прибавив ни слова, исчез из дворца. Она была сражена.

Зара не знала, что Спантамано так баснословно богат! Три дня назад девушка глубоко изумилась, когда скупой и расчетливый отец согласился отдать ее замуж за полунищего владельца Пенджикента. Она решила, что Ороба сделал этот шаг из какого-то неизвестного ей соображения, связанного, должно быть, с появлением Бесса в Наутаке. Ведь Спантамано считался другом сатрапа.

Она сетовала на опрометчивый поступок отца. При одной мысли о том, что ей придется до конца своих дней жить в пустом и холодном замке Пенджикента, ее бросало в дрожь. Но отец, выходит, знал, что делал? Девушка выросла в среде, где богатство значило все, где самым достойным признавался человек с тугой денежной суммой и самым негодным - бедный. Ум тут в расчет не принимался. Верней, умным считался тот, кто сумел достичь благополучия. И зара хорошо знала цену небрежно рассыпанным перед нею холодным блестящим камешкам. Они символизировали жарко пылающий очаг, набитые до порога амбары, дорогие наряды, славу, вызывающую зависть всех, и место первой женщины в Согдиане.

Все сомнения и колебания Зары улетучились. Она в экстазе лежала на разбросанных подушках и любовно перебирала рубины, изумруды и сапфиры, когда явился Ороба. Он молча сел на корточки. Их пальцы встретились в куче камешков, и трудно было бы сказать, чью дрожат больше.

- Где он? - хрипло спросил Ороба, прервав торжественное молчание. Она долго не отвечала, затем произнесла томным голосом, будто сейчас только проснулась и в голове ее витали еще обрывки чудесного сна:

- Кто?

ИСКЕНДЕР ИЛИ БЕСС?

*- Близок решительный час, - сказала
Хариклия, - и ныне держит на весах нашу
жизнь Мойра...
Гелиод, "Эфиопика"*

Спантамано вышел из дворца неторопливым, ленивым шагом человека, которому не о чем беспокоиться. Он собирался побродить по крепостной стене, подышать свежим воздухом и вернуться к Заре.

Но перед ним вдруг появился Вахшунварта. Он был чем-то озабочен. Спантамано, блаженно улыбаясь, подмигнул ему, словно бы говоря: "Вот что произошло. Как тебе это нравится?" Вахшунварта с опаской оглянулся и сухо сказал:

- Напрасно ты затеял сейчас развлечения.

- Что-нибудь случилось? - мягко спросил Спантамано. Он сиял, подобно час назад отчеканенной монете.

- Пока ты возился с дочерью Оробы, наш друг Бесс объявил себя царем Артахшатрой Четвертым и надел золотую тиару, - угрюмо сообщил бактриец.

- А?.. - Спантамано пошатнулся, будто его ударили в грудь, и еле удержался на ногах. - Почему ты молчал до сих пор, отец? - произнес он одними губами.

- Трижды посылал к тебе людей, но ты никого к себе не пускал.

Спантамано закрыл глаза и стоял так некоторое время, потом вздохнул, провел узкой ладонью по лицу и задумчиво поглядел на Вахшунварту. Бактриец поразился воле, с какой этот удивительный человек переломил себя.

- Ладно, процедил согдиец сквозь зубы. - Там будет видно.

Он отвернулся от потрясенного бактрийца и медленно, спокойно, будто ничего не случилось, направился обратно во дворец. "Бессу пришел конец", пробормотал Вахшунварта. Старик снова огляделся по сторонам и проворно скрылся за углом.

Потомок Сиавахша, заложив руки за спину, не спеша последовал к жене. Увидев его, Зара быстро подобрала ноги, опустила голову и смущенно улыбнулась. Теплый блеск агатов, подаренных мужем, передался, казалось, ее темным глазам, а на губах играл отсвет красных лалов. Спантамано наклонился к ней, молча погладил черные ароматные волосы и поплелся через широкую открытую дверь на террасу.

Здесь он растянулся на ковре, оперся подбородком о поставленные один на другой кулаки и переливчато засвистел. Женщина следила за ним с удивлением. Чем он недоволен? Подарки, полученные ею, обязывали к заботливому отношению к супругу. Зара много раз выходила на террасу и спрашивала, не хочет ли он есть.

- Потом, - отвечал он кратко.

Она решила, что надо его приласкать. Но долго колебалась, так как ее одолевало смущение. Наконец, пересилив себя, она опустилась возле него и неумело обняла за плечи.

- Потом, - сказал он, мягко отстранив жену. Она ушла, едва не плача от унижения. Так Спантамано лежал на террасе до вечера и все свистел и свистел без конца, и никто бы не сказал, о чем он думает. Когда стемнело, Зара снова подошла к нему и несмело предложила лечь спать.

- Потом, - пробормотал Спантамано. - Принеси-ка лучше крепкого вина.

Говорят, крепкое вино или дым от горящих семян дикой конопли успокаивают сердце, томящееся от горя. Что, если попробовать?

Зара принесла кувшин с вином и сама наполнила чашу. Спантамано отпил глоток, затем снова засвистел. Этот свист надоел Заре до тошноты. Она пожала плечами и удалилась. Да, дочь Оробы не могла постичь своего супруга. В ней опять пробудилось чувство отчуждения.

Но она не должна была, не имела права давать этому чувству волю, того требовали камни, спрятанные в дорогой шкатулке. И в то же время, помимо всего другого, Зару просто тянуло к человеку, лежащему на террасе. Томимая разноречивыми мыслями, она забылась.

Согдиец не знал, как ему быть. Он казался себе человеком, который, изо всех сил убегая от преследовавших его голодных гиен, натолкнулся на мчащегося прямо навстречу ему свирепого

тигра.

Персы или юнаны? Спантамано не хотел ни тех, ни других. Он сам стремился к власти над Согдианой. Он мечтал о царском престоле, по праву принадлежащем ему, потомку Сиавахша. Да, он желал сам править своей страной! Но богам было угодно сделать так, чтобы Спантамано приходилось выбирать меж двух грозных сил. О дайв! Такая путаница в делах, что в ней не разобрался бы даже старый пройдоха Анхраман, бог зла, мрака и лукавства.

Стать на сторону Бесса? Бесс объявил себя повелителем Востока. Новому царю нужен верный человек, на которого можно опираться в Согдиане. Он назначит Спантамано сатрапом этой страны. Заманчиво! Но... тогда Спантамано только наполовину делается повелителем своей родины, а он хотел видеть себя ее полным хозяином! Кроме того, долго ли продержится на троне этот новоявленный Артахшатра? Если перед Искендером не устоял сам Дариавуш, то Бесс не устоит и подавно. Рано или поздно его сметут с лица земли, а вместе с ним исчезнет, как дым, и потомок Сиавахша. Значит, присоединяться к Бессу нет смысла.

Итак, не персы, а юнаны. Перейти на сторону Искендера? Но кто знает его желания? Намерен ли он, истребив остатки персидских войск, навсегда уйти обратно? Или царь юнанов, подобно Гахаманидам, поставит в Мараканде и других городах отряды своих солдат? Что будет тогда? Искендер, конечно, назначит Спантамано правителем Согдианы. И опять Спантамано окажется лишь наполовину хозяином государства.

Круг замыкался. Честолюбивого согдийца бесило сознание того, что он не может распорядиться страной отцов по своему усмотрению. И это возбуждало в нем лютую ненависть и к персам, и к македонцам.

Так он и не придумал ничего. Другой на его месте, озлобленный собственными бесплодными раздумьями, совершил бы опрометчивый шаг. Но Спантамано, обладая бездной мелких слабостей, становился твердым и холодным, как его бронзовый нож, когда дело касалось главного. Он пересилил в себе нетерпение, желание сейчас же действовать: вихрь чувств, что бушевал у него в груди, нашел исход в безобидной песенке:

Горшок измучила тоска,
Разбился он на три куска.

Спантамано решил ждать. Настанет час, когда события сами покажут, как быть. И когда этот час наступит, все увидят, на что способен Спантамано. Придя к такому выводу, согдиец допил вино (оказывается, помогает от горя, проклятье твоему отцу!) и завалился спать возле красивой жены, к которой искренне привязался с первого же взгляда.

Не одного Спантамано одолевали в эту ночь невеселые мысли. Ждал поворота событий Вахшунварта. Он так же, как и Спантамано, не хотел ни персов, ни македонцев. Но если молодой и горячий согдиец готовился к схваткам, намереваясь принять в них самое живое участие, то старый и осторожный бактриец заботился лишь о том, чтобы уберечь себя, своих родичей и свои богатства как от персов, так и от юнанов. Ему вспомнилась скала Шаш-и-Михра на востоке, у горного озера. На вершине скалы один из владетелей, преданных Вахшунварте, построил неприступную крепость. Вахшунварта надумал укрыться вместе с домочадцами в этой крепости и дожидаться там лучших времен.

Что касается Бесса, то он всю ночь слонялся по комнате, не находя себе места. У него на плечах неглупая голова. Под рукой войско. Но нет смелости, чтобы выступить против Искендера.

Долго не спал и Ороба. Мысли владетеля Наутаки отличались простотой. Он готовился примкнуть к тому, кто победит.

Так четверо столь разных людей встретили начало того дня, который решил судьбу одного из них, остальных же, наконец, заставил действовать.

Раньше этих двух бактрийцев не видели в Наутаке. Тогда без расспросов бы не обошлось, но теперь в городе кишели толпы чужих людей, явившихся из Бактрианы, и на подозрительных торговцев никто не обратил внимания.

Они молча слонялись по рынку, не собираясь ничего покупать или продавать. Один из них был высок, сух, носат и волосат; другой приземист, лыс и толст. Они, кажется, искали кого-то и негромко переговаривались между собой на языке, который не разобрал бы никакой бактриец. Они только глядели и никого ни о чем не спрашивали.

Обойдя базар, необычные купцы забрели в харчевню и присели в темном уголке, чтобы не привлекать к себе внимание присутствующих. В харчевне, как и везде, где собирается больше десяти человек, стоял шум. Крестьяне из окрестных селений, мелкие торговцы и ремесленники толковали о своих делах.

- Ни к чему не приступишься, все дорого.
- Еще бы. Товаров мало, все персы забрали.
- И когда мы от них избавимся?
- Скоро уже. Вот Явится Искендер и тогда...
- Думаете, будет лучше, если Искендер явится? Что перс, что юнан все равно чужой.
- Не надо бы ни персов, ни юнанов.
- Это верно, да не получается так.
- А может, получится?

У входа пожилой воин из согдийцев рассказывал разинувшим рты селянам о битве при Гавгамелах.

- Выходит, вы сражались хорошо? - сказал, вмешиваясь в разговор, какой-то худой человек, судя по черным рукам - кузнец.

- А как же! - гордо ответил воин. - Уж мы показали этим негодным юнанам.

- То-то они бежали за вами до самой Бактры, - заметил кузнец ехидно.

Воин побагровел от стыда.

- Ну, ты, - заворчал он грозно. - Не твоего ума это дело.

- Конечно, не моего, - согласился мастер. - Почему не бежать, если хочется бежать? Свет велик. Можно удирать до тех пор, пока не достигнешь края земли. Говорят, Искендер скоро придет сюда. Куда вы теперь направитесь, доблестные воители? На север, где вечно лежит снег? Или на восток, в страну узкоглазых? Или на юг, к индийцам?

Селяне расхохотались. Воин смутился и разжал кулак.

- Никуда не направимся, - сказал он угрюмо. - Мы ушли из Ирана, потому что не хотели защищать персов. Тут же наша земля, и если юнаны пойдут на нас войной, мы постоим за себя, так и знай. Пусть только Спантамано прикажет.

- А, ты из отряда Спантамано? - спросил кузнец с любопытством, в котором сквозило уважение. При этих словах бактрийские купцы переглянулись.

- Да, - ответил воин. - Ладно, прощайте, мне пора в крепость.

Он вышел. Оба торговца незаметно выскользнули следом. Высокий нагнал согдийца и тронул его за руку. Воин оглянулся.

- Добрый человек, - сказал купец. - Я друг Спантамано. Но здесь я никому не знаком, поэтому мне трудно попасть в замок. Не снесешь ли ты Спантамано вот это письмо? Из него он узнает, что я приехал, и примет меня. Умоляю тебя, сделай это если не ради меня, то ради Спантамано, твоего предводителя! Я торговец. Глупые люди утверждают, будто торговцы скупы. Но я докажу тебе, что это не так.

И бактриец вручил воину золотую монету.

- Для друга Спантамано я готов на все! - воскликнул обрадованный воин, пряча за пазухой

монету и тугой свиток, зашитый в узкий шерстяной мешочек. - Где тебя найти, если господин сатрап пошлет за тобой.

- В харчевне, из которой ты вышел сейчас.

Когда воин удалился, один бактриец сказал другому на греческом языке:

- Или Спитамен согласится...

- Или отрубят нам головы, - добавил его товарищ.

Согдиец честно доставил послание Спантамано. Тот удивился и подробно расспросил воина о "друге". Затем отослал его, вскрыл мешочек и развернул свиток из папируса. Письмо было написано по-персидски. Первые же слова послания повергли Спантамано в изумление.

"Искендер Зулькарнейн шлет привет потомку великого Сиавахша, прочитал Спантамано, не веря своим глазам. - Радуйся! Я много слышал о твоих достоинствах считаю тебя благороднейшим из мужей Согдианы. Вот почему я обращаюсь к тебе, а не к другим вельможам твоей благословенной страны. Слушай же то, что тебе говорит сын бога Аммона..."

Спантамано отер широким рукавом вспотевший лоб и продолжал читать:

"...Забота о благе моего народа заставила меня покинуть страну отцов и повела по дороге войны против Дариавуша. Тебе известно, сколько притеснений чинили персы юнанам, как надругались они над храмами наших богов. Пока существует корень Гахаманидов, народы мира не могут жить спокойно. Боги повелевают мне истребить этот проклятый род и водворить повсюду радость и благополучие. Я разметал полчища иранцев, как ветер золу, и освободил множество племен от персидского ига. Но враг еще не растоптан. Братоубийца сатрап Бесс жив и скрывается в Наутаке..."

Потомок Сиавахша поднялся, трясущимися руками наполнил кубок, опорожнил его тремя глотками и снова склонился над свитком.

"...Я узнал, что Бесс опирается на тебя, и скорби моей нет предела. Разве Бесс не враг и тебе, о потомок Сиавахша? Разве Гахаманиды не отняли престол Согдианы у твоих отцов? Почему же ты пригрел на своей груди ядовитую змею, которая рано или поздно тебя ужалит? Неужели ты хочешь выступать вместе с кровожадным Бессом против того, кто идет к тебе с братской улыбкой на устах? Неужели ты не поможешь мне пресечь козни мерзкого человека, которого мы ненавидим оба? Воины мои утомлены бесконечным походом. Я давно вернулся бы в свою страну, если бы злой Бесс не угрожал мне мечом за моей спиной. В сердце моем нет ненависти, в голове нет дурных мыслей против согдийцев. Наказав Бесса, я уйду обратно, так как меня зовет очаг родного дома. И Согдиане станет твоей. Подумай над этими словами, мой брат Спантамано..."

Согдиец выронил свиток и оцепенел. Затем порывисто вскочил с места и побежал к выходу. Но у порога спохватился, остыл и неверным шагом возвратился в зал. Не кроется ли подвох в речах Искендера? Нет, разве сын бога Аммона осквернит свои уста ложью? А почему бы нет? Разве не пропитано ложью все вокруг?

Спантамано, боясь сделать неверный шаг, призвал Датафарна, Оробу, Вахшунварту и Хориена, знатного согдийца, такого же осторожного человека, как и старый бактриец. Послание Искендера их тоже поразило и заставило задуматься. Всех беспокоило одно: не таится ли в письме Зулькарнейна обман? Быть может, он замыслил расколоть объединенные силы персов, согдийцев и бактрийцев, а потом разгромить их по одиночке?

- Любое решение опасно, - пробормотал Вахшунварта. - Я не знаю, что делать.

- Я тоже, - присоединился к нему Хориен.

- Но выбирать все-таки надо! - воскликнул Ороба. - И поскольку это так, неужели мы окажемся дураками и станем на сторону слабейшего? К дайву Бесса! Оробе неплохо жилось при персах. Я думаю, при юнанах будет не хуже. Хватайте Бесса - и делу конец!

- Ороба прав, - тихо сказал Датафарн. - Свяжите Бесса и отдайте Искендеру. Одной собакой станет меньше.

Спантамано быстро повернул голову и бросил на Датафарна удивленный взгляд.

"Ага, братец! - усмехнулся он про себя. - Ты, оказывается, зубаст. Мы с тобой еще поживем на белом свете, я вижу".

- Так что же вы советуете, Вахшунварта и Хориен? - сердито спросил потомок Сиавахша.

- Решай сам, - промямлил Вахшунварта, пряча глаза.

- Сам решай, - повторил Хориен.

- Шакалы! - не сдержался владетель Пенджикента. - Я решу, а потом вы камнями забросаете меня, если выйдет неудача. Не так ли?

Они промолчали. В это время у входа во дворец послышался шум. "Спантамано! Спантамано!" - кричала толпа. Появились испуганные телохранители. Один из них сообщил, что тысяча или две горожан, вооруженных дубинами и топорами, оттеснили от ворот стражу и ворвались в замок. Они хотят видеть Спантамано.

- Зачем? - спросил пенджикентец.

- Не знаю.

- Спантамано! Спантамано! - ревела толпа.

Тот, кого она призывала, проворно вскочил на ноги и быстро вышел на террасу, бледный, злой, готовый ко всему.

Как только он появился, толпа мгновенно стихла. Лишь над скопищем черноволосых, светлых и седых голов колыхались, стучаясь и звеня друг о друга, дубины, пики и секиры.

- Я здесь! - крикнул Спантамано звонко. - Чего вы от меня хотите?

- Защити от персов! - опять загремела толпа.

- Что там произошло такое?

- Притесняют!

- Обирают!

- Женщин похищают!

- Крадут детей!

- Отнимают скот!

- Почему вы обращаетесь ко мне? - сердито заорал потомок Сиавахша. У вас есть свой правитель, - Спантамано ткнул в появившегося сбоку Оробу, - пусть он и спасает вас от грабителей. Разве у меня мало своих дел, чтобы я тут еще с вами возился?

Его слова смутили и, видимо, обидели этих людей. По толпе пошел недобрый гул. Вперед выступил загорелый до черноты старик с распахнутой на волосатой груди рубахой.

- Нет, Спантамано! - сказал он громко. - Только ты можешь защитить нас от персов.

- Почему я? Что это взбрело в твою пустую голову, старый ты чурбан?

Резкость Спантамано несколько не смутила наутакца. Он спокойно глядел прямо в глаза молодого военачальника.

- Ты обязан защитить нас, Спантамано, - проговорил он твердо.

- Обязан? - Наглость старика вывела Спантамано из себя. - Разве ты пенджикентец, чтобы я из-за тебя лез из кожи, будь ты проклят? Мне мои пенджикентцы не дают покоя, чтоб им провалиться вместе с вами, а тут еще вы пристаёте!

- Да, ты обязан, - проговорил старик упрямо. - И мы не просим тебя, мы требуем, чтобы ты защитил нас от воинов Бесса!

- Требуете? - Спантамано расхохотался. - Ну, Ороба, тебе пришел конец. Твой народ, как я вижу, поголовно лишился разума. Отчего же вы, добрые люди, требуете защиты у меня, а не у своего князя?

- Потому, что ты потомок Сиаваша! - гневно загремел старик. Потому, что ты из древнего рода царей Согдианы! Потому, что мои отцы кормили твоих отцов! Потому, что в каждой капле твоей крови - сок гранатов, выращенных нашими предками! Потому, что народ верит тебе одному! Ты сказал, что ты пенджикентец? Нет! Ты не пенджикентец, не бахарец, не маракандец, не наутакец - ты согдиец! Ты обязан нам, как и мы обязаны тебе. У тебя нет своих дел, есть наши дела. Понял ты меня?

Усмешка на губах Спантамано погасла. Удивленный словами наутака, он подался вперед и впился острым взглядом в обветренные лица. До сих пор он думал всегда о себе и никогда не думал об этих людях. Он полагал, что родство с божественным Сиавашем - честь, но, оказывается, оно налагает на него и какие-то обязанности.

- Спантамано слушает вас! - крикнул он голосом, дрожащим, как тетива. - Говорите!

Седой наутакец схватил за руку какую-то женщину, подвел ее к ногам Спантамано, сорвал с нее грубое покрывало, поклонился и отступил на шаг.

Первое, что увидел Спантамано, - это две кровавые раны вместо грудей. Ни растрепанных черных волос, ни огромных глаз, ни красивого, но изможденного лица, ни синяков на тонких руках, ни царапин и ссадин на животе и голых бедрах - ничего не видел Спантамано, - только две круглые алые раны зияли перед ним, точно две половины разрезанного граната.

- Это жена моего сына Баро! - зарыдал старик. - Четыре дня назад она пошла за водой и не вернулась. Сосед увидел, как ее схватили персы. Баро припал к ногам Бесса. И Бесс ответил Баро: "Не будь таким скаредным. Ты тешился этой женщиной три года, пусть же мои воины наслаждаются ею три дня". Сегодня утром она сама явилась домой. Они отрезали ей груди ради забавы. Люди, плачьте! Богиня плодородия Анахита обесчещена. Источник жизни иссяк. Не окропится земля священным материнским молоком. Наступят засуха, мор и оскудение.

Старик, причитая, упал на колени. И сотни людей, причитая, упали на колени, ибо персы, отрезав женщине груди, осквернили в ней материнское начало, образ богини Анахиты, дающей жизнь всему существу.

У Спантамано закружилась голова. И он сам не заметил, как бросил в толпу два слова, которые, точно камни, вызывающие снежную лавину, разом сдвинули с места густое скопище охваченных яростью людей.

- Бейте персов!!!

Толпа дахов, мирно сидевших на корточках у стены, разом поднялась; зловеще сверкнула бронза сотен мечей. Вся Наутака взялась за оружие. Дахам Спантамано и горожанам не удалось бы врозь одолеть многочисленных воинов Бесса. Но вместе они составили грозную силу. Иранцев убивали внутри замка, на рыночной площади, гонялись за ними по улицам, настигали в домах. Они сначала отчаянно оборонялись. Но видя, что им не сладить с толпами согдийцев, объятых жаждой кровопролития, персы, отряд за отрядом, бежали из Наутаки и потянулись к горному перевалу, чтобы укрыться в Мараканде.

Когда вспыхнул мятеж, Бесс отдыхал. Его разбудили вопли телохранителей. Сатрап выглянул в окно и сразу обо всем догадался. Он бросился внутренними переходами дворца к Хориену.

- Защити меня, Хориен! - кричал он, колотя ногами врезную дверь. Но Хориен не отвечал, а голоса согдийцев, разыскивающих сатрапа, приближались.

Бесс юркнул за угол и мигом домчался до покоев Оробы. Сердце его гулко стучало, точно боевой барабан, в голове шумело, он не понимал, что случилось. Сознание перса остро пронизала одна мысль - мысль о смерти, он чувствовал свой конец и в то же время не верил, не хотел верить в то, что умрет. Он цеплялся за жизнь, как цепляется когтями за гладкие каменные стены кошка, сброшенная с крыши.

- Ороба, спаси меня! - бушевал он перед замкнутой решеткой входа. Но владелец Наутаки, показавшись на мгновение, завизжал: "Чтоб ты пропал! Стану я тебя спасать. Сколько моих овец сожрал, бездонная утроба!" Он тут же скрылся. Неудачливый Артахшатра Четвертый, чье владычество над Востоком длилось так недолго, метнулся в сторону и вломился в жилище Вахшунварты. Бактриец сидел на возвышении, окруженный телохранителями.

- Брат мой! - Бесс повалился к его ногам. - Укрой меня! Проклятый Спантамано добрался-таки до моей головы. Почему я шадил его до сих пор? О, если бы я знал! Гнусная змея, предатель, он поднимет руку на своего покровителя! Как мы не разгадали его раньше? Охрамазда, помоги мне! Укрой меня, Вахшунварта! Неужели тебе не жалко Бесса?

- Не жалко, - глухо сказал жрец. - Ты заслужил наказание. Не обвиняй Спантамано в предательстве. Не сам ли ты в этом виноват? Двести лет назад, до прихода Гахаманидов, народ Согдианы был прост, честен и прямодушен. Не вы ли растлили его, отравили ядом лжи, клеветы и коварства? Ты называешь Спантамано гнусной змеей? Но не у вас ли, Гахаманидов, лукавых и кровожадных людей, научился Спантамано хитрости? Вы сами согрели его на своей груди, так плачьте теперь, когда он вонзает в ваши тела свои острые зубы, пропитанные ядом, полученным от вас же!

- И ты на его стороне? - Бесс поднялся и кинулся на Вахшунварту, но телохранители оттолкнули его ногами. В зал ворвался Спантамано. За ним теснилась его дружина.

- Вот он где! - прозвенел голос потомка Сиавахша. - Хватайте его!

Бесс повернулся, выдернул из-за пояса нож и ринулся на согдийца, точно буйвол. Казалось, он одним взмахом уничтожит Спантамано. Но проворный согдиец мягко, словно леопард, отпрыгнул в сторону, изогнулся и ловким ударом длинного кинжала выбил нож из руки Бесса. Воины скрутили сатрапа и поволокли прочь.

Вечером к Спантамано явился наутакец огромного роста. Одежда его состояла только из ободранных кожаных шаровар. Спутанные волосы падали на угрюмые глаза. В едва пробившихся усах поблескивали капли пота. Толстые губы он плотно сжал, мускулистые руки заложил за могучую спину.

- Меня зовут Баро, - прогудел он мрачно. Это был муж той женщины, над которой надругались персы.

- Брат, я слушаю тебя, - сказал Спантамано мягко.

- Сердце мое охладело ко всему на свете, - скорбно прошептал Баро. Я люблю мою жену. Но при виде ее оскверненного тела мне хочется вонзить в него нож, хотя бедняжка не виновата. Лучше мне уйти из Наутаки. Возьми меня к себе. Ты отомстил Бессу за меня. Отныне если ты жив - я жив, твой конец - мой конец.

- Я беру тебя к себе, Баро.

Слово Клитарха.

"Выйдя из Бактры, мы достигли Окса. Река эта большая и глубокая, шириной около двух тысяч шагов, течение в ней быстрое. Леса для постройки моста поблизости не оказалось, поэтому нам пришлось сшить из кож огромные мешки и набить их соломой и сухой виноградной лозой. Мешки связали вместе по десяти, покрыли тростником и на этих плотках перевезли на правый берег Окса людей, лошадей и обоз. Переправа заняла пять дней. Итак, ты на согдийской земле."

- Да, Александр, Фарнух и Дракил достойны высоких наград. После того как они, переодевшись бактрийскими купцами, поехали в Наутаку и вручили твое послание Спитамену, он разогнал персов и связал Бесса.

- Спитамен поверил мне? Я думал, он умней. Что же было дальше?

- Спитамен сказал Фарнуху Дракилу, что сам выдаст мне Бесса. Но когда мы достигли

селения, где он назначил место встречи, его там не оказалось. Он оставил Бесса под охраной жителей, сам же со своим отрядом исчез.

- Исчез? Куда он девался?

- Селяне говорят: Спитамен ждет тебя в Мараканде.

- Ага! Значит, он готовит, как это водится у варваров, пышную встречу. Хорошо. Пусть согдийцы славят нас как освободителей от ига персов. И если потом что-нибудь случится, кто скажет хоть одно слово против своих освободителей? Не так ли, Птолемайос?

- Так.

- Но где же Бесс?

- Он ждет у входа.

- О! Веди его сюда. Ага! Вот он какой. Это тот самый Бесс, который убил Дария? Как же ты осмелился поднять руку на царя? Знаешь ли ты, что царя может судить или казнить только царь царей, как я? Ты совершил великое преступление и будешь строго наказан. Уведите его и держите под стражей. Птолемайос! Сделай благородного Дракила начальником снабжения гетайров. Фердикка! Зови трубачей. Поход! Нас ждет Мараканда.

КНИГА ВТОРАЯ. ДОЛИНА СТРАХА

ГОРОД ДВУГЛАВЫХ ПТИЦ

*Второй обителью благополучия, которую сотворил я, Охрамазда, была Согдо, богатая людьми и стадами.
"Зенд-Авеста"*

Как не уговаривал Спантамано осторожного Вахшунварту, тот не захотел идти с ним в Мараканду. Посулив потомку Сиавахша успехов и тепло с ним распрощавшись, жрец отбыл на восток к скале Шиш-и-Михра. Часть бактрийцев изъявила желание остаться у Спантамано. Вахшунварта против этого не возражал.

Лето было в разгаре. По ночам ярко горел Сириус. Уже через три часа после восхода солнца воздух наполнялся тяжелым, гнетущим зноем. Поэтому Спантамано выехал из Наутаки на рассвете, чтобы добраться до перевала, пока над предгорьями висела прохлада.

Зару он поместил в позолоченную крытую повозку с тонкими шелковыми занавесками. Колесницу увлекали за собой сытые, статные кони. За нею следовала густая толпа рабынь и свирепых евнухов. Ритмично рокотал бубен, радостно заливались зурны, звонко звучали чистые голоса певиц. В такт мерным ударам бубна весело стучали копыта лошадей. Скачущие мимо воины приветствовали супругу предводителя долгим, пронзительными криками.

Зара с детства привыкла к почету; до появления Спантамано ей казалось, будто выше тех высот, на которые она взлетела, оттолкнувшись от отцовских плеч, и быть не может. Но блеск минувших дней потускнел, побледнел, растворился и улетучился перед той сверкающей, звенящей, наполненной благоуханием роскошью, которая окружала ее теперь. Она стала первой женщиной в Согдиане! Отныне для Зары не было на свете человека прекрасней и ближе Спантамано.

Если чувства Зары напоминали гул теплых, бурных и неудержимых вод, стремящихся с гор, то переживания Оробы представляли собой шум глубокой и широкой реки, плавно и горделиво текущей по равнине. Он твердо уверовал в то, что Спантамано станет сатрапом Согдианы и мысленно возносил хвалу доброму богу Охрамазде за благодеяния, ниспосланные им Оробе.

Не без труда перевалив через горы, потомок Сиавахша отправил Зару, Оробу и все свое войско в Мараканду, сам же, захватив Баро, Варахрана и три десятка телохранителей, свернул направо, к Юнану. В этом городке обитало пять тысяч греков из Милета, переселившихся в Согдиану еще при царе Ксерксе.

Городок стоял на склоне гор, по обе стороны скудной речушки, и был обнесен высокой глинобитной стеной. Над стеной поднимались кроны платанов и лохов, сливающихся издали в неровные зеленые пятна и четко выделяющихся на фоне домов, оград и откосов однообразного цвета бледной охры.

По каменистой дороге стучали колеса повозок, принадлежащих знатным согдийцам - по их заказам греки ковали хорошие железные мечи, делали медные панцири, изготавливали красивые вазы и амфоры, вытесывали из газганского мрамора фигуры богов и людей. Среди народа, толпящегося у ворот, попадались и торговцы, приехавшие, чтобы купить изделия греков и продать их в других городах Согдианы, и туземные мастера, которым хотелось посмотреть, как работают эллины.

Солдаты в эллинских гребенчатых шлемах и медных панцирях, но в узких согдийских штанах и закрытой кожаной обуви, придирчиво расспрашивали Спантамано на согдийском языке, что он за человек, откуда явился, зачем сюда приехал.

- Какого дайва! - вскипел Спантамано. - Я вижу, ты ослеп, Лисимах. Не узнаешь меня?

Послышались восклицания:

- О! Спитамен?!

- Живой?!

- Откуда ты?

- Прости, господин састар, не узнали тебя. Ты к Палланту?

- Да, - ответил потомок Сиавахша. - Как он - здоров, благополучен?

- Конечно! Что ему сделается.

Прежде Спантамано бывал здесь не раз. Греки хорошо знали его, поэтому дружелюбно отворили ворота и пропустили гостя внутрь.

Спутники молодого военачальника не скрывали удивления, когда встречали на узкой улице нагих, крепких малышей, стройных стариков и старух, набросивших на плечи и обернувших вокруг бедер широкие многоскладчатые хламиды, голоногих, в коротких туниках, девушек со смело открытыми смуглыми грудями и рослых плечистых мужчин, напоминающих изваяния, которые они отливали из бронзы.

Городок являлся как бы малым уголком далекой Эллады. Тут были акрополис - крепость, что возвышалась на холме, храм Афины, крохотный театр, школа с бюстом Аполлона у входа, рынок, ряды мастерских, бассейны, водопровод и кладбище. Но в то же время эта крошечная "Эллада" неразрывно срослась с окружающей ее средой. За сто пятьдесят лет жизни на новой земле эллины утратили много своеобразных черт. Они слепили глинобитные хижины, крытые тростником, стали носить длинные штаны и любили мясо, по-азиатски зажаренное на вертелах. Их язык воспринял немало местных слов; на представлениях в театре нередко звучала согдийская зурна.

- Спитамену привет! - то и дело восклицали греки.

- Привет и вам, - добродушно отвечал Спантамано. - Дома ли Паллант?

- Дома.

- Кто этот Баланд? - спросил Баро.

- Баланд? - Спантамано весело рассмеялся. Созвучное греческому имени согдийское слово "баланд" означало "высокий". - Да, он заслуживает это имя. Хотя ростом он ниже меня, умом высок. Паллант - первый мудрец здешних греков и мой друг.

Раб из племени заречных саков, купленный Паллантом на базаре Мараканды, узнав Спантамано, поднял катаракту - падающую сверху железную решетку, которой запирают вход в греческих домах, и провел гостей во двор. Паллант - маленький человек лет сорока, с умным белым лицом, чернобровый, с коротко остриженными вьющимися волосами, выбежал из дома, крепко обнял Спантамано и приветливо кивнул его спутникам. Заметив Варахрана, он удивился и обрадовался:

- Как, и ты здесь, Варахран? Тебя же угнали персы!

- Спантамано спас меня, - ответил чеканщик Варахран, тоже довольный, что увидел друга своего отца; прежде, до войны, Паллант часто заходил в их мастерскую на рынке Мараканды.

- Ты, наверно, не ждал меня? - Спантамано дружески похлопал грека по плечу. - Думал, я пропал на войне?

- Разве Спитамен пропадает? - убежденно сказал Паллант. - Я верил, что ты вернешься, и не ошибся. Но ты сильно изменился, друг. Что заботит тебя?

- Сейчас расскажу. За этим и приехал. Но сначала дай мне и моим воинам кислого молока, разбавленного холодной водой. Мы умираем от жажды.

Через некоторое время, поев сыру и выпив молока, они сидели вдвоем под развесистой яблоней.

- Раскрой шире свои уши, Паллант, и слушай меня, как волк слушает голос гор, - угрюмо сказал Спантамано. Он устало потер ладонью высокий лоб и вздохнул. - С тех пор как я увидел тебя и подружился с тобой, Паллант, прошло вот уже десять лет. И за десять лет я не помню ни одного случая, за который можно было бы упрекнуть тебя и твоих сородичей, живущих в этом городе. Ваши законы справедливы. Ваши поступки достойны похвал. Вы удивительно трудолюбивый, умелый и мудрый народ. Боги наградили вас великими знаниями.

Я из всех согдийцев, как говорится, самый "сырой", коренной, твердый согдиец, и мне дороже всего наше, согдийское. Но я не слеп и не глуп, я признаю и принимаю все, что есть хорошего у других народов. Если кочевые массагеты стреляют из луков лучше, чем согдийцы, я откровенно говорю: "Они стреляют лучше нас". Если песни хорезмийцев красивей наших, я смело говорю: "Да у них песни красивей". И любой согдиец, если у него на плечах голова, а не тыква, согласится со мной, ибо то, что я утверждаю, - это сама истина. Только дурак, никчемный чурбан, который не видит дальше своего носа, станет утверждать, что медный нож крепче железного или глинобитная хижина долговечней каменного дома.

И я прямо говорю - вы, юнаны, выше нас по мастерству и знаниям. Наши гончары, кузнецы, каменотесы, оружейники, ювелиры и люди, расписывающие стены дворцов, и те, кто изготавливает идолов, многому научились у ваших гончаров, кузнецов, строителей и ваятелей, и от этого сосуды, мечи, монеты, которые теперь изготавливают согдийцы, стали не хуже, а лучше.

Может быть, и вы чему-нибудь научились у нас. Например, ловко сидеть на коне, носить удобную для верховой езды одежду, метко стрелять из луков, рыть каналы и орошать поля водой из реки, быстро лечить раны, распознавать опасные ядовитые растения и даже пить крепкое вино, но разговор сейчас не об этом. Разговор о том, что я, согдиец Спантамано, полюбил ваш народ. Я полюбил дивные предания вашего слепого певца, о котором ты мне рассказывал. Его, кажется, звали Омар?

- Гомер, - поправил согдийца Паллант, со вниманием слушавший речь друга.

- Да, Омар, - повторил Спантамано без смущения. - И полюбил ваших мудрецов Шухрата и Афлатона, хотя еще плохо понимаю их учение.

- Сократа и Платона, - снова поправил его грек.

- Ты не обижайся, для моего языка так легче. И я полюбил те празднества, когда вы поете и танцуете с площади, называемой "театр", случаи из жизни богов и людей. Все это очень

хорошо. Придет время, и у нас тоже будут свои Омары, свои Шухраты, свои "театры" и свои мастера, равные по знаниям и умению вашим мастерам. Ты слушаешь меня, Паллант?

- Да, Спитамен.

- Итак, я полюбил ваш народ и не думал, что придет день, когда юнан станет врагом согдийца. Но... - Спантамано тяжело вздохнул, - но время это наступило, дорогой Паллант. Искендер Зулькарнейн переправился через Вахш (вы называете его Оксом) и продвигается к Мараканде. Скоро он будет здесь. Юнанов, как сообщили мне разведчики, около сорока тысяч, они закованы с головы до пят в толстую, непробиваемую бронзу. А у нас редко у кого найдешь даже кожаный панцирь. Юнаны вооружены длинными пиками и железными мечами, согдийцы - медными кинжалами. Юнаны владеют искусством боевого построения, мы сражаемся беспорядочной толпой. Перевес на их стороне. И если начнется война...

- Нет, Спитамен! - Взволнованный Паллант вскочил с места и обнял согдийца. - Война не начнется. Александр круто расправился с персами, но они, как знаешь ты сам, заслужили и более жесткого наказания. Александр не какой-нибудь варвар из рода Ахеменидов. Его, как мне известно, воспитывал Аристотель, ученик Платона. Сын Филиппа родился, чтобы освободить народы от ига персов и всюду водворить мир и благоденствие. В этом его призвание. Он послан на землю самими богами. И я сожалею, что ты думаешь о нем плохо. В Мараканде еще много персов. Александр довершит их разгром и вернется на родину. Побратаются два таких мудрых и великих народа, как ваш и наш; Эллада и Согдиана станут двумя дружественными государствами, и от этого союза будет польза и вам, и грекам. Туда и обратно пойдут богатые караваны. Греки многому научат вас, и вы многому научите греков. Наступают славные времена, Спитамен, славные времена! Я радуюсь новостям, как ребенок, и хочу, чтобы и ты радовался со мной, мой дорогой Спитамен, мой друг, ближе которого для меня нет никого во всей Согдиане!

Он схватил Спантамано за руки и, гордо откинув красивую голову, долго смотрел прямо в синие глаза согдийца. И под этим сияющим взглядом лицо Спантамано постепенно прояснилось. Складка меду круто вскинутыми бровями разгладилась. С резко очерченных губ исчезла холодная усмешка. Спантамано широко и ласково улыбнулся. Он опять вздохнул - на этот раз с тем глубоким облегчением, каким вздыхает пастух после трудной, но удачной переправы через бурный горный поток.

- Ты никогда не обманывал меня, Паллант, - сказал Спантамано мягко. Что бы ты ни сказал, все сбывается. Поэтому я верю тебе и сейчас. Пусть тебе и твоим близким будет благо. Ты укрепил мой дух, и я теперь знаю, что мне делать. Прощай, мне надо спешить в Мараканду. Мы еще увидимся. И наша новая встреча будет, наверное, не такой, как сегодня. Возможно, Спантамано наклонился к уху Палланта, - я скоро стану царем Согдианы.

Когда он направился к выходу, перед ним, перебежав двор, остановилась гречанка лет пятнадцати в белой короткой тунике. Ух, какая чернушка! Кожа - смуглая до темно-бронзового оттенка, волосы - блестящие, будто их смазали маслом, широко разросшиеся брови, чуть вздернутый, немного припухлый нос, алые губы крупного, но красивого рта, тоненькое, маленькое, ладно скроенное тело, - где, дай Охрамазда памяти, видел Спантамано эту девушку?

- Радуйся, Спитамен! - воскликнула гречанка смущенно.

- Радуйся, душа моя. Но... кто это? - спросил потомок Сиавахша у собравшегося его проводить Палланта.

- Не узнал? - Паллант засмеялся. - Эгина, моя сестра.

- Эгина? - Спантамано вытаращил глаза. - Так выросла?

- Время идет, мой друг.

- Да-а. - Согдиец ласково улыбнулся Эгине. - Вон какой ты стала. Ну, жених есть? Скоро

будет свадьба?

Она вспыхнула, закрыла лицо рукой и убежала.

- Все время вспоминала о тебе, - сказал Паллант. - Ну ладно. Я пойду с тобой до ворот. Или останешься на ночь? Ведь сколько лет не виделись.

- В другой раз, Паллант, в другой раз. Я спешу. Встретимся еще.

Мараканда была древней столицей Согдианы. Говорили, что ее построил царь Кай-Ковус, отец легендарного Сиавахша.

Во времена Спантаmano уже никто не мог точно сказать, когда возник этот город и почему он стал именоваться Маракандой. Одни утверждали, что название происходит от слова "Марра-Кан"; то есть Город Рубеж. Возможно, через местность, где воздвигали поселение, пролегла граница между двумя владениями. Другие видели в Мараканде "Самара-Кан" - Город Плодов, или "Самара-Канда" - Город Сладких Плодов. Третьи доказывали, будто его следует называть "Се-Мург-Кае" - Город Двуглавых Птиц, ибо семург является священной птицей восточного сказания. Неизвестно, кто был прав, но к Мараканде подходили все три названия: он и сейчас стоял на рубеже - между речной долиной и горным хребтом, славился сладкими плодами, а изображения двуглавых птиц украшали все дворцы и лачуги города.

Легенда согдийцев повествует о человеке, взлетевшем на спине семурга к солнцу. Если бы такая птица существовала и сейчас (в том, что она существовала прежде, согдийцы не сомневались) и если бы захотела поднять на себе царя македонцев Александра, то он увидел бы с неба огромный прямоугольник, обведенный широким рвом и мощной стеной с четкими рядами бойниц, с громоздкими, квадратными сверху и расширяющимися книзу башнями по всем четырем углам.

И еще он увидел бы по четырнадцать малых башен по длинным сторонам прямоугольника и по восемь - по коротким сторонам. Он убедился бы, что в этот город не так-то легко проникнуть - перед главным входом, пробитым посередине западной, короткой стены, темнели зигзаги лабиринтов обширного превратного сооружения. Если бы враг разбил внешние ворота и забрался в тесные проходы превратного сооружения, его обстреляли бы их бойниц, направленных внутрь лабиринта.

Если бы Александр перевел свой взгляд дальше, он заметил бы, что две трети города заняты громадным жилым массивом, расчлененным на равные квадраты широкой, точно канал, и прямой, словно сарматский меч, главной улицей и пересекающимися мелкими поперечными улицами и переулками.

Далее Александр отметил бы для себя, что оставшаяся часть города строго разделена на три доли: рыночную площадь справа, храм огня с прилегающими к нему дворами посередине и возвышающийся в левом, северо-восточном углу гигантский замок с тремя немислимо крупными башнями.

Он увидел бы пятна зелени во дворах, снующих по улицам и рыночной площади людей, стаи голубей, летающих вокруг башен, дым, клубящийся над святилищем, и синеватую полупрозрачную мглу, окутавшую сверху весь город и смягчавшую резкие очертания кубов, коробок и усеченных конусов, из которых состояла Мараканда.

Но так как птицы семург не существовало, то Александр явился к воротам города верхом на своем знаменитом "быкоголовом" коне Букефале.

Внимание царя привлекли огромные, высотой в сорок локтей стены, сложенные из громоздких, как саркофаги, сырцовых блоков, и он подумал, что такой город трудно было бы взять силой. Но Мараканда сама открыла ворота, поэтому надобность в осаде миновала. Персы, находившиеся в городе, как об этом сообщили гонцы согдийцы, склоняли жителей к обороне, однако их замысел - встретить македонцев стрелами - не удался; маракандцы не захотели

поднять оружие против Искендера. Тогда озлобленные персы принялись грабить и избивать народ. Старейшины города ударили в барабаны. На их тревожный зов сбежались жрецы, торговцы, ремесленники и земледельцы из окрестных дехов - укрепленных поселений. Персов, как это случилось и в Наутаке, стали истреблять, как взбесившихся собак. Они сначала отбивались, потом, захватив что удалось, ушли через Восточные Ворота в сторону Пенджикента.

Избавившись от притеснителей, Мараканда приготовилась к встрече желанных гостей. Толпы людей, одевшихся ради торжественного случая в лучшие свои наряды, вышли из стены города на бахарскую дорогу. Мужчины, женщины и дети несли на головах плоские, сплетенные из ивовых ветвей корзины с плодами, свежим пшеничным хлебом и цветами. Греки, привыкшие у себя на родине к ячменному хлебу, охотно брали протягиваемые им румяные лепешки, испеченные особым образом в круглых печах, и поедали их тут же, не слезая с коней. Длинные, прямые, с раструбами на концах, медные трубы ревели, словно могучие ткры-самцы весной. Оглушающе ухали, гудели и рокотали барабаны. Македонцев, греков, пэонов и агриан забрасывали розами. Время от времени к небу взметался дружный крик: "Искендер!"

Александр, окруженный толпой телохранителей и приближенных, ехал впереди своего огромного войска и отвечал на приветственные возгласы согдийцев милостивой улыбкой.

Для полноты счастья царю не хватало Спантамано - Спантамано, взволнованного до слез, покорно преклонившего колени, не только безропотно, но и с великой охотой отдающего себя и свой народ в руки Двурогого. Не хватало последнего действия, чтобы с успехом завершить комедию "Покорение Согдианы", которую Александр придумал сам и сам же, поддавшись очарованию происходящего, стал, незаметно для себя, принимать всерьез.

Но наступил и этот желанный миг. Когда Александр приблизился к городу, из ворот выехала толпа знатных согдийцев. Все остановились. Наступила мертвая тишина, хотя равнина перед Маракандой была черна от тысяч и тысяч людей.

Толпа телохранителей с той и другой стороны раздалась. Александр и Спантамано очутились лицом к лицу. Холодный, высокомерный взгляд македонца столкнулся с живым, проникновенным, выжидающим взглядом согдийца. Оба сидели на прекрасных конях. Оба, в отличие от хваставших роскошью нарядов присутствующих вельмож, облачились в простую, грубую, поношенную одежду, как бы подчеркивающую бескорыстие предводителей двух народов. Правда, если дырявый шерстяной плащ, толстые ремни и тусклые медные бляхи на Александре говорили для тех, кто его знал плохо или совсем не знал, о суровой силе и солдатской прямоте, то шкуры леопарда на Спантамано свидетельствовали о небывалой ловкости и хитрости их владельца.

Ни тот ни другой не шевелился. Казалось, ни тот ни другой не хотел первым произнести слово приветствия. Они молча сидели на конях и пристально, в упор, смотрели: Александр - сердито и требовательно на Спантамано, Спантамано - спокойно и чуть насмешливо на Александра. Тишина невыносимо затягивалась. Улыбки на лицах окружающих погасли. Над равниной взмахнула невидимым крылом угроза. И Александр ощутил это прежде всех. Он закусил губу и выразительно прищурился. Спантамано ответил многозначительным взглядом. "Птолемайос ошибся тогда, - подумал сын Филиппа. - Он утверждал, что Спитамен походит на Диогена. Но если тот разбил чашу, когда убедился, что может без нее обойтись, то этот мне скорей голову разобьет". Договорившись глазами о чем-то важном, но понятном им двоим, македонец и согдиец одновременно улыбнулись и склонились в поклоне. Вздых облегчения, вырвавшийся из груди тысяч людей, перерос в протяжный радостный рев. Толпа ликовала.

Через мгновение Александр и Спантамано ехали уже бок о бок на своих редкостных конях, и ни тот ни другой конь не вырывался вперед даже на пол головы.

ДРАКИЛ. О Гермес! Меня качает, как моряка на палубе триеры. А кажется, выпил немного. Крепкое же вино у согдийцев. Прекрасное, как из-под Исмара. Ну, друг мой Лаэрт, как тебе понравился пир?

ЛАЭРТ. Клянусь Вакхом, я никогда не видел подобного пира! Бедный Лаэрт на обычных пирах редко бывал, а тут... Какой дворец! Признаться, эти согдийцы - не такие варвары, как я ожидал. Особенно великолепны белые алебастровые узоры на стенах и резьба на дверях. А решетки на окнах? Волшебство! А пестрые ковры? Чародейство! А золотые, серебряные чаши и вазы? Умопомрачение! А яркие одежды? Колдовство! А женщины? Нимфы, дриады, наяды! Клянусь монетой, у меня голова кружится не от вина, а от того, что я там видел.

ДРАКИЛ. Благодарю меня. Ведь это я тебя провел во дворец, хотя туда пускали даже не всех гетайров. Ик! А каков этот дикарь Спитамен, а?

ЛАЭРТ. Он, кажется, не такой уж дикарь, хотя и оделся в шкуры леопардов. Спитамен хорошо держится. У него умные глаза.

ДРАКИЛ. Хм!.. В том-то и беда, что хорошо держится. И лучше бы у него были глупые глаза. Так как я доверенное лицо божественного - ик! Александра, а ты, Лаэрт, - ик! - мое доверенное лицо, то я скажу тебе, не опасаясь измены: этот согдиец хитер, ай, как хитер! Конечно, ему - ик! далеко до меня, Дракила, однако скажу тебе прямо, Лаэрт, - от Спантамена не жди добра. Александр полагал, видно, что согдиец - дурак какой-нибудь, вроде Оробы. Ты заметил его? Но, оказывается, этого милягу вокруг пальца не обведешь, Правда, Лаэрт, - ик! - не обведешь?

ЛАЭРТ. Так оно и есть, Дракил, - не обведешь.

ДРАКИЛ. Но пока возле Александра такой пройдоха, как я, царю нечего бояться. Не так ли, друг Лаэрт, а?

ЛАЭРТ. Истинно так, Дракил. Ему нечего бояться, раз ты рядом.

ДРАКИЛ. То-то же. Ох! Я набил шишку о ствол дерева! Куда ты смотришь, негодяй? Или ты ослеп, нахал, и не видишь, куда мы идем? Почему ты не поддерживаешь своего благодетеля, наглец? Разве у тебя руки отсохли? Может быть, ты забыл, что Дракил является для тебя виновником добра, прожженный ты прохвост? Так я живо освежу твою память, мерзавец ты этакий! Ага, ты образумился плут! Наконец-то догадался, повеса, подать мне свою лапу. Держи меня крепче, судейский ты крючок. Вот так. Хорошо, громила ты несчастный, клянусь лысиной, хорошо! Ты вовсе не бахвал, как я думал. Оказывается, ты юноша хоть куда. Дай поцелую тебя. Но где же мой шатер?

ЛАЭРТ. Мы прямо к нему направляемся.

ДРАКИЛ. Да будет тебе благо. Ик! Скажи мне, Лаэрт, понравилась ли тебе жена этого хитроумного Спитамена?

ЛАЭРТ. Очень понравилась.

ДРАКИЛ. Мне тоже. И Александру приглянулась. Ты слышал, что он сказал ей? Такой прекрасной женщины, сказал он, я еще не видел на Востоке. Как она засияла! Бабник наш повелитель, - ик! - упаси меня бог. Любит варварских женщин и варварскую музыку любит. Заметил ты это?

ЛАЭРТ. Да, я заметил. Зара хороша. Но супруга Дарейоса лучше.

ДРАКИЛ. Супруга Дарейоса лучше? Вот лгун! Вот надувала! Вот клещ! Что бы ты понимал в женщинах, скопидом? Я бы за эту Зару отдал половину своего имущества. А ты, Лаэрт, отдал бы?

ЛАЭРТ. Отдал бы Дракил.

ДРАКИЛ. Ну и дурак же ты, братец! Ты ветреник, срамник, мот и больше никто. Разве женщины стоят того, чтобы за них отдавали половину имущества? Отвечай, когда тебя

спрашивают!

ЛАЭРТ. Нет, не стоят, Дракил.

ДРАКИЛ. То-то же. Береги золото. Будет золото - женщина найдется. Ик! Но где же мой шатер? Куда ты ведешь меня, разбойник? Ты сдастся мне, хочешь убить меня и ограбить, громила? Эй, гетайры!

ЛАЭРТ. Мы уже в шатре, дорогой Дракил, и ты лежишь на своей постели.

ДРАКИЛ. Да? Что же ты молчал, негодяй? Неси скорей таз. Та-а-аз!..

Да, Спантамано оказался не таким глупцом, как ожидал сын бога Аммона. Больше всего Александра смущали глаза согдийца. В них не было страха и раболепия. Они таили угрозу. Спантамано казался македонцу зверем, который высматривает в нем, Александре, место повкусней, чтобы начать его есть. Сын Филиппа догадался: его терпят здесь лишь как освободителя от персов. Сделай Александр один неверный шаг - и улыбка на лице Спантамано тотчас же сменится злобой. Вместо цветов на головы македонцев посыплются камни.

Тревожные мысли одолевали Александра. Проводя ночи в развлечениях, осушая кубки с вином, царь не переставал всматриваться и вслушиваться. Он думал и решал.

Однажды утром, после очередного пира, Александр призвал к себе приближенных. Невыспавшиеся советники явились один за другим, нехотя преклоняли, по новому обычаю, перед царем колени и садились у стен, всем своим видом выражая неудовольствие. "Что еще забрело в твою безумную голову?" - сердито спрашивали их глаза. Светловолосый Клит, молочный брат Александра, с издевательским почтением согнул спину, бросил хитрый взгляд на полосатый варварский плащ, свисающий с царского плеча, и ядовито заметил:

- Я и не узнал тебя сначала. Думал, это азиат какой-нибудь сел над нами вместо тебя.

По губам присутствующих, будто солнечный зайчик, пробежала веселая улыбка. Хороший щелчок по носу получил сын Филиппа! Александр покраснел и сдвинул брови. Но так как молодой красавец Клит спас его при Гранике, царь только процедил сквозь зубы:

- Не болтай!

Помолчав и собравшись с мыслями, он обратился к советникам:

- Вы хорошо накормили воинов?

Приближенные царя с недоумением переглянулись. Вопрос повелителя был явно неуместен - только вчера главные силы македонского войска, после утомительного перехода, подступили к Мараканде; сейчас люди спали. Не получив ответа, Александр, глядя в ажурное окно, холодно сказал:

- Если не накормили, то поднимайте и кормите. Через три часа мы выступаем.

Все так и остолбенели. Никто не решался спросить, куда собирался Александр. Наконец Клит отважился:

- Далеко?

- На Киресхату [Киресхата - ныне Ленинабад в Таджикистане], - коротко пояснил царь. Его ответ вызвал бурю возмущения. Отбросив страх, все загалдели и затоптали ногами; Киресхата, город, основанный по преданию, иранским царем Киром, стояла где-то далеко, возле реки Яксарт, и новый поход по горам и пустыням не прельщал никого.

- Зачем? - воскликнул Клит, когда гвалт прекратился. - Я не вижу в твоей затее никакого смысла.

- Сейчас увидишь, - проворчал царь еще более холодно. - Слушайте, вы! Только безмозглый дурак может думать, что в Согдиане мы будем вечно нежится, точно олимпийцы. Пока мы не трогаем согдийских зернохранилищ, и нас никто не трогает. Но вам и вашим головорезам надо есть, пить, одеваться и что-нибудь принести домой. Поэтому, когда кончатся запасы, взятые в Бактре, мы будем вынуждены обратиться к достоянию местных жителей. Собственно, для этого

мы и пришли сюда. И как только от македонского или греческого ножа погибнет хоть один согдийский петух, начнется война! Кто не глуп, тот поймет: согдийцы - не персы, они не дадут себя стричь, как овец.

Если начнется война, на помощь согдийцам придут их друзья скифы, обитающие за Яксартом. А вы все слышали, что такое скифы. Мы зайдем Киресхату, что-бы не пропустить их на согдийскую сторону. Понятно? Это одно. Если начнется война, согдийцам потребуется оружие. А железа у них мало. Его добывают, как мне удалось узнать, только в одном месте за рекой Яксарт, напротив Киресхаты. Понятно? Мы должны или захватить рудники, где добывается железо, или отрезать их от согдийцев. Но самое главное - мы зайдем узел торговых дорог; здесь, в Согдиане, переплетаются пути всех стран мира. Вот для чего я призываю вас не медля, пока согдийцы не разгадали наших замыслов, идти на Киресхату. Кто хочет возразить, пусть выскажется.

И Александр снова равнодушно уставился в окно. Советники смущенно молчали. Он всегда тремя словами умел доказать им, как они тупоголовы. И это отнюдь не льстило их самолюбию.

- А стоит ли добираться до этой проклятой Киресхаты? - нерешительно начал пэон Аминта.
- Не хватит ли с нас походов по чужой земле? Не пора ли вернуться домой? Воины моего отряда не хотят больше сражаться.

Легкой пехоте пэонов доставалось в битвах больше всех. Неудивительно, что она устала. Александр побагровел от гнева, но взял себя в руки. Пока еще, до лучших времен, следовало отдавать дань македонским обычаям. А по ним гетайры стоят на одном уровне с царем.

- Воины твоего отряда, Аминта, - сказал повелитель сдержанно, - будут делать не то, что они хотят, а то, что хочу я.

Наступила гнетущая тишина. Все чувствовали себя униженными и глубоко оскорбленными. Но ни у кого не хватило смелости возразить царю. И вдруг самонадеянный Клит сорвался с места.

- Почему? - Он замахал кулаками. - Почему мы должны поступать так, как хочешь ты, а не наоборот? Ведь нас много, а ты один. Если ты надел варварскую одежду и вообразил себя властелином азиатов, то мы-то остались македонцами! А македонцам опротивело ползать на коленях перед тобой, как это делают персы, перешедшие на твою сторону. Ты хочешь идти на Киресхату? Иди один! Мы отправляемся домой!

- Домой! - подхватил Кайнос.

- Домой! - повторил Аминта.

- Домой! - завопили все.

Гетайры гремели доспехами, били в ладоши, свистели, визжали, мяукали. Крик "домой" вырвался через окна зала во двор. Удивленные согдийцы задирали головы, пытались определить, отчего расшумелись юнаны.

В глазах Александра потемнело. От внезапного приступа ярости, вызванной наглým поведением советников, царь, казалось, ослеп. Лица "товарищей царя" расплывались перед ним бледными пятнами. Дрожащей рукой Александр нащупал пик, крепко - не оторвешь - стиснул древко и поднялся.

- Ты хочешь домой, Клит? - сказал он, скрежеща зубами. - Так отправляйся!

Глаза его на миг прояснились. Не успел Клит отскочить в сторону, как пика со страшной силой пропорола его живот и пронзила насквозь. Советники замерли, как идола, установленные в нишах зала.

Гоните всех! - взревел царь, сверкнув зелеными глазами на телохранителей. - Поднимайте войско! Убивайте на месте всякого, кто слушается! Живо!

Фердикка и другие телохранители выдернули из ножен махайры и бросились на

военачальников. Зал разом опустел. Возле Александра остался вечно улыбающийся Птолемайос Лаг.

- Вели убрать и бросить на свалку, - Александр кивнул на тело Клита. - Передай Спитамену: мы идем на Киресхату, чтобы уничтожить закрепившихся там персов. Извести его: я оставляю в Мараканде отряд... э... недомогающих воинов. Скажи еще, что такой великий человек, как Искендер, не может вернуться домой, не достигнув места, до которого добирался какой-то иранец Кир. Ясно?

- Да Александр.

- Подай мое походное снаряжение!

- Сейчас.

- Но тут Фердикка доложил:

- К тебе грек.

- Откуда?

- Из милетцев, переселившихся сюда при Ксерксе.

- А-а! - протянул сын Филиппа зловеще. - Зови его сюда!

Вошел благообразный, седобородый, высокой эллин в полугреческой одежде.

- О великий царь! - Он поклонился низко, по-согдийски. - Радуйся. Сумею ли я поведать о том восторге, с которым мы ждали тебя? Наше племя нижайше просит повелителя мира отвезти хлеб и воду Юнана.

- Хлеб и воду? Ты скажи: вы из выселенных карийцев?

- Да, царь.

- Вы сражались против меня при Гавгамелах?

- Помимо своей воли, царь.

- Помимо своей воли? Хорошо, я отвезу твой хлеб и воду. Далеко ваш город?

- Недалеко, царь, - пробормотал старик. От резких слов Александра ему стало не по себе.

- Мы заедем туда.

- Премного благодарен, славный царь!

Эй, Мараканда, город сбывающихся надежд! Эй вы, старейшины, беспечно дремлющие в темных дворцах! Эй, жрецы, бормочущие заклинания над неугасимым огнем в закопченных храмах! И вы, воины, мерно шагающие на городских стенах и считающие звезды на черном небе! И вы, купцы, перебирающие в ночной тишине золото и алмазы! И вы, ремесленники, отдыхающие после дневного труда! Эй, Мараканда!

Ты погружена в сон и не знаешь, что здесь в крутой башне под плоскими крышами твоих домов, я не смыкаю глаз до поздней ночи. Я, Спантамано, потомок Сиавахша, мысленно говорю тебе: если бы половина радости, поющей в моем сердце, перешла бы в сердца твоих жителей, ты не безмолвствовала бы, как сейчас, Мараканда! Тысячи факелов озарили бы стены твоих дворцов, на перекрестках пылали бы веселые костры и прекрасные девушки плясали бы на твоих площадях.

Кто в Согдиане счастливей Спантамано? О Мараканда, город сбывающихся надежд! Пришел конец унижениям, которые я испытывал с детских лет. Никогда уже не повторятся косые взгляды, ядовитые усмешки, обидные намеки и прямые оскорбления, которые мне отравили юность. Как семуг, воспарил я над твоими древними башнями, город Двуглавых Птиц. Не зачах род Сиавахша, проросло его семя для новой славы. О предки, скитающиеся во мраке! Пусть ваши печальные лица озарятся на мгновение радостной улыбкой - имя вашего потомка Спантамано звучит ныне в устах всякого живущего.

Кто во всей Согдиане сегодня счастливей Спантамано? Вот я сижу у широкого окна, и первая женщина Согдианы, богиня, достойная рода Сиавахша, склонила голову свою на мои

колени. Я слышу ее взволнованное дыхание. Она покрывает мою руку поцелуями. Око доброго бога Охрамазды остановило на нас лучезарный взор, и голубой туман обволакивает нас мягкой пеленой, и грезится нам, будто мы витаем в облаках далеко над брэнной землей. Прохладный ветер с берегов Зарафшана овеивает наши нагие плечи. И мы, замирая, слушаем голос рождающей все живое Анахиты.

Кто в Согдиане счастливей Спантамано? Сам Искендер Зулькарнейн, царь царей и сын бога Аммона, обнимает меня, как брат любимого брата. Я получил от него богатые дары. Я пил вместе с ним из одной чаши. Да живет века и тысячелетия имя благородного Искендера! О мудрец Паллант, благодарение тебе, ты рассеял мои сомнения. Да, Согдиана при Искендере вздохнула свободно, и Мараканда ликует, славя освободителя. О Мараканда, город сбывающихся надежд! О Мараканда...

Тишину рассек чей-то вопль:

- Спитаме-е-ен!

Спантамано вздрогнул. Зара испуганно подняла голову. Десятки собак разразились внизу свирепым лаем. Казалось, там, у входа во дворец, кого-то ударили палицей, так отчаянно закричал он во второй раз:

- Спи-та-ме-е-ен!..

Спантамано отстранил жену и вскочил на ноги. От страшного крика у него застыла, казалось, в жилах кровь.

- Баро! - позвал он срывающимся голосом. Великан тотчас же явился из соседнего зала. В его тяжелой руке мерцал светильник. - Возьмите факелы... узнайте, кто там!

И в это время снова раздался крик - жуткий крик, словно у кого-то вырвали язык, сдирали кожу:

- Спи-та-мее...

Онемевшие от страха Спантамано и Зара стояли у окна, тесно прижавшись друг к другу. Толпа телохранителей шумела внизу. Свет факелов озарял встревоженные лица. Заскрипели ворота. Баро и Варахран, сопровождаемые другими телохранителями, волокли под мышки какого-то человека. За ними следовала девушка в покрывале. Заперев ворота, воины прошли во двор и скрылись за углом. Через некоторое время шаги телохранителей загрели по каменным ступеням лестницы, ведущей наверх. Баро и Варахран втащили в зал человека, обрызганного кровью. Кровь темнела повсюду - на голове, плечах, руках, спине и даже на ногах.

- Опустите на пол, - приказал Спантамано. - Факелы ближе! Переверните его!

Баро перевернул несчастного, откинулся от неожиданности назад и вскрикнул:

- Баланд!

Да, то был Паллант. Но как не походил он на того Ралланта, которого Спантамано видел совсем недавно! Его мудрый лоб пересекали свежие кровавые рубцы. Сгустки крови висели на кончике носа и запеклись на губах.

- Влейте ему в рот вина, - сказал Спантамано. Отпив глоток крепкого напитка, Паллант очнулся, открыл мутные глаза и зарыдал.

- Они убили всех! - причитал он, отирая лицо дрожащей рукой. - И стариков. И женщин. И детей... Всех! Только мы с Эгиной уцелели случайно. О Адрастея, богиня неизбежности!..

- Кто убил? - Спантамано схватил друга за плечо. - Кого убил?

- Александр уничтожил наш город.

- Что?! - Спантамано отшатнулся от Палланта. Согдиец хотел что-то сказать, но горло его сдавило судорогой. И он только обвел глазами лица телохранителей.

- Это правда? - обернулся Варахран к Эгине. Она стояла в углу, скромно опустив голову. Мокрое и грязное покрывало висело на ней серой пеленой.

- Да, - горестно прошептала гречанка.

- Дайте ему еще вина! - прохрипел Спантамано, несколько оправившись.

Кубок вина вернул Палланту силы. Он успокоился и заговорил, то и дело испуская тяжелые вздохи и стоны:

- Я прежде не рассказывал тебе, Спитамен, о нашем прошлом. Стыдился. Я происхожу из эллинского рода жрецов бранхилов. Мои предки жили далеко отсюда, в городе Милете, что стоит на берегу Эгейского моря. Бранхиды не знали горя, пока к Милету не подступил иранский царь Ксеркс. Чтобы огромные изображения богов, целиком отлитые из чистого золота, не достались персам, бранхиды зарыли их в землю. Заняв город, Ксеркс схватил жрецов и подверг их пытке, желая узнать, где скрыты изваяния. Бранхидов истязали много дней. И один старый человек не выдержал и раскрыл тайну. Золотые боги попали в руки персов. После этого эллины возненавидели нас и объявили каждого бранхида предателем и богопродавцем. Опасаясь мести, бранхиды ушли на восток, в Согдиану. Вместе с ними переселилась сюда часть мастеров из эллинского племени карийцев.

С тех пор миновало сто пятьдесят лет, и почти все бранхиды забыли о том, что произошло когда-то. Сегодня, едва стало известно, что во главе отряда гетайров к нам приближается сам Александр, в городе не нашлось человека, который бы не возликовал.

Мы облачились, как для праздника, в лучшие хитоны (Паллант показал свою дорогую, но изорванную одежду). Мы несли навстречу македонцам амфоры, полные меда и вина. От корзины с плодами, овощами и виноградом ломились хребты ослов. На устах сияли улыбки радости. Сердца были открыты для добра. И юноши пели гимн в честь Аполлона. Ты, Спитамен, пять лет скитался по чужим краям, и даже за это время истосковался по родине. А ведь мы не видели родину сто пятьдесят лет. Когда мы узрели Александра, нам показалось, будто родина сама отыскала нас, чтобы разгладить морщины на наших лицах...

Паллант снова зарыдал.

- Оказывается, они не забыли преступления, совершенного одним из наших предков. Они убили всех! Вино из опрокинутых амфор смешалось с кровью стариков. Головы детей падали рядом с плодами граната. Копыта македонских коней давили кисти винограда и кисти рук наших женщин... Я выбрался из груды трупов, нашел в подвале Эгину, и мы по оврагам доползли до Мараканды. Скажи, мне, Спитамен! - Грек поднялся к согдийцу, глаза его просили сочувствия. - Разве не варварство - мстить за преступление одного человека целому роду, его отдаленным потомкам? И так поступил человек, которого воспитал Аристотель, ученик самого Платона...

Паллант сокрушенно развел руками и сник. Спантамано долго молчал. Да, Искендер оказался не таким добрым человеком, каким прикидывался. Глупец! Ты так раскис от его похвал и настолько одурел от кубка вина, поднесенного хитрым македонцем, что совсем забыл об опасности! Правда, тебя сбил с верного пути этот Паллант. Но бедняга ни в чем не повинен - ведь он сам верил в Александра и сам же за это поплатился. Не прошло и месяца, как Искендер явился в Мараканду, и вот уже проливается кровь.

"Но... - Спантамано с усилием потер виски, - но кровь проливается не согдийская. Расправа с бранхидами - дело самих юнанов. Хорошо ли будет, если Спантамано вмешается в чужие дела? Пристойно ли потомку Сиавахша совать нос туда, где никакой надобности в нем нет? Ведь Искендер и пальцем не тронул ни одного согдийца".

Прервал эти размышления приход одного из телохранителей. Воин сказал:

- Я был дома. Мой отец дворцовый служитель. Он говорит, что вчера между главарями юнанов завязался спор, и Зулкарнейн убил своего молочного брата.

Новость, которую принес телохранитель, поразила всех не меньше, чем рассказ Палланта.

Согдийцы издавна считали молоко матери священным. Людей, вскормленных из одной груди, на всю жизнь связывала неразрывная дружба.

- Ты говорил: юнаны от персов нас освободят, - обратился Баро к предводителю. - Но чем они отличаются от иранских головорезов?

Эти слов а положили конец колебаниям Спантамано. Он решился.

- Варахран!

Чеканщик последовал за начальником в другой зал. Даже здесь, в Мараканде, он не хотел покидать Спантамано, хотя старый Фрада, которого сын уже видел, настойчиво звал его в тесную мастерскую на рынке.

- Возьми пятьдесят воинов и догони Искендера. Скажи, что я послал тебя ему на помощь. Следи за каждым шагом чужого царя, гонцов посылай. Станет опасно - вернись. Понятно?

- Да.

- Выезжай сейчас же!

Варахран поспешно вышел. Зара удалилась вместе с Эгиной на женскую половину дома. Измученный Паллант уснул. Но Спантамано долго не смыкал глаз. Теперь он стыдился вдохновенных мыслей, витавших в его голове до прихода Палланта. "Кто во всей Согдиане счастливей Спантамано?" Ах ты осел! Сказал бы лучше: кто несчастней Спантамано! К чему все клонится? Не станет ли в делах верх низом, а низ верхом?

- Спантамано! - услышал согдиец тревожный шепот вернувшейся Зары. Что ты задумал?

- Ты о чем? - спросил он мягко.

- Зачем ты послал Варахрана туда?

- Куда?

- За войском Искендера.

- Надо, богиня.

- Прошу тебя, мое сердце, не замышляй дурного против юнана. Если Зулкарнейн узнает...

- Все будет хорошо, луна. Все будет хорошо. Обними меня и ни о чем не беспокойся.

"КИРЕСХАТА! КИРЕСХАТА!.."

*К вечеру этого дня они прибыли в землю халибов.
Этот народ никогда волов не впрягает, чтоб пашиню
Плугом поднять. Не разводит он сладких плодов.
Аполлоний Родосский, "Аргонавтика"*

Выйдя из Мараканды, войско Александра направилось на восток по долине Зарафшана и, миновав Пенджикент, разоренный отступающими персами, достигло укрепленного селения Захмат.

Здесь дорога разветвлялась. Прямо лежала тропа, ведущая к горным владениям, расположенным по верхнему течению Заравшана. Где-то там укрылся бактриец Вахшунварта. Вторая тропа пересекла реку и возвышающиеся за нею горы и пропадала на юге, в стороне Окса. Третья уходила на северо-восток, туда, где стояла знаменитая Киресхата. По ней и двинулся Александр.

- Киресхата! - пели гетайры.

- Киресхата! - скрипели ремни портупей.

- Киресхата! - похрустывали в кострах ветви шиповника.

- Киресхата! - говорил негромкий перестук щебня, сыплющегося по откосам.

- Киресхата! - иступленно трещали цикады.

Македонцам не терпелось быстрее дойти до города, построенного, по слухам, на краю земли. Александру волей-неволей придется повернуть обратно. Домой! - это слово десятки тысяч людей повторяли мысленно, просыпаясь или засыпая на коротких стоянках. Но вслух его никто не произносил, чтобы не разделить участь Клита.

Александр тоже молчал. Он не раскрывал тайных замыслов, боясь новой вспышки возмущения со стороны командиров и войска. Всякий бунт сейчас грозил непоправимой бедой.

Страна, завоеванная Александром, притаилась. Согдийцы пристально изучали нового властителя, каждый неверный шаг, каждый рискованный поступок мог явиться поводом к всеобщему восстанию. Царь приказал воинам вести себя смирно, не обижать местных жителей. Чтобы пресечь грабежи, он еще в Мараканде велел закупить у купцов провиант. Хлеба и мяса было достаточно. Но с фуражом просчитались. Пастбищ в пути оказалось мало. Запасы ячменя иссякли уже на десятый день, - тяжелая горная дорога отнимала у животных много сил; воины давали коням двойную долю зерна.

Можно было остановиться, передохнуть, разбить колонну на части и рассеять конницу по мелким горным лугам. Но Александр торопился. К тому же, в случае внезапного нападения, рассыпавшееся по ущельям войско не удалось бы достаточно быстро собрать. Решили купить ячмень у горцев. Александр вызвал Дракила, - марафонец занимался теперь доставкой кормов и продовольствия. Царь вручил Дракилу мешочек золота.

- Пошли людей в горное селение. Прикажи, чтоб честно заплатили варварам и скорей вернулись.

При виде мешочка Дракил проглотил ком, подступивший к горлу, спрятал монеты за пазуху и поспешно удалился, заверив повелителя, что все будет точно выполнено. Но прежде чем пойти в обоз, Дракил укрылся в своей палатке и пересчитал драхмы.

- Столько золота варварам достанется, - пробормотал купец и пересыпал в свою сумку половину монет. - Обойдется и так. Не станут же дикари торговаться с посланцами самого Искендера.

Удовлетворительный, он явился в обоз, переговорил с рябым Лаэртом и вручил ему оставшееся золото.

- Честно заплати варварам и возвращайся, - приказал он другу.

"Чтоб ты пропал, - подумал рябой Лаэрт. - Я отдам дикарям столько денег? Обойдется и так. Или мы разучились владеть пиками?"

Отряд выехал в горы и пропал. Македонцы ждали товарищей до вечера, но так и не дождались. Зато, когда наступила ночь, в горах запылало множество костров. Казалось, но македонцев глядят с угрозой тысячи огненных глаз. По временам до стоянки долетали пронзительный вой и тревожный грохот барабанов.

Видно, случилась беда. Александр приказал устроить заслоны. Утром войско медленно двинулось вперед, каждый миг ожидая нападения. На вершинах скал маячили горцы. Феаген, шедший в передовом отряде, вспомнил перевал через Парпансиды. Дело и здесь не кончится добром. В отличие от лукавых и осторожных жителей долин, горцы сразу хватались за оружие.

Долина стала тесной. Дорога входила в узкое ущелье. Царь приказал остановиться. Вперед была послана разведка. Но не успели воины пройти и ста шагов, как услышали отчаянный крик. Кто-то в греческой одежде скатился по откосу. Разведчики подняли грека и приволокли к Александру. Это был беотиец Лаэрт.

Что с тобой? - спросил царь. Но Лаэрт так запыхался, что не мог говорить. Его окатили холодной водой. Постепенно он отдышался и рассказал, что в первом же селении их схватили, начали избивать. Тех, кто успел бежать, настигли сегодня утром. В живых остался один Лаэрт, начальник отряда.

- Ты не лжешь, негодай? - грозно спросил Александр. Ему не верилось, чтоб горцы без всякой причины напали на греков. А впрочем... кто их знает? Скатили же обитатели Парпансид на перевале камень. - Может, вы обидели дикарей словом или делом?

- Богиня правосудия Фемида видит, кто прав, кто виновен! - Грек закатил глаза.

Александр подошел к нему, содрал с груди обрывки хитона и увидел висящую на ремешке плоскую кожаную сумку. Лаэрт сник. Александр отвязал сумку, высыпал монеты на землю, пересчитал их и повернулся к Дракилу?

- Другая половина, конечно, у тебя?

Марафонец сокрушенно развел руками и молча повалился на колени.

- Вы сорвали мой замысел, подлые воры, и я вас проучу, - зловеще произнес царь. - Разувайтесь!

С некоторых пор, по обычаю персидских царей, Александр носил с собой толстую палку из красного дерева. Он зашел сбоку, размахнулся и ударил палкой по четырем тесно прижавшимся друг к другу голым пяткам. Дракил и Лаэрт завизжали, как поросята. Отвесив десять добрых ударов, Александр велел гетайрам отволочь провинившихся в обоз и бросить в колесницы. Их вина была так велика, что они по своей тупости этого даже не понимали. И царь отложил окончательный приговор до более подходящего времени. Сейчас предстояло решить судьбу горцев.

- Жизнь элина, - сказал Александр гетайрам, - дороже жизни тысячи варваров. Пусть знает об этом вся Согдиана.

Царь приказал шести отрядам лучников и пращников подняться крутыми тропами к вершинам скал, обойти горцев сзади, ударить по ним с двух сторон и сбросить в ущелье.

Затея удалась. Около тысячи горцев погибло от стрел и свинцовых шаров, другие разбежались. Часть азиатов, ища спасения, на веревках спустилась в ущелье и тут попала под кривые махайры тяжеловооруженных македонцев.

Но битва с горцами на этом не кончилась. Едва македонцы выехали на открытое пространство, сбоку, из-за круглого холма, на них налетели тучей всадники, вооруженными боевыми топорами. Это случилось так неожиданно, что гетайры не успели опомниться, и горцы смяли их первые ряды. Какой-то ловкач пробился прямо к Александру, весело скаля зубы, вскинул над ним секиру. Александр закричал, прикрылся щитом. Горец нанес удар такой силы, что секира раздробила окованный золотом щит, разрубила бронзовый панцирь и рассекла левое плечо сына бога Аммона.

В то же мгновение Птолемейос Лаг пронзил отважного азиата сариссой, а Фердикка подхватил сползающего набок повелителя.

- Всех до одного... - прошептал Александр побелевшими губами. - Всех до одного...

Фердикка передал потерявшего сознание царя на руки младшим телохранителям и сделал знак трубачам. Оправившиеся гетайры развернулись на ровной площадке и окружили вражеских всадников плотным кольцом. Произошло то, что происходило за эти пять лет много раз, - горцы, вооруженные тонкими дротиками, секирами на коротких топорищах и луками, бесполезными в рукопашном бою, не выдержали натиска длинных и прочных крушиновых сарисс.

Так как бежать им было некуда, они рубились как могли своими бронзовыми кинжалами, пока не упали все до одного под ноги обезумевших коней. Македонцы сгрудились над их трупами и в знак победы скрестили концы сарисс.

Тем временем гоплиты, меченосцы, лучники и пращники напали на возвышение, на котором закрепились пешие горцы. Часть их была изрублена. Другие сами бросились со скал и разбились об острые камни. Из тридцати тысяч горцев, участвовавших в бою, спаслось всего

около восьми тысяч человек.

- Хорошо, - сказал очнувшийся Александр, когда Фердикка донес ему об этом. - Но плохо, что мы не сумели обойтись без сражения. Весть о гибели двадцати двух тысяч варваров дойдет до Мараканды и вызовет среди согдийцев возмущение.

- Но дикари, которых мы сегодня перебили, не согдийцы, - возразил Фердикка. - Они называют себя "узрушанами", а свою страну Узрушаной.

- Однако по языку и крови они родственны согдийцам. Сейчас же пошли гонца в Мараканду, к Гефестиону. Пусть будет готов ко всему. И пусть действует решительно. Игра в "освободителей" проиграна по милости Дракила, чтоб ему пропасть. А для Спитамена надо придумать какой-нибудь благовидный предлог. А! Позови-ка того человека, которого прислал к нам потомок Сиавахша.

Фердикка привел Варахрана. Маракандец распростерся перед царем ниц, потом жалобно запричитал, глядя на перевязанное плечо Александра.

- Да, случилось непредвиденное. - Александр вздохнул. - Оказывается, персы, укрепившиеся в Киресхате, подговорили узрушан напасть на мое войско. Что вышло из этого, ты сам видел. Пошли к Спитамену гонца, передай своему повелителю, чтоб не тревожился. Я наказал его и моих врагов и стану наказывать их и впредь. Было б хорошо, если б Спитамен выслал сюда тысячу всадников и усмирил остатки мятежников, разбежавшихся по горам. Ты понял меня?

- Да, господин. Сделаю, как ты приказал, - ответил Варахран простодушно.

Александр и не подозревал, что согдиец не хуже его знает, почему узрушаны напали на македонцев. Не ведал он также, что гонец отправился к Спантамано с донесением уже час назад.

Слово Клитарха.

"После битвы с узрушанами войска Александра вышли к великой реке Яксарт.

Говорят, она берет начало далеко на северо-востоке в Небесных Горах, пересекает огромные пустынные пространства, распадается на три рукава и поглощается Оксианским озером [Аральское море], что находится за страной массагетов. Мы достигли Яксарта в том месте, где он стиснут скалистыми берегами и поэтому здесь узок и удобен для переправы [в районе современного Беговата (Узбекистан)]. Тесная долина тут образует проход, ведущий в сторону Фергана. В проходе всегда, особенно перед рассветом, из пустыни, раскинувшейся на западе, дует сильный ветер.

Южный берег Яксарта населен узрушанами. Они, зная, что произошло в горах с их соплеменниками, встретили нас враждебно. Ни добрые слова, ни угрозы не заставили их открыть ворота городов. Александр приказал взять укрепления приступом. Первое, по названию Газа, окопали рвом, насыпали вокруг вал, затем пустили в ход катапульты, полиболы и онагры. Загнав ядрами и стрелами жителей в дома, македонцы поднялись на стену и проникли в крепость. Четыре других небольших города захватили за два дня, приставив к башням лестницы и согласовав действия стрелков и осадных машин.

Два оставшихся, самых крупных, города - Мамакен и Киресхату - заняли с большим уроном для себя. Варвары оказали отчаянное сопротивление. Жители Мамакена отважны. Они поселились в крепости всем своим родом и не допускают туда людей из других общин. Крепость их - с необыкновенно толстыми стенами и загоном для скота посередине. Мамакенцы готовят пищу, едят и спят внутри стен, в узких сводчатых жилищах. Для того чтобы войти в укрепление, пришлось сделать подкоп.

Много сил затратили мы и возле Киресхаты. Против ожидания, персов здесь не оказалось. Они давно бежали на восток. Обороняли город местные жители. Варвары отражали натиск македонцев с мужеством, удивившим даже Александра. Так как осада слишком затянулась,

царь, несмотря на тяжелую рану, сам во главе отряда гоплитов пробрался в город по высохшему руслу дождевого потока, уходящего под стены. Киресхата пала.

Так сын бога Аммона покорил семь приречных городов и обратил их население в рабство".

Киресхата! Киресхата!.. Она обманула ожидания македонцев. Оказалось, край земли пролегает не здесь. Он где-то далеко-далеко на востоке. И чтобы дойти до него, потребуется еще пять, а может быть, и десять лет. Воины роптали. Неужели Александр не остановится и поведет войска за Яксарт, еще глубже в страну азиатов?

Особенно шумно было в лагере пэонов и агриан. Фракийцы всегда отличались храбростью, но под рукою Александра воевали неохотно. Ведь царь македонцев захватил их страну силой, против их воли погнал людей на восток.

На базарах Согдианы встречались старые кочевники, говорящие с местными жителями по-согдийски, а между собой - на фракийском языке. Они называли себя "дахами" и "великими гетами". Изумленные фракийцы вспоминали рассказы дедов о киммерийцах, пришедших на Балканы из восточных степей. Вспоминали о западных дахах и гетах. Убеждались, что в жилах азиатских "дахов" и великих "гетов", хотя они и не совсем походят на европейских фракийцев, течет родственная им кровь. Особенно поразил всех предводитель туземцев, голубоглазый и светловолосый Спитамен, по внешнему облику вылитый фракиец. Пэонам и агрианам казалось, что они поднимают руку на близких родичей.

Александр все видел, слышал и понимал. Надо воодушевить людей умной, страстной и красивой речью, достойной оратора Демосфена. Однако рана царя изнуряюще ныла, и как не бился македонец, он не мог выдавить из себя ни одного доброго слова. Сын бога Аммона бродил по берегу Яксарта, ясно выражая своим видом раздражение и этим самым раздражая окружающих.

Между тем, верх в делах, как говорят на Востоке, постепенно становился низом. Однажды с гор, по которым недавно прошел Александр, прибежали два греческих наемника. Они принесли плохое известие. Несмотря на побоище, учиненное гетайрами в ущелье, узрушаны опять взялись за оружие и уничтожили греческие отряды, оставленные царем в селениях, расположенных по дороге из Мараканды в Киресхату. Путь на юг в Согдиану был отрезан.

Наемники добрались до лагеря перед закатом солнца. А ночью, когда войско, кроме дозорных, отдыхало, мятежники напали на все семь городов, занятых сыном бога Аммона. Поддержанные местными жителями изнутри, повстанцы стали избивать спящих македонцев. Узрушан отогнали, но с тех пор ни одной ночи не проходило спокойно. Горцы то собирались на холмах и обстреливали войско Александра из луков, то подползали к угасающим кострам и резали задремавших пехотинцев, то перехватывали разведчиков и гонцов.

На правой стороне Яксарта, напротив Газы и Киресхаты, скапливались всадники в необыкновенно высоких шапках из войлока.

- Это тоже узрушаны? - спросил Александр у вызванных к нему трех старых туземцев.

- Нет, - ответил один. - То саки-тиграхауда.

- Яксарты, - добавил второй.

- Сарты, - отозвался третий.

- Значит там три народа?

- Один. Он только по-разному называется. И все из-за своих шапок. "Тиграхауда" - это "стрела-шапка". "Яксарт" - "один головастый". "Сарт" просто "головастый".

- На каком языке говорят?

- По-нашему говорят.

- Скифы, одним словом, - усмехнулся Александр. - Зачем же они собираются?

Старики промолчали. Путь на север, в Шаш, был отрезан.

Через три дня Газа подверглась стремительному нападению, но совсем с другой стороны, из степей, лежащих на западе.

Неизвестные всадники убили несколько воинов, бродивших за городом, и угнали четыреста македонских коней. Их следы уводили в знойную, безводную пустыню, и гетайры, высланные в погоню, повернули обратно.

- А эти какого племени? - спросил Александр старых туземцев.

- Саки тий-тара-дайра, - сказал один старик.

- Апасаки, - добавил второй.

- Речные люди, - отозвался третий.

- На каком языке они изъясняются?

- На нашем.

- Скифы, короче говоря.

Александр опять усмехнулся. Путь на запад был отрезан. И это как будто радовало царя.

На следующий день азиаты нагрянули с востока. Они с криком окружили Киресхату и забросали тростниковые крыши домов горящими стрелами. Вспыхнул пожар. Отбив стадо быков, наездники исчезли в песках и болотах.

- Какое племя приходило сегодня? - снова обратился Александр к старикам, показав им четырехугольную черную шапочку, расшитую цветами миндаля.

- Фергана! - ответили старики в один голос.

- На каком языке говорят?

- По-нашему говорят!

- Скифы! - Александр покачал головой. Путь на восток был отрезан. Кажется, все скифы, сколько ни есть, поднимаются против меня. Их кто-то подстрекает. Не брат ли мой Спитамен?

И Александр не ошибся. Наутро из Мараканды прискакал гонец. Он был весь оборван, избит и окровавлен.

- Горе, Искендер. - Посланец ввалился в шатер царя и от волнения забыл преклонить колени.

- Спантамано поднял мятеж и осадил Мараканду. Восстала вся Согдиана.

Известие о мятеже Спантамано пробило толстую скорлупу, которой обросло сердце македонского царя. Сила, накопившаяся за дни бездействия, бурно вырвалась наружу. Бледный, но быстрый и готовый на все, предстал Александр на холме перед войском, собравшимся, как все понимали, для последнего важного разговора. Сегодня должна была решиться судьба десятков тысяч людей. И каждый твердил про себя: "Хватит! Домой! Пусть только безумец попытается принудить нас к продолжению похода..." Воины задорно перекликались и стучали копьями о щиты, показывая, что им никто не страшен и они сумеют за себя постоять.

- Тихо! - Заревел Фердикка. - Слушайте Александра!..

Гам прекратился; безмолвие нарушали только монотонный шум реки да фыркание стреноженных коней, пасущихся на лугу с бурой иссохшей травой.

- Братья! - произнес Александр громко и проникновенно. Воины растерянно переглянулись. Царь давно не называл их братьями. - Настало время открыто сказать обо всем, что томит сердца, не так ли?

Он говорил мягко, спокойно, размеренно. Его прямота (они ожидали уверток) и ласковый голос (они ожидали угроз) смутили присутствующих. Люди, настроенные миг назад свирепо и непримиримо, разинули рты, словно зачарованные.

- Мы прошли вместе немало дорог, видели немало бед, - продолжал царь. - Лишения, которые выпали на долю каждого, сроднили нас навсегда. И любой вправе громко и откровенно изложить здесь то, что он думает. Клянусь Дикой, богиней правды, я ничего не утаю на дне сердца. И вас, братья, прошу выступить на этом холме также прямо, честно и смело. Обещаете,

македонцы, эллины и фракийцы, говорить только истину?

- Да! - закричали воины хором.

- Хорошо. Так слушайте. Многие македонцы, эллины и фракийцы не любят царя. Не так ли? Так. Почему же? Пусть любой, не страшась наказания, выйдет сюда и на глазах у всех ответит на мой вопрос. Клянусь Фемидой, охранительницей клятв, - ни один волос не упадет с головы этого человека по моей воле!

Никто не шевелился. Если бы Александр начал с упреков, они вызвали бы в людях раздражение. А раздражение делает и робкого храбрым. И они не знали, как им теперь поступить. Руки, незадолго до того дерзко стучавшие пиками о щиты, так ослабли от волнения, что едва держали эти пики.

Но вот к возвышению протолкался пращник. Дракил, отиравшийся недалеко от холма, узнал Феагена.

- Да, Александр, мы не любим тебя! - громко крикнул марафонец. Слова пращника сразу образумили македонцев и воинов других племен. С них слетело оцепенение. Люди вспомнили, для чего пришли на совет. - Почему? продолжал феаген. - Вот уже пять лет, как мы покинули страну отцов. Вот уже пять лет, как мы не видели престарелых матерей. Вот уже пять лет, как мы не слышали веселых песен, звучащих на зимних праздниках Диониса. Вот уже пять лет длится проклятый поход по стране азиатов! Ты говорил перед войной: "Наш долг - сполна отомстить персам за их преступления!" Так? Но месть уже совершилась. Мы сделали свое дело. Враг побежден и рассеян. Чего тебе надо еще? Куда ты нас хочешь вести? Не хватит ли с нас походов? Не пора ли домой?

- Домой!!! - рявкнули десятки тысяч людей в один голос. Он перекрыл шум реки, подбросил кверху птиц, мирно дремавших на кустах по склону горы, и спугнул узрушан, притаившихся за утесами.

- Домой? - Александр усмехнулся. - Хорошо, когда человек не забывает о родине. Но... Вот вы стремитесь домой. Для чего? Что ждет дома? Неужели вас тянет к темным лачугам, где вы росли, не видя света? Неужели хочется снова потеть от зари до зари на скудном поле? Или задыхаться в закопченных мастерских? И жить, несмотря на тяжелый труд, впроголодь? Чем встретит Эллада, бедная страна, где нет ни плодородной земли, ни полноводных источников, где людям не хватает не только хлеба, но и места под солнцем?

Почему не думаете об этом? Вспомните: многие ли ели на родине даже ячменный хлеб? С тех пор же, как я повел вас на восток, вы едите хлеб из пшеничной муки. Вспомните: каждый ли там, на родине, по которой, вы так тоскуете, видел что либо другое, кроме соленой рыбы? А здесь едите мясо, плоды и диковинные овощи. Вспомните: что носили на плечах там, в Элладе, к которой вы так рветесь, кроме грубой рубахи? А теперь у вас нарядные хитоны из бисса. Много ли сестерциев и оболов водилось на родине? А теперь у каждого в сумке звенит немного золота, и все это дал - кто? Александр, сын Филиппа!

Я открыл перед вашими глазами, не видевшими прежде ничего, кроме четырех стен жалкой хижины, целый мир. Я бросил мир со всеми горами и долинами, реками, богатыми рыбой, и плодороднейшими полями, цветущими садами и шумными городами, бескрайними пастбищами и огромными стадами - я бросил мир со всеми сокровищами вам под ноги! Берите! Владейте! Стройте города, где понравится! Возводите дома! Открывайте лавки и мастерские! Покупайте рабов и возделывайте землю. Женитесь на красивых азиатках или вызовите к себе невест. Кто запрещает? Кто мешает? Не для того ли привел я вас сюда? Не ради вас ли я подвергался опасностям? Не ради вашего ли благополучия у меня перебито плечо? Разве мне одному нужна Азия? Она нужна вам! Я отдам вам весь Восток. Но вместо того, чтобы вознести мне хвалу, вы ропщете. Вы подобны щенкам, у которых еще не прорезались глаза. Их тычут мордами в

молоко, а они отчаянно упираются лапами. Разве это не правда? Пусть возразит, кто сможет!...

Глаза царя сверкали. И сейчас он сам верил своим словам. Голос звучал с такой убеждающей силой, что у тысяч пристыженных людей закружилась голова. Им показалось, будто устами Александра глаголит Истина.

Один Феаген устоял перед бурным потоком речей, вырвавшихся из уст сына Филиппа.

- Если тебе нравится на Востоке, - сказал он твердо, - то оставайся. Мы хотим домой!

- Домой! - снова подхватили воины. Голос Феагена отрезвлял им головы, затуманивающиеся, когда говорил царь.

- Домой? - опять переспросил сын бога Аммона. Губы его скривила ехидная улыбка. - Ладно. Я не держу вас. Уходите! Уходите, если сумеете уйти. - Он со смехом повел рукой вокруг. - Вы забыли, дети мои, об одной безделице. Войско отрезано от всего мира. На севере, за рекой, собираются для битвы скифы в острых тирах. На востоке вас ждут не дождутся скифы в расшитых шапочках. Со стороны западных степей вам угрожают скифы в шлемах с наушниками. Горцы юга перегородили стенами все тропы. Спитамен поднял мятеж, Бактра отпала, - если не верите мне, послушайте гонца. Вы оказались одни в чужой стране, куда люди часто стремятся, но откуда редко возвращаются. Вы напоминаете мышь, свалившуюся на дно огромного сосуда. Вокруг сотни тысяч варваров. Попробуйте выбраться!

Александр сел на камень и отвернулся. Казалось, он остался один - так тихо стало за его спиной. Никто из десятков тысяч людей ни промолвил слова. Только окаменевшие лица и резкие складки у губ и меж бровей выражали внутреннее потрясение.

Многим вспомнилось отступление десяти тысяч греков под предводительством Ксенофонта, описавшего этот небывалый поход от Вавилона до Понта Эвксинского в своей знаменитой книге "Анабасис". Войско, лишившись вождей, убитых приближенными персидского царя Артаксеркса, не растерялось, выбрало новых начальников и благополучно добралось до родной земли. Но путь от Киресхаты до Эллады впятеро длинней, чем от Вавилона до Понта! И на этом пути македонцев подстерегают скифы, одно имя которых пугает самого храброго человека.

Перед мысленным взором людей раскинулись знойные пространства азиатских песков, поднялись дикие скалистые горы, за клубился дым пожаров. Засады. Нападения. Злой посвист бронзовых стрел. Блеск ножей. Башни из голов... Конец, ожидающий македонцев и греков на чужой земле, предстал в их сознании так зримо, что ужас сковал их уста, Киресхата! Киресхата!..

Феаген оправился раньше всех и выкрикнул отрывисто:

- Ты... ты виноват!..

- В чем? - спросил Александр, окинув пращника ледяным взглядом.

"Ты до сих пор жив, негодяй? - злобно подумал царь. - Твою голову пока что спасла моя клятва. Но теперь я не забуду тебя"

- Ты в ловушку завел нас! - воскликнул марафонец.

- Вот как? - загремел Александр. - Я виноват? Но разве я ограбил урушан и навлек на войско их гнев? Разве я дремлю у костров и позволяю варварам делать со мной все, что они хотят? Разве я кривлю рожу, услышав приказание начальника? Разве я слоняюсь без дела по лагерю? Войско разлагается. Вы по своей вине стали добычей варваров. Над вами насмехается каждый азиат. Александр вытащил бы вас из котла, но вы наглецы, вышли из повиновения! Я уже плох для вас? Да будет так! Слушайте: я отдаюсь на милость Спитамена и, если мне удастся от него откупиться, я сумею вернуться домой. А вы... если вы так мудры, как полагаете, то поступайте, как заблагорассудится. Прощайте!

Александр резко опустил на лицо забрало рогатого шлема и стал поспешно спускаться с холма. Птолеймаос Лаг и Фердикка во главе толпы самых преданных телохранителей

прокладывали дорогу. Воины очнулись. Александр их покидает? Они разом позабыли обо всех обидах. Александр их покидает! Они глядели на него, как непослушные дети на рассерженного отца, уходящего из дома. Александр их покидает! Дракил и Лаэрт, у которых давно зажили язвы на пятках, но которые так же давно прозябали не у дел, отвергнутые разгневанным повелителем, переглянулись, поняли друг друга и повалились, точно рабы, под ноги царя.

- Слава Александру!!! - неистово заревели македонцы. Поступок двух товарищей послужил толчком, выведшим людей из оцепенения, и направил поток их мыслей по новому руслу. Александр поднял руку и остановился. Взмах его руки как бы закрыл все уста.

- Чего хотите от меня?

- Слава Александру!

- Хотите чтобы я остался?

- Слава Александру! - грохотала толпа. Александр повернулся и не спеша поднялся на вершину холма. Войско опять умолкло, будто языки у людей присохли к гортаням.

Александр неторопливо снял шлем, стиснул челюсти так, что его красивые губы перекошились и стали жесткими, точно шрам. Он медленно повел пронизывающим взглядом по густому строю бородатых воинов, по всему скопищу взрослых детей - простодушных, бесхитростных, которые живут отрывочными мгновениями, не додумывают до конца ни одной мысли и без помощи опытного наставника не доводят до завершения ни одного трудного дела. И там, куда падал ледяной взгляд повелителя, смущенно потуплялись глаза, низко опускались головы. Ряд за рядом вникали воины, и щетинистые гребни, султаны и конские хвосты их медных шлемов склонялись и колебались, точно космы сизых степных трав от ветра.

- Итак, вы простите, чтобы я остался? - Голос царя отдавал звоном железа. - Хорошо, прошу вас. Но обещайте, поклянитесь Керой, богиней смерти, беспрекословно выполнять мои повеления!

- Клянемся! - глухо отозвались воины, обрекая себя страшной клятвой на все страдания, уготовленные для них сыном бога Аммона. Чтоб рассеять мрак, сгустившийся в сердцах людей, Александр сменил гнев на милость и широко улыбнулся. И свет этой улыбки озарил будто луч солнца, выглянувшего из-за туч, десятки тысяч лиц, огрубленных от зноя и ветра.

- Как ловко он провел этих скотов, - шепнул Фердикке усмехающийся Птолемайос Лаг. Фердикка сердито насупился и проворчал:

- Скажи лучше: как ловко он вывернулся из тигровых когтей.

Александр тем временем уже распоряжался.

- Так как согдийцы для нас опасней всех здешних варваров, мы нападём сначала на Спитамена. Ликиец Фарнух хорошо знает язык согдийцев. Он сегодня же поведет отряды Койноса, Карана и Кратера на Мараканду. Но поведет не прежней дорогой через горы; двинется по краю западной пустыни, займет ворота Змеиных Трав [ущелье Джилан-Уты, или Ворота Тамерлана возле города Джизака] и проникнет в долину Политимета [Политимет - греческое название Зарафшана; перевод согдийского слова Намик, что значит Многочтимый] там, где Спитамен его не ждет. Этим Фарнух выиграет время, обойдет узрушан, ускользнет от приречных скифов и внезапно обрушится на Спитамена. Фарнух, собирайся!

Добродушный ликиец, ничего не смысливший в делах войны, пытался возразить против неожиданного повышения; но сын Филиппа так сверкнул на ликийца глазами, что новоиспеченный полководец ринулся с холма, как антилопа.

- Теперь, - продолжал Александр, - надо обезопасить себя от скифов запада и востока. Захваченные нами города узрушан плохо приспособлены к обороне. Находящиеся в них варвары только и ждут удобного часа, чтобы ударить в спину. Поэтому следует построить между Газой и Киресхатой хорошо укрепленный город. Нас много, и мы возведем его за две

декады. После этого мы переправимся через Яксарт и разгоним варваров, собравшихся на той стороне. Таким образом мыотрежем скифам путь к Мараканде, и варвары не сумеют помочь войскам Спитамена. Понятно? Так за работу! Копайте землю! Глину месите! Рубите лес! Косите зеленый тростник. Ни одного часа промедления!

И он сделал правой, здоровой рукой повелевающий жест.

- Мой хлеб - в острой пике, - дружно запели воины, расходясь по лагерям, гимн поэта Арзхилоха. - В ней же вино из Исмара. Пика под рукою, когда пью...

Уже семнадцать дней после бурного совета, к изумлению узрушан и скифов, наблюдавших за македонцами с гор, на берегу реки, словно по воле могущественного колдуна, выросла Александрия Эсхата - город со стенами, башнями, домами, улицами, площадями, храмами и широким рвом. На восемнадцатый день македонцы приступили к сооружению плотов. На двадцатый утром завязался бой.

Для начала фракийцы и саки-тиграхауда обменялись через реку тучей стрел, не принесших особого вреда ни той ни другой стороне. Затем греки установили на берегу метательные орудия. По знаку Александра баллисты, катапульты, онагры и палинтоны выбросили сотни дротиков по три локтя длиною и ядро из свинца весом до трех фунтов. Ядро летело за шестьсот шагов и сметало все живое, как смерч, а дротик чуть не за полстадия пробивал самый толстый медный панцирь. Отряд саков-тиграхауда пришел в расстройство.

Не прекращая обстрела, царь погрузил на плоты конницу греков и четыре илы македонских гетайров и под звуки труб переправился на правый берег Яксарта. Пращники и лучники плыли на туго надутых мехах. Шесты кормчих и руки барахтающихся среди волн легких пехотинцев поднимали каскады сверкающих брызг. Тревожно ржали кони. С треском сталкивались плоты. Вопили подхваченные водоворотом стрелки; их пронзительные крики разносились далеко по реке. Она почернела от плотов и людей, стала похожей на пролив у острова Саламина, где афинянин Фемистокл потопил корабль персидского царя Ксеркса.

Передовой отряд выбрался на берег, выставил пики и ринулся на скифов. Но саки-тиграхауда окружили врага и засыпали его трехгранными бронзовыми стрелами.

"Тогда, - записал вечером Клитарх, - божественный Александр послал на помощь коннице легкую пехоту. Скифы отошли, не теряя нас из виду. Ожидая от них какой-нибудь каверзы, царь укрепил головные отряды верховыми стрелками, добавив к ним три малые фаланги гетайров. Но скифы, ловко управляя конями и не прерывая стрельбы из луков, отразили удары македонцев. Потому Александр сам навалился на азиатов тяжелой конницей. Скифы не выдержали напора и бежали, оставив тысячу убитых и сто пятьдесят пленных."

Летописец умолчал о потерях македонцев, хотя они также понесли немалый урон. Сак-тиграхауда не знал промаха. Так так стрела не пробивала бронзу толстых кирас, он поражал наступающих в шею и глаза. Трудно, почти невозможно достать проворных всадников мечом и даже пикой - перед сомкнутым строем несущейся вперед македонской конницы скифы мигом рассыпались по полю и стремились обойти неприятеля сбоку, Только при помощи легкой пехоты, защитившей фланги, Александру удалось опрокинуть саков-тиграхауда.

Раздраженный упорством варваров, Александр пустился их преследовать, чтобы истребить до последнего человека. Увлеченные погоней македонцы не заметили, как далеко ушли от Яксарта. Справа от них возвышались обожженные солнцем предгория. Впереди и слева раскинулась безводная холмистая степь. Следы азиатов пролегали на северо-восток, по направлению к синеющему во мгле горному хребту. Наступил вечер. Македонцы, утомленные зноем и жаждой, остановились. Было решено переночевать возле пересохшей речки. Дракил, снова поднявшийся до гиперета - начальника, ведающего доставкой съестных припасов, - отыскал в извилистом русле длинную лужу с теплой и грязной водой. Воду процеживали сквозь

полы запылившихся хитонов и пили, так как лучшей поблизости не было. Наутро все, включая самого Александра, хватались за животы и скрежетали зубами.

Македонцы не догнали отступающих скифов и на второй день. Летучие отряды саков-тиграхауда маячили на рыжих буграх, поросших колючей, уже выгоревшей травой, истребляли вырвавшихся далеко вперед неприятелей и пропадали в тучах желтой пыли. Опять настал вечер. Доведенные до отчаяния преследователи лежали пластом на земле, и жалобные стоны страдающих людей перекликались с плачем шакалов.

Александр долго не засыпал. Его мучило беспокойство. Слишком поспешное отступление саков-тиграхауда не предвещало ничего хорошего. По рассказу Геродота, царь персов Кир, обманутый скифами, долго преследовал их в пустыне, пока не попал в засаду: Киру отрубили голову. Другой перс, царь Дарий Гистасп, тоже упрямо гонялся за скифами, а потом едва выбрался из причерноморских степей.

Александр прошел от Геллеспонта до Киресхаты и ни разу не повернул обратно. Но тут, за Яксартом, начиналась таинственная страна-страна непонятных людей. Все слышали об их честности, приветливости и гостеприимстве. И все слышали об их жестокости и коварстве. Скифы хорошо встречают друзей и беспощадно расправляются с врагом. И если от их рук пал Кир, не знавший до того ни одного поражения, то почему он, Александр, надеется на удачу? Эта мысль до Киресхаты показалась бы царю смешной, но теперь она его испугала.

И сын Аммона решил: надо возвращаться. Постыдно? Пусть так. Это все же лучше гибели. Тот, кто теряет голову в переносном смысле, может потерять ее и в прямом. Сошлемся на раны, болезни, плохую воду... Не станут же воины упрямыться, - все так и рвутся назад. Надо возвращаться.

Александр тяжело вздохнул и позвал Птолемайоса Лага.

У СТЕН МАРАКАНДЫ

Близ Мараканды, на берегах Политимета, македонцы были стеснены со всех сторон и бежали на небольшой остров на реке. Здесь скифы и всадники Спитамена окружили их и перестреляли; только немногих захватили в плен и перебили.

Аристокбул рассказывает, что большая часть войска была уничтожена в засаде, так, как скифы скрылись в лесах, откуда и напали на македонцев во время самого сражения...

Арриан, "Поход Александра"

- Сейчас же пошли гонца к Гефестиону, пусть он начнет действовать, так велел Александр телохранителю Фардикке после того, как истребил в горах двадцать две тысячи узрушан.

Гонец благополучно доставил приказ царя в Макаканду.

- Ладно, - с готовностью сказал Гефестион, - действовать так действовать.

Он устроил у всех городских ворот стражу и вместе с Оробой направился к базарному старосте.

- Хорошо тебе жилось при персах? - спросил толстобрюхого старосту Гефестион.

- Вай! - вскричал купец. - Плохо жилось. Совсем плохо!

- Теперь лучше?

- Вай! Теперь хорошо. Совсем хорошо.

- Чем же ты отблагодарил своих избавителей?

- Вай! - Староста сразу сообразил, в чем дело. - Все, что на базаре, - ваше, господин! -

воскликнул он, подобострастно изогнув шею. И добавил про себя: "Лишь бы я цел остался".

- Так вот, - промолвил Гефестион строго, - все товары - ты слышишь меня? - все товары, привезенные сегодня на рынок, ты должен приподнести в дар Искендеру. Иначе Зулкарнейн, не дай бог, подумает, что ты неблагодарный осел, которого следует повесить на городских воротах. Понимаешь меня?

- Вай! - Староста побледнел. - Все понимаю, господин. Все понимаю.

И подумал: "Что теперь будет?"

- Агар! - крикнул он, отворив низкую дверь пристройки. - Агар!

Из темной комнатки выглянул человек с худым, желчным лицом и красноватыми глазами. Староста наклонился к его уху и, хмуря брови, долго что-то шептал, то и дело оглядываясь на Гефестиона, причем, когда он оборачивался к македонцу, жирная рожа плута расплывалась в улыбке.

- Жители Мараканды! - вопил через полчаса Агар с возвышения. - Эй, жители Мараканды! Радуйтесь! Царь Искендер Зулкарнейн, да славится его имя вечно, покупает все наши товары.

Тишина. Недоумение. Затем из толпы выступил чеканщик Фрада, отец Варахрана:

- Как это - все товары? Объясни получше!

- Все: посуду, ткани, одежду, баранов, зерно, масло - словом, все, что вы привезли или вынесли на базар сегодня.

Опять молчание - люди не сразу нашлись, что сказать. О подобных сделках в Мараканде еще не слышали. Потом снова заговорил Фрада:

- А что Искендер даст взамен?

Агар вынул из-за пазухи и поднял высоко над головой желтый глиняный черепок.

- Каждый из вас, жители Мараканды, получит табличку с именем Искендера. Не теряйте табличек. Когда царь, да будет благословенно его имя, вернется из похода на Киресхату, он любому, кто предъявит черепок, выдаст сколько следует золотых или медных монет.

Монеты? И когда? Когда Искендер вернется из Киресхаты! А если он вернется через три года? Или совсем не вернется? Люди пришли на базар, чтобы обменять зерно на посуду, овец на сельскохозяйственные орудия, сухие фрукты на одежду, - чтобы приобрести, с душевной болью отрывая от скудных запасов немалую часть, вещь, еще более необходимую в хозяйстве. И вот им предлагают какие-то черепки, которые ни к чему не приспособишь... Базар зашумел.

- Как вам не стыдно! - с возмущением крикнул Агар. - Кто вас освободил от Бесса? Искендер. Я б на вашем месте даром отдал все, что есть. А вы трясетесь над погаными горшками, чтоб им разбиться! Эх, люди!

Агар покачал головой и сплюнул.

- Товары оставить здесь. Ослов и повозки тоже. Выходите по одному на храмовую площадь. Ну, пошевеливайтесь!

Люди растерялись. Если б на них просто набросились и начали грабить, как это делали персы, они бы стали защищаться. Но тут... ведь у них просто покупают, кажется? Один из селян бросил на свой мешок с пшеницей недоуменный взгляд и неуверенно двинулся к воротам. Здесь его остановил базарный староста.

- Имя?

- Харванта.

- Откуда?

- Из селения Чоргарда.

- Товар?

- Мешок пшеницы.

- Запиши, писец.

Писец обмакнул тростниковую палочку в бронзовую чашу с краской и начертил (или сделал вид, что начертил) несколько слов на куске выделанной телячьей кожи.

Староста сунул в ладонь Хорванты черепок.

- Смотрите, записывают, у кого что куплено, - сказал кто-то с облегчением. - Значит, нам и вправду заплатят за товары?

- Проходи, - кивнул Харванте староста.

Едва Харванта вышел на храмовую площадь, македонцы оглушили его ударом по голове, скрутили руки за спиной и отволокли в сторону. Пшеница пшеницей, а раб все же более выгодный товар.

За Харвантой потянулись к воротам и другие. И все по одному. И всех на храмовой площади хватили македонцы. Мужчин, женщин, детей.

Через ворота прошло уже человек шестьдесят, когда какой-то мальчишка, взобравшись из любопытства на стену, отделяющую рынок от святилища, увидел, что происходит перед храмом огня. Он замахал руками и завопил. К нему быстро поднялся по лестнице Фрада.

- Боже! - крикнул пораженный чеканщик. - Вот что они задумали! Эй, народ! Юнаны обманули нас! Они хватают каждого, кто выходит к храму!

На миг базар умолк - и вдруг заревел, забушевал, как горный поток весной. Толпа ремесленников и селян опрокинула македонцев, стоявших у ворот, вырвалась на храмовую площадь. Поодаль от святилища, возле стены, сбились в кучу шестьдесят избитых и связанных людей. Македонцы пятились, выставив сариссы.

- А, шакалы! В рабство на с хотите продать? Бейте их!

Базар в одно мгновение превратился в поле боя; хотя у согдийцев и не было оружия, они сражались с ожесточением, - все пошло в ход: горшки, мотыги, палки, оглобли повозок.

Гефестион бросил на взбунтовавшихся согдийцев отряд тяжелой пехоты. Под напором длинных пик народ, после короткого, но яростного сопротивления, разбежался. Прятались по дворам, скрывались в окрестных полях и садах. Многих убили. Многих забрали в плен.

- Итак, они захватили семь приречных городов? - Спантамано не заметил, как загнул на руках семь пальцев. Его взгляд упал на три оставшихся перста. Он быстро загнул и эти и стукнул кулаком о кулак. Сначала Клит... Потом бронхиды и узрушаны... Затем погром в Мараканде... Ясно! Пора за дело, согдийцы. Баро, позови Алингара.

Наутакец, возвратившийся в Мараканду с тайным посланием от Варахрана, со всех ног бросился вниз и привел жреца Алингара - сумрачного мужчину с кривым носом и длинной бородой. Алингар слыл мудрецом, знал наизусть священную книгу зороастрийцев "Авесту" и хорошо писал не только по-согдийски, но и на многих других языках Востока.

Потомок Сиавахша искал глазами чего-то и, не найдя, рассердился:

- Где этот проклятый сосуд?

- Какой? - спросил Баро.

- Серебряный. В котором вино.

С каждым днем он испытывал все больше влечения к вину. Никогда еще у Спантамано не напрягались так душевные силы, а напряжение требовало какой-то разрядки. И Спантамано, начав однажды в Наутаке, когда выбирал между Искендером и Бессом, не мог уже остановиться и незаметно для себя пристрастился к пьянящему напитку.

Баро покосился на предводителя и принес серебряную вазу. Спантамано жадно выпил вина и облегченно вздохнул:

- Пойдем, Алингар.

Оба закрылись в угловой комнате и не впускали туда никого, кроме Баро. Наутакец приносил хлеб, мясо и вино и мягко отстранял Зару, когда она приближалась к резному входу.

Это обидело женщину. Спантамано важным делом занят? Но ведь он мог сам об этом сказать! Да и какое дело важней, чем их любовь? Зара хотела узнать, что затеял супруг, и беспокойно прислушалась к тихим голосам, доносившимся из комнаты. Говорил обычно Спантамано. Жрец чаще молчал. По временам Баро вызывал наверх какого-нибудь воина. Выйдя от господина, тот прятал что-то за пазухой, выбегал во двор, садился на коня и поспешно исчезал.

Через пять дней Спантамано покинул убежище и объявился перед Зарой. Он похудел, но зато его глаза сверкали сейчас особенно ярко. Улыбка была веселой, а руки порывисто взлетали, как у танцующего горца.

Услышав быстрые шаги мужа, Зара тут же забыла свою обиду. Только сейчас поняла, как сильно по нем соскучилась. И если бы он предстал тоже опечаленный разлукой, она бросилась бы навстречу. Но его веселая улыбка... Значит, не грустил о ней? Зара опустила глаза и отвернулась.

- Не обижайся! - Он сел рядом и притянул ее к себе. - Сам не знаю, как получилось... Дело захватило.

Вот как! Он даже виноватым не считает себя? Она отстранилась, хотя ей хотелось обнять его. В первые дни замужества она уже испытывала такое двойственное чувство. Что победит в сердце женщины - зависело от Спантамано. Он догадался - и не поспешил на поцелуи.

- Не огорчай, звезда неба, - прошептал он ей на ухо. - Твой раб не совершил ничего зорного.

- Чем ты занимался?

- Крепко думал, сочинял послания.

- Какие? - суховато спросила она, постепенно сдаваясь.

- Разным старейшинам. Скоро я... скоро мы с тобой... совершим великое!

- Что ты задумал? - воскликнула она испуганно.

- Великое дело задумал! Я так верю в удачу! О! Ты не знаешь, Зара, как мне хорошо... - Он засмеялся от избытка радости, бурлящей в нем, поцеловал жену в лоб и вскочил.

- Ты оставайся, я скоро вернусь.

Он исчез так быстро, что Зара не успела даже поймать его за край одежды. Женщина покраснела и опустила руку, протянутую супругу во след. Лицо Зары стало злым, утратило красоту. Она не понимала, чего добивается этот человек. Дочь Оробы смутно догадывалась: стремления Спантамано угрожают ее благополучию. Долго, до самого вечера, сидела она у окна, сердитая и молчаливая, и так как Спантамано не появлялся, сердце женщины все более плотно окутывалось холодной мглой отчуждения.

Спантамано мчался вверх по лестнице во дворце Оробы. Ноги его мелькали с такой быстротой, как будто он обулся в крылатые сандалии бога эллинов Гермеса. Голос потомка Сиаваша раскатился по всем залам, точно крик глашатая:

- Ороба, ты где?

- Здесь! - отозвался Ороба с террасы. - Ты явился наконец. Где пропадал? О! Ты ч-чему-то рад? Ну, рассказывай...

Старейшина захлопотал вокруг зятя, точно клушка возле цыпленка. Еще бы! Не каждый становится тестем сатрапа.

- Налей вина! - Спантамано швырнул в сторону свою пятнистую шапку и растянулся на ковре. - Пей и радуйся - пришел твой час, Ороба!

- Искендер богатые д-дары прислал? - заискивающе спросил наутаке, разливая по чашам вино.

- Дары, - Спантамано приподнялся, изумленно уставился на тестя. Его охватило бурное веселье. - Ах-ха-ха-ха! Так ты ничего не знаешь? Правда, я тебе и не говорил ничего. Теперь

можно раскрыть тайну. Я поднимаю восстание.

- А?.. - Ороба выронил чашу. Напиток растекся по ковру темной лужей. - К-какое восстание?

- Против Искендера!

- Что? - Наутакец отпрянул от Спантамано, будто внезапно увидел прокаженного. - Что т-ты г-говоришь?

- Да, восстание! - продолжал Спантамано, не замечая состояния Оробы. - Сейчас самое подходящее время. Горцы Узрушаны отрезали грекам путь на Мараканду. Я отправил гонцов к сакам тий-тара-дайра, тиграхауда и жителям Ферганы. Они окружат Искендера и не выпустят его из мешка до тех пор, пока сюда не подоспеют отряды Хориена, Вахшунварты и других старейшин. Тогда ударим на Искендера со всех сторон. Там и придет ему конец.

- Ума ли... лишился, - пробормотал Ороба, и Спантамано увидел, что от ласковой улыбки тестя не осталось и следа.

- Ты чего, а? - спросил он удивленно.

- Твоя з-затея мне не н-нравится, - сухо ответил наутакец.

- Почему?

- П-потому, что у т-тебя ничего н-не выйдет! Искендер разгонит всех в-вас, как с-стаю бродячих собак.

- Ты сам, видно, ума лишился! - рассердился Спантамано. - Кто нас разгонит, если поднимется вся Согдиана, если к нам присоединятся массагеты? Пойми - Искендер в ловушке. И он пропал, если мы разом на него навалимся!

- Не знаю, к-кто из вас п-пропал, - сказал Ороба. - Я думал, т-ты умней. Зачем ты с-сам лезешь в пасть тигра? Искендер сделал тебя с-сатрапом Согдианы. Чего тебе е-еще надо?

- О! Ты вот как заговорил! - Спантамано нахмурился. - Так знай же: для меня зазорно получить из рук чужого царя власть над Согдианой, по праву принадлежащей роду Сиавахша. Понятно? Не для того Спантамано избавился от Бесса, чтобы посадить на шею нового хозяина.

- Безумец! И ты в-веришь, что тебе э-это удастся?

- А почему бы нет? Где сказано: "Согдиана создана для того, чтобы ею вечно управляли иноземные цари? "Раз боги сотворили ее именно Согдианой, а не другой страной, значит, она заслуживает своего места под солнцем.

- Все это с-слова, - процедил наутакец злобно. - По мне, пусть Согдианой управляют х-хоть одноглазые духи гор, лишь бы они п-пощадили мою жизнь и о-оставили мне половину монго добра.

Спантамано долго молчал, пораженный такой откровенностью. Наконец он сказал хрипло:

- Вот ты, оказывается, какой. Не дума же, что тебе удастся заслужить благоволение юнанов, как ты заслужил своей низостью благосклонность персов. Ты слышал, какое преступление совершил Искендер в Узрушане?

- Слышал. И поделом дикарям. Пусть не плюют в пламя, зажженное богом. Не беспокойся, уж я-то не прогадаю.

Он говорил, не глядя на Спантамано. Глаза его блудливо бегали по сторонам. Таким гнусным показалось отпрыску Сиавахша худое, иссохшее от жадности и пороков лицо Оробы, что Спантамано едва не ударил по нему ногой. Самое страшное - Ороба был так туп и глуп, что непоколебимо верил в свою правоту и считал человека, сидящего перед ним, сыном осла и круглым дураком. И Оробу не переубедил бы сам Охрамазда.

- Да, ты никогда не прогадаешь! - Голос Спантамано сорвался от бешенства. - Прежде ты продавал себя персам. Теперь ты готов продать себя юнангам. Так продайся лучше мне, единокровному согдийцу!

И он бросил Оробе горсть драгоценных камней. Ороба преобразился. Его глаза, миг назад темные от затаившегося в них страха, радостно заблестели. Но ненадолго. Ороба с огромным напряжением, с душевным скрипом и скрежетом отодвинул лалы и просипел:

- Не надо... не надо ничего. Ты думаешь, камни спасут от гнева Искендера, если я примкну к тебе?

- Значит не поможешь мне? - вскричал Спантамано. - Мне, мужу твоей дочери?

- Чтобы я помогал мятежникам? - Ороба всплеснул руками - Бедная Зара! Если б я знал, какие мысли в твоей беспутной голове, разве я отдал бы за тебя мою дочь? Я скажу ей, чтоб она вернулась ко мне. Уходи прочь. Я не хочу знаться с таким опасным человеком.

- Я уйду. - Спантамано поднялся и сцепил руки за спиной, чтоб не прикончить Оробу на месте. - Но знай и ты - нет для меня выше позора, чем быть зятем такой грязной твари. Одно утешает - не все старейшины Согдианы подобны тебе, подлый выродок. И не забывай: когда Спантамано уничтожит юнанов, он припомнит этот разговор. Я и сейчас перегрыз бы тебе горло, да не хочу лишнего шума.

Ороба всполошился. Ах, он слишком круто обошелся с потомком Сиавахша! А если Спантамано и на самом деле победит Искендера? Тогда... Наутакец перепугался. Он изобразил на лице улыбку, но Спантамано резко повернулся и ушел.

"Глупец! - проклинал себя Ороба. - Кто тянул тебя за язык? Наобещал бы три мешка, а там было бы видно. Эх-хе! Ну ладно, дело сделано, успокоил он себя. - Теперь... как вести себя теперь? Этот бродяга, если победит Искендера, доберется-таки до моего горла..."

Самый злой человек среди людей - кто любит себя больше всех на свете. Нельзя верить ласковой улыбке - прикидывается. Он злой по сущности своей, потому особенно опасен. Такие не наносят своих ударов открыто. Они тайно отравляют человека, если не настоящим ядом, то ядом клеветы.

"Если победит... Хорошо же! Сделаем так, дорогой Спантамано, чтоб ты не победил Искендера".

Спантамано вернулся мрачный, как дайв. Увидев его, Зара гордо вскинула голову. Но потомок Сиавахша даже не взглянул на жену и ушел на террасу. Женщина смутилась - она ждала, что супруг начнет уговаривать и ласкать. Тогда бы она стала холодно его отстранять, словно муж ей бог знает как надоел, и вволю потешила свое сердечко.

Но Спантамано, кажется, и думать забыл о ней, и его поведение исторгло из ее глаз слезы. Желая уязвить мужа, Зара позвала рабыню и ушла к Оробе, хотя ей хотелось остаться. Она громко хлопнула резной створкой двери, чтоб он услышал и бросился за нею. Однако Спантамано точно оглох и онемел.

- Не возвращайся к этому бродяге, - сердито сказал отец. - Он доведет тебя до плохого. Пусть забирает свои алмазы и проваливает вон отсюда.

- Пропади он пропадом! - воскликнула она, горько плача.

Оба долго и дружно ругали пройдоху Спантамано, благо, сам "пройдоха" не слышал, и легли спать, твердо решив отделаться от потомка Сиавахша навсегда.

Спантамано с горя выпил чуть не пол вазы вина. И вновь - песня о горшке. Проклятый Ороба! Дружина одного из крупнейших владетелей Согдианы очень пригодилась бы. Вахшунварта и Хориен помогут, конечно, однако войско без людей Оробы - все равно что неполный колчан. Эх! Пусть только подспеют отряды Вахшунварты и Хориена, и он покажет Оробе, кто из них безумец!

- Гонец от Вахшунварты! - сообщил Варахран. Чеканщик приехал из Киресхаты вчера и теперь не отходил от Спантамано.

- Зови скорей! - Спантамано просиял. Наконец-то! О друг Вахшунварта! Разве он оставит

Спантамано в беде?

- Вахшунварта не принял дара. - Гонец, хмурый, усталый, как лошадь после скачек, протянул Спантамано два алмаза. - Он отказался тебе помогать. "Спантамано безумец, - сказал Вахшунварта. - Кто из смертных победит Искендера? Передай своему хозяину: пусть укроется, подобно мне, среди гор и не плюет в пламя, зажженное богом".

- "Так говорил Ороба, - вспомнил Спантамано. Он был потрясен, что не мог произнести вслух и полслова. - Боже! Еще одна стрела выпала из моего колчана. Теперь вся надежда на Хориена".

- Гонец от Хориена! - объявил Варахран. Осыпанный дорожным прахом, точно мельник мукой, гонец достал из-за пазухи два рубина:

- Хориен отказался помогать. Он, прости меня, назвал тебя глупцом и велел передать, чтоб ты спрятался в горах и не плевал в огонь, зажженный рукой бога.

"Так говорил и Ороба", - подумал Спантамано и, к изумлению присутствующих, расхохотался.

- Гонец из Абгара!

- Гонец из Нахшеба!

- Гонец из Ярката!

- Гонец из Маймурга!

- Гонец из Бахара!

Из всех рустаков - крупных округов Согдианы - возвращались измученные гонцы, и все приносили одинаковое известие - старейшины оседлых общин, эти благородные састары, ихшиды, пати, афшины, хвабы и бузурганы, как они себя громко именовали, отказывались выступить против македонцев. Они отговаривали Спантамано от его "безумной затеи" и не забывали о пламени, зажженном десницей божества.

Выслушав последнего гонца, он зарычал, будто волк, прижатый собаками к стене ущелья. Лицо его стало белым, как сосуд из китайской глины. Он схватил боевой топор и помчался по залам, размахивая им направо и налево. Он разносил в щепы резные двери и низкие столы из красного дерева. Он сокрушал бронзовые жертвенники, дробил глиняных идолов и разбивал дорогие вазы. От пронзительного крика у рабов, затаившихся по углам, вылезли глаза на лоб. Совершив погром внутри дворца, Спантамано вырвался на террасу и увидел камни, отвергнутые старейшинами. Потомок Сиавахша пинком сбросил их в бассейн, зашвырнул туда же топор, упал на кошму и разрыдался, как женщина.

Он плакал долго, потом заснул. В полночь очнулся от холода, осушил сосуд вина; по залам испуганно притихшего дворца раскатился тоскливый голос:

- О-о-ой! Горшок замучила тоска... така-тун, така-там! Разбился он на три куска... така-тун, така-там!

Так он пел и бродил вокруг бассейна, топчя цветы, пока не свалился на густые заросли базилика и не захрапел. Баро поднял его, как ребенка, уложил на террасе и укрыл теплым ковром. Варахран отозвал Баро к бассейну, и они о чем-то шептались до самого рассвета. Утром Варахран разделся, нырнул в бассейн (благо, вода была прозрачной) и достал со дна рубины.

Спантамано проснулся больной и сразу же потянулся за вазой. Но Баро мягко отстранил руку от сосуда.

- Чего тебе, дурак? - свирепо заорал на него потомок Сиавахша.

- Не надо пить, господин, - ласково уговаривал его Баро.

- Не надо, - повторил Варахран.

- Вы в своем уме, а? Чего же тогда "надо", дубины вы несчастные? Все покинули бедного Спантамано. Даже супруга и та убежала. Я остался один во всей Согдиане! Что мне еще делать,

если не пить?

- Надо не пить, а бить, - веско сказал Варахран.

- Кого?

- Искендера.

- О! Какой ты храбрый. Как бить? Бузургань от меня отвернулись. Нас вместе с дахами, пенджикентцами и теми бактрийцами, которые в Наутаке отделились от Вахшунварты, осталась всего тысяча. Другие разъехались. А юнанов - пятьдесят тысяч. Да еще Ороба к нему переметнется. Они нас пинками разгонят!

- Не разгонят, - возразил Варахран.

- Почему?

- Потому что нас не так мало, как тебе кажется.

- Значит, я разучился считать, - едко усмехнулся Спантамано. - Скажи, мудрец, сколько же нас?

- Пятьсот тысяч, - серьезно ответил Варахран.

- Что? Ха-ха-ха! Кого - пятьсот тысяч? Ворон на крышах Мараканды? Или лягушек в Зарафшане? Или блох в твоей шапке?

- Нет. Пятьсот тысяч ремесленников и пахарей, пятьсот тысяч согдийцев, живущих в городах и селениях. - Варахран поднялся. - Подожди! Я сейчас...

Через минуту он вернулся, ведя за собой двух белобородых согдийцев. Спантамано узнал их: один, сухой, подвижный, - мастер Фрада, отец Варахрана; другой, рослый и крепкий, - землепашец Ману, родитель Баро, тот самый Ману, который в Наутаке требовал у Спантамано защиты от людей Бесса. Старик есть старик, богат он или беден - надо уважать. Спантамано, кряхтя, привстал и приложил руку к сердцу. Фрада и Ману с достоинством поклонились, сели на ковер. Варахран кивнул отцу:

- Рассказывай!

- Чего тут долго рассказывать? - воскликнул Фрада сердито. - Какие они освободители, эти юнаны? А, господин састар? От последнего имущества нас освобождают...

- Пока ты писал бузурганам письма, Гефестион, глава юнанов, оставшихся в Мараканде, разослал воинов по округам и стал грабить народ, пояснил Варахран потомку Сиавахша.

- Да? - удивленно спросил Спантамано.

- Да! - злобно повторил Фрада. - Открыли на дорогах посты, обирают проезжих. "Пошлина! - говорят. - Пошлина!" И хохочут, чтоб им пропасть. Переплывешь через реку - давай лодочный сбор. По мосту проедешь - плати. Идешь на рынок - давай за вход. Купил вещь - плати рыночный сбор. Продал опять раскошеливайся. Переписали дома, добро и доходы - гони десятую часть. Да еще подушную подать с каждого человека требуют. Я и не думал, что грабить можно так тонко и хитро.

- Вот. - Ману достал из-за пазухи глиняную пластинку. - Очистили амбар, зернышка теперь не найдешь, а взамен черепок оставили. Написали на нем что-то... Я откуда знаю, что? На кой бес мне этот черепок? В пищу не годится. Думал: монеты у юнанов такие, показал на базаре - никто не берет, смеются. А, чтоб тебе на зубы духу Айшме попасть!

Он с сердцем кинул черепок в бассейн.

- Народ встревожен, господин састар, - сказал Варахран сурово. - Он готов постоять за себя. Но ему нужен вождь. Брось клич - и завтра к тебе явятся тысячи храбрых людей.

- Храбрых людей, вооруженных палками! - передразнил его Спантамано. И эти храбрые люди сразу разбегутся, увидев длинную пику юнана.

- Не думай плохо о простом человеке, - угрюмо сказал Баро. - Простой человек не хуже бузургана. А может, и лучше. Ты не обижайся за эти слова, но... ты сам видишь - бузургань

продали тебя, а народ не продаст.

- Народ! - воскликнул Спантамано раздраженно. - Так он и послушается нас. Ремесленники подчиняются старейшинам касты, селяне - родовым бузурганам, а бузурганы...

- Бузурганы! - рассердился Баро. - Сегодня бузурган, завтра никто, если пойдет наперекор воле народа. Пусть прячутся с дружинами в пещерах, без них обойдемся.

- А если хочешь, чтоб у всех были не палки, а мечи и секиры, не раздавай алмазы направо и налево: лучше купи у саков бронзу, ремесленники сделают столько мечей, сколько потребуется.

И Варахран протянул Спантамано камни, вынутые из бассейна.

- Хм... - Спантамано удивленно глядел на чеканщика и пахаря. - Вы не так уж глупы, как мне казалось. И вы думаете, у нас кое-что получится?

- Конечно, получится! - воскликнул Варахран.

- Еще как! - добавил Баро.

Спантамано порывисто поднялся. Ты воображал, что никому не нужен? Оказывается, нужен! Ты твердил себе, что одинок? Оказывается, рядом тысячи людей, которые не оставят в трудный час! Будто пелена спала с глаз молодого согдийца. Он искал опору и не находил ее - вот она, опора! Вот сила, которая по мановению его руки свернет, опрокинет и растопчет горы!

- Так чего же вы сидите? - рявкнул Спантамано. - К дайвам састаров и бузурганов! Народ поднимайте!

И народ поднялся. Тысячи селений ожили по кличу Спантамано. От Змеиных Ворот до Бахара и от Бахара до Нахшеба - по всей Согдиане, день и ночь, словно переключаясь, тревожно и ритмично гремели барабаны. На бурных общинных советах разгорался спор между родовой знатью и простым народом. Несмотря на угрозы бузурганов, народ снаряжал по одному воину от каждых пятидесяти семейств и выделял для Спантамано овец, зерно и масло. По дорогам Согдианы шли толпа за толпой бахарцы и нахшебцы, жители Пенджикента и Маймурга. Привел из Наутаки сто пахарей Ману, отец Баро. Он вооружил своих людей пиками, сделанными Фрадой, отцом Варахрана, и присоединился к отряду пенджикентцев. Пестрая толпа плотно обложила Мараканду и приступила к осаде трехбашенного замка, где укрылись юнаны.

У Спантамано не было ни баллист, ни онагров. Согдийцы и дахи лезли, помогая себе ножами, по откосам, кидая на стены веревки с крюками, приставляли к башням шаткие лестницы, взбирались наверх и падали под ударами неприятелей. Спантамано послал к сакам за бронзой. Но когда она прибудет? Воины привязывали к оперенным меднодоспешным македонцам вреда, если не считать ничтожных царапин на руках. Да и не всякий согдиец умел обращаться с луком или мечом. Селяне привыкли к мотыгам, а не к оружию, их не обучали боевым приемам, как обучают людей из военной касты. Но дубинами они владели неплохо, и если уж какой-нибудь зазевавшийся юнан подворачивался под руку, его не спасали ни панцирь, ни шлем - селяне обмолачивали врага, как ячменный сноп.

Македонцев было здесь не так у много; они не успевали отражать согдийцев, упрямо наступавших со всех сторон. Одна из трех башен досталась туземцам. Тогда македонцы сделали вылазку, прошли мимо дворца Оробы и напали на осаждающих сбоку. Острыми наконечниками сарисс они ловко пронзали людей, защищенных только износившимися хитонами, и, умертвив около тридцати человек, без потерь возвратились в замок. Если бы Ороба отрезал македонцам путь, им пришел бы конец. Однако он этого не сделал. Тысяча его людей, вооруженных, как говорится, до зубов, спокойно наблюдала со стен за побоищем.

На четвертый день осады пастухи донесли Спантамано, что со стороны Змеиных Ворот к Мараканде движется отряд Юнанов. Значит, они прорывали окружение! Спантамано отчаянно выругался. Он знал: толпы храбрых, но плохо вооруженных и необученных согдийцев не выдержат удара Длинных Пик. С македонцами надо воевать не в открытом поле, а по-скифски,

посредством засад. Спантамано приказал войску отступить на правый берег Зарафшана.

- Проклятый Ороба! - бормотал Спантамано, гоня лошадь через воду. Трусливый Хориен! А Вахшунварта? Он тоже трус и предатель, хотя и держится, как святой. От этих святых никогда не было и не будет проку, чтоб им пропасть! Выступают важно, брюхо несут чинно, смотрят гордо, говорят красиво, а внутри... внутри сидит подлец. Ах, пройтись бы палкой по вашим благообразным рожам!

- Я не зря доказывал, что Спантамано глуп, как овца, - сказал Ороба дочери, увидев отступающих согдийцев. - Едва показался Искендер, этот сброд голодранцев бросился бежать, как будто их пятки маслом смазали.

Зара прикусила губу и промолчала.

К Мараканде подошел не Александр, а Фарнух, - царь сейчас гнался по ту сторону Яксарта за саками-тиграхауда. Фарнух соединился с отрядом Гефестиона, оставленным в Мараканде перед походом на Киресхату, и пустился преследовать Спантамано. Ему удалось захватить сотню пеших согдийцев. Остальные успели скрыться среди густых зарослей раскинувшихся по берегам Зарафшана.

Знойная долина, поросшая непролазным кустарником. Густо и дико, словно шерсть на боках медведицы, переплелись прямые, кривые, развесистые, корявые, разлапистые стволы, ветви и стебли тополей, тамариска, уходящего корнями в щебень и гальку, громадных ясеней, приземистой грушелистной курчавки, различных ив, - как низкорослых, многостебельчатых, так и древовидных, высоких, точно башня толщиной в один обхват, а также узколистного лоха, тростника, вейка, солодки, рогоза, облепихи и мирикария.

Все это запустило сосущие корни во влажную почву безлюдной поймы и спуталось так, что по зарослям трудно продраться даже тигру. У каждого растения свой цвет. Серебристые листочки лоха никогда не примешь за мелкую, цвета окиси хрома листву солодки, полуголые красные веточки ивы за тускло-голубые лапы гребенщика. Но издали, сливаясь за волнами горячего, богатого испарениями воздуха в одно, заросли кажутся сплошным, курчавым серо-зеленым озером.

Ни ветерка. Все застыло, все неподвижно. Заросли - огромная баня, где даже голый человек задыхается, давясь густым, влажным, обжигающим воздухом, и обливается потом.

Спантамано пробирается на полудиком коне сквозь чащу и насмешливо говорит Баро:

- Бегут храбрецы? А ты хвастался: "От юнанов не оставим и праха".

- Дай оружие! - сердито хрипит в ответ Баро. - Обучи нас делу войны!

- Оружие, - повторяет Спантамано и задумчиво смотрит назад. Колышутся, качаются, трещат кусты. Тысячи тощих согдийцев упрямо лезут вслед за предводителем. Хорошо держатся эти оборванцы!

Твердость духа простых и чистосердечных людей, окружающих Спантамано, волнует потомка Сиавахша и поддерживает в его душе надежду. Мы бежим от юнанов? Ну и что же? Придет время - они побегут от нас.

- Персы! - говорит Спантамано, и в голосе согдийца не слышно доброты. - Если б не вы... разве дожила страна до того, что ей нечем себя защитить?

Медленно движется на север отряд Спантамано. И медленно движется следом отряд Фарнуха. Варвары отступают, настигнем их и довершим разгром, - думает ликиец. И так думают все воины отряда. Никто не помнит, что отступающих "скифов" надо бояться больше, чем наступающих. Уроки прошлых лет забыты. А забывчивость никогда не приводит к добру.

Когда согдийцы достигли гор, навстречу спустился отряд всадников в островерхих войлочных шапках. Рослые, косматые кони. Рослые, волосатые люди. Их возглавляют два человека. Длинный, сухой, белобородый старик с очами, зоркими, как у орла, - это вождь. Воин

- толстый, с мутными красноватыми глазами, с одутловатым лицом, желтым от курения семян конопли - его сын.

Да, это массагеты, дети знойных Красных Песков. Шестьсот кочевников и пять с половиной тысяч согдийцев приветствуют друг друга радостным кличем. Старик слезает с коня и обнимает спешившегося Спантамано.

- Меня зовут Рехмир, - говорит массагет. - Вот мой сын Дейока. Получили послание. Везем бронзу. - Он лезет в сумку, висящую на поясе, и вынимает два рубина. - Возьми обратно. Поможем и так. Не ради камней ради братства. Согдийцы и массагеты - люди одной крови. Вместе били персов, и македонцев будем бить вместе.

У Спантамано вспыхивают глаза.

- Ты светлый Суруш, посланный добрым богом Охрамаздой!

Он снова обнимает старика и не замечает, каким жадным взглядом провожает Дейока, сын Рехмира, красные рубины, исчезающие за пазухой Варахрана.

Много стрел у массагетов. Так как стоит невыносимая жара, македонцы не надевают доспехов. Их тела открыты для легкого ветерка, подувшего с гор. И для лучей солнца. И для массагетских стрел. А массагеты стреляют без промаха.

Войско Спантамано, подкрепленно отрядом кочевников, поворачивает обратно и окружает македонцев, бредущих по зарослям. Начинается избиение. Немало македонцев, беспечно рассыпавшихся в чаще, находят тут конец. Фарнух пугается. Он стягивает отряды на огромную поляну, выстраивает их квадратом и отступает к Мараканде.

Мучителен поход от гор до Политимета. Днем воинов изнуряет беспощадное азиатское солнце. Ночами жалят комары, громадными тучами вылетающие из болот.

Но еще сильнее жалят бронзовые стрелы кочевников, отчаянных людей, из которых один стоит десятка смелых воинов Фарнуха.

Фарнух бежит до самого Политимета, или Намика, или Зарафшана, как его называют согдийцы, и останавливается только за рекой, на открытом поле. Фарнух не знает, что делать. Он мирный человек. А здесь нужен опытный стратег. Ликиец призывает Койноса, Кратера, Карана и других командиров и говорит:

- Дело плохо. Варвары насаждают, а я, как видите, ничего не смыслю в делах войны. Освободите. Изберите нового начальника, пусть он поступит, как захочет.

Да, македонцы хорошо видят, что несчастный ликиец ничего не смыслит в делах войны. Александр ошибся, назначив его предводителем такого крупного отряда. Но... если Каран, Койнос выберут другого начальника, то они тем самым как бы заявят Александру, что он ошибся. А сын бога Аммона не любит, когда ему напоминают об его ошибках. Между Фарнухом и македонцами завязывается спор.

Воины, утомленные зноем, сидят вокруг шатра, высунув языки, точно псы, и слушают, как бранятся полководцы. Карану, тучному и неповоротливому человеку, надоедает спор. Он задыхается в душном шатре и выходит наружу. Но и тут не лучше. Солнце палит невероятно. Каран осматривается, нет ли где куста, чтоб спрятаться в тени. Но земля вокруг совершенно обнажена, если не считать тонких стеблей выгоревшей травы. Зато по ту сторону реки темной высокой стеной стоит лес, и меж тополями чернеет густая заманчивая тень.

- Проклятье! - бормочет Каран. - Если бы туда...

В это время на правом берегу протока появляется невысокий грек, видимо, из легкой конницы Кратера.

- Эй, вы! - кричит грек, взмахивая гребенчатым шлемом. - Чего вы там пропадаете? Идите сюда. Вся наша ила здесь. Всем хватит места.

Он говорит на ионийском наречии - значит, и вправду из отряда Кратера, в который входит

часть афинян. Грек ополаскивает руки в воде, оmyвает лицо, лениво бредет вдоль берега и скрывается в кустах. Потом появляется снова и садится в холодке под шелестящим тополем. Кто устоит перед таким искушением? Каран приказывает своему отряду:

- На коней! За мной на тот берег.

Воины не заставляют себя упрашивать. Все мигом прыгают на коней и спешат за Караном. Отряд переправляется через Политимет по широкому, гремящему перекаату и рассыпается в кустах. Видя это, пехотинцы волнуются. Жара так изнуряет, что люди забывают о безопасности. Отряд за отрядом бредут через бурный поток. Люди торопятся под развесистые вязы и устало растягиваются по сырой земле. Разброд. Никакого порядка.

- Где твоя ила? - спрашивает Каран грека, по-прежнему сидящего на берегу.

- Там, под тем вязом, - показывает грек на громадное дерево в глубине зарослей. - Виден тебе дым? Пойдем, если хочешь. Мы добыли молодого барана. Он жарится на углях.

- О! - Каран только сейчас почувствовал, как он проголодался. Хорошо, пойдем. Эй, Левкон, Перисад, следуйте за мной!

Сопровождаемый телохранителями, Каран отправляется вглубь зарослей.

- А кто у вас... - начинает Каран, однако так и не успеваеt спросить, кто начальствует над илой. Из-за куста на него обрушивается удар дубиной. Каран визжит хватается за голову и падает в мокрую траву, сверху на него валится сраженный Левкон.

- Это вам за бранхидов! - кричит маленький грек. Перисад достает его сариссой. Через мгновение его самого пронзают кинжалом.

- Спитамен, - шепчет маленький грек наклонившемуся согдийцу. - Они убили твоего друга Палланта...

И Паллант умирает со спокойным сердцем. Он отомстил. Согдийцы, массагеты и дахи набрасываются на переправившихся македонцев. Набрасываются со всех сторон. Страшное зрелище! Толпы людей, схлестнувшихся в кровавой свалке. Грохот барабанов. Стелы. Стрелы. Звон кинжалов. Стук и треск щитов. Тяжелые удары дубин. Стелы. Стрелы. Стрелы. Безумные глаза. Оскаленные зубы. Крики ужаса. И торжествующий визг массагетов.

Из двух тысяч восьмисот конных и пеших людей Фарнуха уцелело только сорок всадников и триста пехотинцев. Кучка бледных македонцев кое-как добралась до Мараканды и укрылась за стенами замка.

Едва Гефестион закрыл ворота, как по ним загремели топоры преследователей. На многих согдийцах красовались гребенчатые македонские шлемы. Одни подобрали пики, брошенные врагом. Другие поднимали железные мечи. Некоторые надели панцири, снятые с убитых юнанов. Кому не досталось пики или меча, тот завладел хотя бы щитом. Потомок Сивахша приступил ко второй осаде Мараканды.

Утром Спантамано встретил Датафарна, бродившего меж палаток.

Перс часто останавливался, прислушивался к разговорам, качал головой, - приоткрыв рот, он задумчиво щипал ус и продолжал обход лагеря.

- Что, мудрец? - усмехнулся Спантамано. - Все тешишь сердце ненавистью к роду человеческому?

- Разве я не прав? - сказал Датафарн, но в голосе его уже не было ни той желчи, ни той уверенности, которая звучала при первом их споре.

- В чем ты прав? - со злостью спросил согдиец.

- В том, что в основе всего лежит зло. Как я и предвидел, ты убрал Бесса. Теперь ты хочешь устранить Искендера. Для чего? Ответ прост: ты хочешь съесть юнана, чтобы он не съел тебя. Ты стремишься достичь благополучия за счет Искендера. Не так ли?

Спантамано возмутился. Этот полудохлый человек называет звериной грызней дело, в

котором он, потомок Сиавахша, видит цель своей жизни!

- Мудрец! - Спантамано сверкнул глазами. - В тот раз ты толковал о тиграх и буйволах. Если исходить в действиях из мыслей, подобных твоим, то остается или зарезать себя, или покорно подставить шею по зубы тигра: "Ты голоден, бедняга? Так съешь меня..." Нет, мудрец! Если уж на свете существуют две истины - истина тигра и истина буйвола, - я принимаю вторую. Я хочу жить. Чтобы тигр не сожрал меня, я распорю ему брюхо. Пусть не останется ни одного тигра. Пусть буйволы мирно пасутся на лугах. Вот моя высшая истина. И запомни: правда на моей стороне!

Согдиец резко повернулся и ушел. Датафарн проводил его долгим внимательным взглядом.

Весть о разгроме Фарнуха в одно мгновение облетела весь город и ворвалась во дворец Оробы. Старик заметался в страхе.

Ах! Разве он знал, что так получится? Кто бы мог подумать, что потомок Сиавахша одолеет юнанов? Неужели конец?

Надо спасти себя от Спантамано. Как? Ороба не спал до утра. Утром он призвал к себе самых преданных людей и отправил их к Искендеру.

Переодевшись кто жрецом, кто пастухом, кто мелким торговцем, посланцы Оробы нехоженными тропами поспешили на Восток, в Киресхату.

Затем Ороба собрал у себя бродяг, шатавшихся по базару Мараканды. Скопища голодных людей, отбившихся по разным причинам от своих общин, постоянно слонялись по рынку, высматривая и подбирая то, что плохо лежало. Ороба долго беседовал с тремя десятками угрюмых оборванцев. О чем шел разговор, не знала даже Зара. Под вечер, сытые и веселые, бродяги ушли из дворца, позвякивая серебром, и растворились в толпах мятежников. Они приседали у костров, осторожно вмешивались в споры. Били себя по бедрам. Произносили клятвы. Плакали. Оглядывались и... шептали.

Это была одна - тайная сторона дела, задуманного Оробой. Он позаботился и о другой. А вдруг Спантамано, упаси Охрамазда, успеет до прихода Искендера, отрубить Оробе голову? Надо выиграть время. Старик притворно раскаялся в своих неблагоприятных поступках и отправил "дорогому зятю" триста баранов. Но Спантамано от них отказался. Ороба встревожился и явился к Заре.

Он хорошо знал, что Спантамано без ума от его дочери. Знал он также, что и Зара любит этого беспутного человека. Уже через три дня после их ссоры женщина перестала обижаться на Спантамано. Потомок Сиавахша представлялся ей сейчас таким же ловким и веселым красавцем, каким он был в день их первой встречи. Она вспоминала его жаркие ласки, опять мысленно переживала проведенные с мужем отрадные ночи и сохла от горя.

Когда Спантамано уходил из Мараканды, она едва не последовала за его отрядом. А когда он так блестяще разгромил македонцев и снова объявился у стен города, она даже зарыдала от нетерпения - так ей хотелось увидеть своего милого супруга. И Зара, отбросив гордость, пошла бы к мужу с повинной, если бы не боялась отца. И вот он сам предстал перед нею, и по выражению его глаз она сразу догадалась, о чем он желает ей сказать.

- Ну, как ты? - спросил отец после некоторого колебания.

- Не могу больше! - вырвалось у Зары, и она ударила себя кулачком в грудь. - Тут ноет, покоя нет.

- Тоскуешь? - выговорил Ороба пересохшими губами. Зара отвернулась и закрыла лицо покрывалом.

- Да.

- Ну, что же, - пробормотал старик, криво улыбаясь. - Нехорошо, когда жена уходит от своего мужа. Я тебя не удерживаю, возвращайся.

Когда Зара, окруженная рабынями и телохранителями, явилась к шатру Спантамано, он полулежал на ковре и насвистывал свою любимую песню.

Не зная, как ее встретят, она замерла у порога и обратила на мужа взгляд своих покорных очей. Спантамано медленно приподнялся и, не веря себе, неподвижно сидел два или три мгновения. Нет, это все-таки Зара! Он мягко подпрыгнул, как барс, быстро подошел к жене, остановился и чуть слышно прошептал:

- Зара...

Волна - что там волна! - буря, ураган, целый смерч ликования закружился, забушевал в груди Спантамано. Он не знал, как выразить великую радость, которая его обуревала.

- Зара! - крикнул Спантамано во весь голос и, не помня себя, пустился в пляс - не плавный и медленный согдийский танец, а горячий пляс хорезмийцев, отчаянных и веселых людей.

Спантамано призвал к себе Баро и сказал ему:

- Хлеб на исходе. Поезжай в Наутаку, пошарь по хранилищам Оробы наскребется сколько-нибудь.

- В Наутаку? - Баро откинулся назад. Рот его широко раскрылся. Рука бессильно упала на кошму. - Почему в Наутаку?

Трудно было понять, обрадовало великана приказание Спантамано или огорчило. Может быть, Баро не хотелось, после того, что стряслось с женой, показываться в родной общине.

- Почему в Наутаку? А куда же? Тебя знают там. Народ поможет. Новый отряд собери, если удастся. Захвати быков, коз, овец - что подвернется. Через пять дней жду тебя здесь. Ступай.

- Ладно. - Баро тяжело поднялся и вышел из шатра.

Спустя день он добрался с тридцатью всадниками до Наутаки и направился к храму огня, где обычно собирались белобородые старейшины общины. Баро не думал, что сородичей так обрадует его появление. Дети рассыпались по улицам предместья, оповещая всех о приезде Баро. Сбежался народ. Старики и старухи чинно обнимали гостя, - общину связывали кровные узы, и каждый считал Баро своим внуком, племянником, братом или дядей.

- Наш Баро! - говорили женщины и мужчины.

- Смотрите, каким он стал молодцом!

- Большой человек теперь.

- Еще бы! Друг самого Спантамано.

- Но он не зазнался, не забыл нас. Смотрите, такой же приветливый, каким был раньше!

Баро скупно улыбался. Что ни говори, а хорошо среди своих. Пока во дворе храма жарился для гостей баран, Баро пригласил старейшин под навес и рассказал им, зачем приехал. Тишина. Потом один из старейшин подал голос:

Нам самим трудно приходится. Зерна нет, в хумах пусто. Но... мы должны помочь Спантамано. Не вешай головы, Баро, - поищем, найдем хоть немного... Так я говорю, братья?

- Надо выгрести пшеницу из хранилищ Оробы!

- И сами соберем, у кого что есть, - сыру, масла, топленого сала.

- Верно! До нового урожая недалеко, потерпим как-нибудь.

- Не беспокойся, Баро, с пустыми руками не уедешь!

- Хорошо, - кивнул Баро.

После угощения Баро взял трех воинов и поехал к дому родителей своей жены Манданы. Женщины, которой персы осквернили грудь. Весть о приезде Баро уже долетела до убогого жилища. Мандана стояла на пороге. Ни слова. Только огромные глаза скорбно глядят на Баро.

Он слез с коня. Воины отъехали. Они слышали о беде, приключившийся с женой Баро. И больно им было смотреть на этих двух несчастных людей. Мандана так и сжалась вся под сосредоточенным взглядом мужа. Она покорно склонилась перед Баро, готовая безропотно

принять как прощение, так и смерть.

Баро шагнул вперед. Он медленно опустил тяжелую руку на голову Манданы и неумело погладил ее темные пушистые волосы.

НАБЕГ ДЛИННЫХ ПИК

*"Вот идет народ из северной страны, многочисленный
люди встает от краев земных. Лук и дротик он держит. Жесток
он не сжалится! Голос его ревет, как море, он скачет на
конях, выстроен как один человек, на войну против тебя,
дочь Сиона!.. Не выходи в поле, не ступай по дороге, ибо
меч врага и ужас вокруг..."*

Иеремия, VI, 22-25

В руки осаждающих перешел почти весь город. Но замок, несмотря на все их старания, держался крепко. Правда, это было не так уж страшно македонцы, лишенные помощи Александра, рано или поздно сложили бы оружие. Опасность, как это ни дико, грозила Спантаману... со стороны собственного войска!

Однажды ночью, завершив обход, Спантамано вернулся во дворец, поручил телохранителям охрану дверей и направился один к Заре на женскую половину.

Наступило время полной луны. В созвездии Змееносца, на юге, сверкал Сатурн. Луна, огромная, круглая и ослепительно яркая, казалась, висела у самого окна. В прозрачных и холодных лучах блестели камешки во дворе, отчетливо, как днем, выступала каждая трещина на полу и стенах зала. Тени же по углам и у потолка чернели геометрическим сочетанием резких очерченных квадратов, прямоугольников и конусов. При таком свете нетрудно разобрать даже ломанные значки хитрого армейского письма.

Проходя по узкой боковой галерее, он увидел у открытого окна маленькую женскую фигуру.

- Кто это? - хмуро спросил Спантамано. Разглядев короткую, без рукавов, перепоясанную греческую тунику, он удивился. - Ты, Эгина?

- Я... - она посмотрела на него долгим взором и опять повернулась к окну с раскрытой деревянной решеткой.

Спантамано вспомнил Палланта, и ему стало жалко Эгину.

- О брате печалишься? - сказал он участливо. Эгина судорожно вздохнула, медленно и скорбно покачала головой и, вдруг, подняв лицо, так посмотрела на Спантаману, что у него пересохло во рту.

- Ты почему здесь? - Спантамано взял Эгину за плечо и ясно ощутил, как она встрепенулась. - Кого ждешь?

Она рванулась к нему, но тут же спохватилась и сникла. Мозг Спантаману озарило искрой изумления и догадки. Но в то мгновение, когда он хотел что-то сказать, Эгина, заметив тень на улице, отчаянно вскрикнула, сделала молниеносный поворот и бросилась на шею Спантаману. За ее спиной холодно мерцала тонкая и длинная тростинка. На конце тростинки с сухим шорохом трепетало оперение. За оградой, на той стороне улицы, какой-то человек с луком в руке пустился бежать возле домов и скрылся в переулке.

- Баро! - вскричал Спантаману. - Баро!..

Через минуту целая толпа телохранителей повалила наружу. Они обшарили близлежащие улицы и переулки, но убийца исчез. Спантаману уложил Эгину на ковер. Жрец Алингар

осторожно выдернул стрелу и пытался остановить кровь, но это не помогло.

- Помни... я любила тебя, согдиец - сказала Эгина. Она поцеловала руку Спантамано и умерла.

- Горе! - Спантамано переломил стрелу и оцепенел.

"Помни... я любила тебя, согдиец..." Она любила его! Эта стрела предназначалась ему, а досталась ей, потому что она любила его и закрыла его своим юным телом, так и не познавшим мужской ласки... Как он раньше не замечал ее привязанности? Поселившись во дворце Спантамано, она и на час не покидала своего раненого брата и заботилась, кажется, лишь о Паллантовом благе. И только иногда ощущал Спантамано на себе необъяснимый взгляд Эгины. Признаться, ему было не до того, чтобы докапываться до значения этих взглядов. Одно его задевало - та неприязнь, с которой, как он порою убеждался, следила сестра Палланта за красивой и гордой Зарой.

После гибели Палланта - ведь это он придумал хитрую ловушку для солдат Фарнуха - Эгина пропала куда-то; видимо, пряталась среди рабынь, томилась, грустила о Спантамано, а он ничего не видел, проклятый себялюбец! Гибель Эгины и ее предсмертные слова поразили Спантамано. О жизнь! Что ты такое! И кто ты, человек? И что значит любовь? Вот ходишь ты по земле, а рядом с тобою ходит кто-то, до кого тебе дела нет; а может, он как раз и нужен был тебе, его ты и искал весь свой век...

- Вижу, ты сильно убиваешься по этой гречанке, - набросилась на него Зара, когда слуги унесли тело Эгины.

Он посмотрел на жену холодно, почти враждебно, и резко ответил:

- Мне... человека жалко. Понимаешь?

С того дня в городе стало твориться неладное. Три отряда воинов из Бахара, Ярката и Маймурга, насчитывающих четыре тысячи луков, неожиданно прекратили осаду и, не спросив у Спантамано позволения, покинули Мараканду. Баро, Варахрана и жреца Алингара, посланных за ними вдогонку, чуть не зарезали. Так и разошлись три крупнейших отряда по своим округам.

Пока огорченный Спантамано ломал голову, пытаясь догадаться о причине, побудившей бахарцев, яркатцев и людей из Маймурга отколоться от войска, большинство дахов тоже приостановило осаду и принялось грабить окрестных жителей. Нахшебцы сидели без дела. Ремесленники перестали подчиняться Фраде, отцу Варахрана, и отказались изготовить оружие из бронзы, привезенной массагетами Рехмира. Абгарцы бродили по пригороду шумной ватагой и не признавали никого. Бактрийцы собирались в путь. На улицах стоял такой гам, словно завтра ожидалось светопреставление. Войско распадалось на глазах. Только пенджикентцы, сотня Ману и массагеты Рехмира продолжали обстреливать укрепление.

- Узнайте, какой дух одурманил всех этих людей, - приказал Спантамано телохранителям.

Баро, Варахран и Алингар долго толкались среди возбужденных и спорящих с утра до ночи воинов и принесли плохие известия. Войско одурманил Айшма, дух злобы, неповиновения и раздора. Кто-то пустил в ход клевету. Вот когда выползла из темных и вонючих нор мразь и грязь, вся эта шайка гнусно шамкающих бесполох старух, тупоголовых, жадных, завистливых и продажных купчишек, отвратительно каркающих идолопоклонников, мерзкое скопище людей, живущих лишь для себя и не совершивших ни одного доброго дела для других. Блеск лучистых глаз Спантамано не давал им покоя, приводил их в исступление, он как бы озарял и ясно оттенял их бесконечное ничтожество, их скудоумие, духовное убожество. И уж тут, когда в кои-то века им представилась возможность свободно злопыхать, они, прикрывая свою подлость громкими словами из священного писания учеников Заратуштры, не пожалели ни времени, ни сил, ни ядовитой слюны, чтобы обрызгать ею потомка солнцеликого Сиавахша. Даже те, кому Спантамано не делал и никогда не сделал бы зла, с наслаждением вливали свою долю помоев в

мутный поток клеветы - вливали только потому, что Спантамано бог отпустил больше, нежели этим людям. Даже благообразные старцы - старцы, умудренные опытом, вместо того, чтобы с гневом отвернуться от бесновавшихся лжецов, не удерживались от противных ухмылочек. Почему не похихикать, если можно похихикать? Таково могущество духа Айшмы.

- Кто-то распускает дурные слухи о тебе, - мрачно сказал Варахран.

- Дурные слухи? - Спантамано поразился. - А что говорят?

- Ну, разное говорят... Чеканщик отвел глаза. - Язык не поворачивается сказать.

- Выкладывай прямо!

- Рассказывают, будто ты подлый человек и не для того выдал Бесса юнанам, чтобы от персов нас избавить, а для того выдал, чтобы его сокровища захватить. Поэтому, говорят у тебя так много драгоценных камней.

- Да?

- Говорят, ты безумец, и жена покинула тебя, потому что ты волосы рвал ей на голове.

- Да?

- Утверждают, будто ты с утра до ночи куришь семена дикой конопли и поносишь Охрамазду. Говорят, ты продался Анхраману, поэтому и помогают тебе массагеты, дети черного дайва, враги честных зороастрийцев. - Да?

- Уверяют, что ты развратник и в Мараканде не осталось ни одной женщины, которую ты бы не обнимал, когда мужа нет дома.

- Да?

- Говорят, ты ненавидишь детей и убиваешь их, когда они попадают тебе на глаза. Ты, говорят, и отца своего убил, и мать, и первую жену. И еще говорят, будто ты никакой не потомок Сиаваша, - ты зачат не человеком, а одноглазым духом гор, и поэтому тебе нельзя быть царем Согдианы, так как она станет тогда обиталищем твоих нечистых родичей.

- Да?

- Но самое страшное, - сказал Баро, - то что люди утверждают, будто ты восстал не ради народа, а ради своего благополучия. Говорят, если мы тебя посадим на престол, ты нас же будешь обирать и обдирать не хуже перса.

- Да?

О Спантамано и прежде говорили много нелепостей. Он привык к вздорным слухам и относился к ним спокойно. Порою его даже забавляли и приятно тешили рассказы о необыкновенных похождениях потомка Сиаваша. Однако такой чудовищной клеветы он не слышал еще никогда.

Сокровища Бесса? Спантамано случайно нашел сумку с драгоценными камнями на улице осажденного македонцами Тигра. Вероятно, ее оборонил рогатый финикиец. Город пылал со всех сторон, падали стены, разваливались башни, проваливались крыши домов, сверху день и ночь сыпались ядра греческих баллист, и не диво, если кто-то в этом аду потерял свои сокровища.

Вырывает у Зары волосы? У Зары, без которой для него солнце - не солнце и луна не - луна? Невозможно! Курит семена дикой конопли? Никогда, от самого рождения, не держал во рту чубука! Обнимает чужих жен? О боже! Мало ли для этого девушек? Ненавидит детей? О, если бы знала Отана!.. Убил отца? Его убили персы. Мать? Спантамано носил ее на руках. Первую жену? Она простудилась и умерла. А что касается одноглазого духа гор, то это просто бред.

- И люди... верят? - прошептал он.

- Одни верят, другие нет.

- А вы... верите?

Варахран опустил голову и задумался. Баро нахмурил брови, и пересилив себя, твердо

сказал:

- Про отца, первую жену, детей, курение и все такое - один обман. Мы же знаем тебя. Но вот... для чего ты поднял восстание? Правда ли, что ты хочешь нашими руками добыть престол, а потом будешь над нами же измываться?

- Над кем?

- Надо мной, над Варахраном. Над народом.

- Ты и Варахран - это народ?

- А кто же? Народ - это мы. Тысячи Варахранов и тысячи Баро. Отвечай прямо, Спантамано, - наступил день, когда должна решиться твоя и наша судьба. Если ты задумал против народа недоброе дело, он покинет тебя.

Спантамано удивленно глядел на Баро. Он оказался неглупым человеком, этот простой наутакец. И во всех его движениях сквозила мощь, какой не было у Спантамано. Если бы его сейчас решили схватить, потомок Сиавахша не нашел бы силы даже вынуть нож.

"Народ..." Спантамано прежде не задумывался над этим словом. Были жрецы. Воины. Торговцы. Ремесленники. Пахари. Пастухи. И он был равнодушен ко всем, так как ему хватало своих забот.

Но чем дальше двигался согдиец по Троне Жизни, тем чаще ему приходилось сталкиваться с тысячами разных людей. Он не искал этих встреч. Народ сам находил его. Народ сделал его своим вождем, когда бузурганы отвернулись от потомка Сиавахша. И сейчас все его благополучие зависит от этих усталых и плохо одетых людей, которые гордо именуют себя Народом. Народ несет его на себе, как несет волна быстроходную, но неустойчивую лодку, и стоит ему сорваться с гребня волны, как он камнем пойдет ко дну. В этом он убедился сегодня. Стоило Народу отвернуться от Спантамано, и потомок Сиавахша превратился в ничто.

Спантамано усиленно потирает свой лоб горячим кулаком. Мысли путаются в голове, затылок ломит о боли - ведь молодому потомку Сиавахша еще не приходилось размышлять о таких сложных вещах. Он понимает - не сердцем, а разумом понимает, - что без Народа ему конец. Как обычно в трудную минуту, Спантамано жадно выпивает чашу вина, - вот привычка, грозящая, кажется, стать его действительно существующей порочной склонностью. Но клеветник умолчал, забыл или не знал о ней, - в этом сказалось одно из свойств клеветы.

- Как мне ответить? - Спантамано вздыхает, глубоко и тяжело. - Скажу прямо: там, а Наутаке, борясь против Бесса, я не думал о народе. Спантамано хотел стать царем. После того, как вы заставили меня выдать Бесса юнанам - да, Баро, твой отец заставил меня это сделать, - я как-то... ближе увидел вас, почувствовал к вам уважение... Но и тогда еще не ломал себе голову, как буду к вам относиться, когда стану повелителем. Я мечтал освободить Согдиану от врага, - вот и все. Ну что мне сказать? Спантамано вздыхает еще раз. - Я састар. Мне тяжело порывать с кастой. Я люблю свой род. Но еще сильнее люблю Согдиану - страну моих и ваших отцов, страну людей, говорящих на одном языке, поющих одни песни и одевающихся в хитоны одного покроя. Поэтому... (Спантамано задумывается и долго молчит, потом отбрасывает колебания и решается). Поэтому я на стороне тех, кто борется за освобождение Согдианы. Састары и бузурганы предали наше дело. (Голос потомка Сиавахша крепнет). И они стали мне врагами. Вы поддерживаете меня. (Лицо Спантамано проясняется). И вы стали мне братьями. Я вижу: мне не ступить и шагу без народа. Мой хлеб - ваш хлеб. Моя вода - ваша вода. Клянусь богиней Анахитой (Спантамано встает и торжественно поднимает над головой терракотовое изображение нагой женщины), что никогда не изменю делу народа!

Он закатывает правый рукав хитона, вынимает кинжал и делает на коже надрез. В кубок, подставленный ликующим Варахраном, падают капли алой крови. Затем надрезают руки Варахран и Баро. Спантамано, бормоча заклинания, доликает кубок вином. Все трое по очереди

выпивают. Затем побратимы обнимаются и выходят из дворца к Народу.

Имя Спантамано очищено от клеветы.

Но было уже поздно. Ороба сделал свое дело. Половина людей разошлась по рустакам. Спантамано послал за ними гонцов, однако отряды не успели вернуться под стены Мараканды. Стало известно: от Киресхаты быстро движется войско Искендера.

Спантамано созвал на совет предводителей конных и пеших сотен. Спорили недолго. Нечего и думать о том, чтобы дать Искендеру сражение под Маракандой. На открытом месте македонцы разобьют малочисленных и плохо вооруженных согдийцев. Совет решил отступить за Намик и опять устроить врагам ловушку в труднопроходимых зарослях. Отряды быстро снялись с места и стали уходить из города к реке.

- Зайдем к Оробе, попросимся, - сказал Спантамано побратиму Варахрану. - Клевету распустил он, и я хочу посмотреть на его черный язык, прежде чем отрезать.

С толпой массагетов они ворвались во дворец Оробы. Но подлый старик, опасаясь мести, бежал еще рано утром. Массагеты разогнали перепуганных слуг и подожгли обиталище предателя. День был знойный, сухие деревянные части строения дружно занялись огнем.

Спантамано направился к жене и сказал ей с горькой усмешкой:

- Не остаться ли тебе в Мараканде? Будет трудно. Твои тонкие одежды быстро износятся среди зарослей лоха. Соглашайся!

Он не хотел бы, конечно, расставаться с Зарой. Но любовь к ней отравляло сознание, что Зара - дочь ненавистного человека. Кто знает, может, отец послал ее в лагерь повстанцев, чтоб тайно вредить? Спантамано чувствовал: он не прав, - но кого не подозревает оскорбленный честолюбец?

Зара не знала о проделках отца, поэтому не понимала состояния мужа. Почему он предлагает ей остаться? Почему в его глазах нежность попеременно сменяется злобой? Неужели Спантамано охладел к своей Заре? Женщина потеряла голову и расплакалась.

Спантамано растрогался, бросился ее обнимать и целовать, затем бережно посадил на коня - колеснице по зарослям не проехать. Перед закатом солнца Спантамано и его жена, окруженные толпой пенджикентцев, дахов и массагетов Рехмира, переправились через Зарафшан и скрылись в чаще.

Получив от Оробы известие о разгроме Фарнуха, Александр пришел в неистовую ярость.

Он оставил в Александрии Эсхате крупный отряд, взял половину гетайров, всех щитоносцев, стрелков Балакра, агриан и самых легких из фаланги, покрыл за три дня тысячу пятьсот стадиев и на четвертый день, с рассветом, подступил к стенам замершей от страха Мараканды.

Царь недолго пробыл в столице. Казнив не успевших бежать городских жителей, строго наказав несчастного Фарнуха и обласкав счастливого Оробу, сын бога Аммона бросился по пятам Спантамано.

Длинные Пики достигли места, где согдийцы уничтожили лучшую часть македонского войска. Александр наскоро похоронил убитых и обратил все помыслы на то, чтобы найти, окружить и истребить отряд Спантамано.

Согдийцы и массагеты засели где-то в дебрях, и добраться до них было не легко. Тот, кто добрался, так и оставался там, в гуще диких зарослей. Длинные Пики повсюду натыкались на засады.

Александр метался вдоль Политимета, его приводило в бешенство собственное бессилие. Конница гетайров и фаланга пеших сариссафоров тут бесполезны, негде развернуться и легкой пехоте. Ничто не возьмет согдийцев, пока они за рекой. Разве что огонь. Огонь!

Сын бога Аммона приказал четырем отрядам легкой пехоты обойти необозримую пойму с

востока и севера и поджечь кустарник. Чаша запылала. С гор как раз подул ветер, и пожар покотился по широкой пойме громадным огненным валом.

Ярко горела сухая трава. Трещал тростник. Лопались от жара ветви нежных ив. Свертывалась и тлела сочная листва тополей. Золотисто-красные длиннохвостые фазаны стаями вырывались из-под кустов и, шумно хлопая крыльями, пропадали в клубах рыжего от солнечных лучей густого дыма. Проносились по звериным тропам охваченные страхом шакалы. Размашистым шагом уходили от огня стройные олени. С ревом выскакивали на берега речных протоков полосатые тигры и пятнистые леопарды. Стада диких свиней сокрушали все, что попадало под клыки и копыта. Вскоре пойма обратилась в громадное огненное озеро, и за дымом не стало видно солнца.

Где же Спантамано? Почему он не выходит из пылающих зарослей навстречу македонцам? Неужели он так боится Искендера, что предпочитает сгореть? Нет, вот повстанцы уже показались на берегу. Они задыхаются от едкого дыма. Их одежда горит. Их ладони обожжены. Лица почернели от копоти. Они кричат от злобы. Руки их стискивают кинжалы.

Удар! Отряд легких пехотинцев, стерегущих переправу, уничтожен. Удар! Отряд щитоносцев смят и рассеян... Удар! Гоплиты бегут, не устояв перед натиском обезумевших людей... Скорей на северо-запад! Уйти опять в заросли. Снова через реку. И по правому берегу - до Красных Песков. А там - пустыня, и там - спасение.

Две тысячи воинов потерял потомок Сиавахша в этой битве, и среди них были Фрада и Ману, отцы его самых преданных соратников Варахрана и Баро. Спантамано поручил Зару сотню пенджикентцев и отправил их вперед, а сам с массагетами отстал, чтобы сдерживать напор Длинных Пик. Варахран, глубоко опечаленный смертью отца, вел ремесленников справа от Спантамано. Мрачный Баро во главе селян двигался слева.

Отряд легких вражеских конников настиг отступающих повстанцев у новой переправы. Спантамано устроил засаду. Македонцы не решились идти наугад и остановились, чтобы подождать Александра и гетайров. Пока они топтались на месте, Варахран и Баро пересекли Намик, а Спантамано и Рехмир незаметно окружили македонцев и перестреляли половину отряда. Остальные пустились наутек. Спантамано воспользовался замешательством неприятеля и быстро двинулся на северо-запад.

Узнав о новой стычке, Александр дал гетайрам короткий отдых и затем во весь опор помчался за Спантамано. Он догнал его на краю Красных Песков и загородил дорогу со всех сторон.

- Братья, Искендер отрезал путь, - сказал Спантамано согдийцам и дахам, бактрийцам и массагетам. - Ваша жизнь - в мечях, которые вы сжимаете руками. Сразимся, и да сбудется предназначение богов!

Завязался бой. Спантамано увидел издали македонца в шлеме, украшенном крутыми рогами барана.

- Привет, Искендер! - задорно крикнул согдиец, натягивая тетиву лука. - На тебе подарок от меня!

Александр вскрикнул. Правую руку македонца, ниже плеча, ужалила бронзовая стрела. Птолемейос Лаг быстро выдернул стрелу и хотел перевязать рану, однако разъяренный сын бога Аммона крепче стиснул сариссу и погнал коня прямо на Спантамано. Тут Баро замахнулся на него тяжелой секирой. Фердикка отклонил удар, подставив щит... Секира косо обрушилась на шлем Александра и отрубила правый рог... а сарисса пронзила вместо Спантамано массагета Рехмира.

И Рехмир умер. Умерли еще три тысячи согдийцев. Гибли дахи, бактрийцы, массагеты. Спантамано во главе четырехсот массагетов и трех десятков бактрийцев и дахов прорвал

окружение и скрылся в пустыне. За одиноким курганом он соединился с пенджикентцами, не принимавшими участия в битве, и помчался дальше.

Долго скакал отряд Спантамано по кочевым тропам, путая следы, и остановился только вечером, далеко от оазиса, у пастушеских колодцев. Спешились. Варахран и Баро бережно сняли Зару с коня. Она сделала шаг и застонала. Если б не крепкие руки сопровождающих, Зара тут же упала б на песок. Бешеная скачка утомила женщину, привыкшую нежиться на мягких коврах.

Пока массагеты поили коней, пенджикентцы разбили палатку для Спантамано. Загорелись костры. Зашипело на углях мясо баранов, купленных у пастухов, раскинувших возле колодцев свой лагерь.

Спантамано молча посмотрел на Зару. Одежда висела на ней рваными лоскутами. Лицо потемнело от пыли. Стискивая от боли свои ровные белые зубы, она добрела до переметной сумы, достала серебряное зеркало, поглядела в него и ахнула...

Варахран поставил на кошму, разостланную прямо на песке, бронзовое блюдо с полусырым обгорелым мясом. Зара взяла кусок и поднесла ко рту, но отвращение пересилило голод. Женщина выронила кусок, упала на кошму и зарыдала.

- Я говорил: оставайся в Мараканде, - грустно прошептал Спантамано, проводя ладонью по пышным, но запылившимся волосам жены.

- Уйдем! - воскликнула Зара, обхватив шею Спантамано.

- Куда?

- В Мараканду. Мне тут страшно. Подумай, что ждет нас у массагетов! Песок. Дым костров. Грубые люди. Уйдем! Сдайся Искендеру по доброй воле, и он тебе ничего не сделает...

- Эх! - Спантамано вздохнул. - Зачем ты так? Лучше отдыхай. Утром опять на коней.

И он подумал: будь на месте Зары юная Эгина, она не плакала бы и не звала домой.

Пустыня. Александр не осмеливается переступить рубеж, за которым подстерегает неизвестность.

Далеко тянется пустыня. Что ожидает Александра в глубине необъятных бесплодных пространств? Невыносимый зной, песчаные бури, обманчивые видения. Шипы искривленных ветром, иссушенных зноем кустарников, нелепо раскинувшихся по склонам пологих дюн. Зубы ползучих гадюк - серой гадюки, ее неуклюжей, но опасной сестры гюрзы, длинной проворной кобры и маленькой невзрачной эфы - самой страшной из ядовитых змей. Жала скорпионов мерзких корявых существ гнояного цвета, еще более отвратительных мохнатоногих фаланг и знаменитых черных пауков. Любую из этих гнусных тварей можно убить одним ударом палки. И можно умереть от одного укуса любой из этих тварей. Пустыня угрожающе глядит на Александра, и сын бога Аммона поворачивает назад.

Царь останавливается на вершине одного из бугров, являющихся продолжением горного хребта, который отделяет Согдиану от Красных Песков. Напротив синеют другие горы, а по сторонам, уходя слева направо, пролегает долина Политимета. Она начинается где-то далеко на востоке, среди неприступных скал, и теряется где-то на западе, за Бахаром. Согдиана. Долина Золотоносной Реки. Блестят на солнце прямые каналы. Темными массивами виднеются сады. Расстилаются ровные поля. Маячат башни селений.

Сын бога Аммона с изумлением взирает на эту крохотную страну. Он захватил половину мира, но нигде не сталкивался с таким неукротимым племенем, как согдийцы. Пали стены великих городов. Рухнули устои могущественных держав. Повелители миллионов людей покорно склонили головы перед сыном бога Аммона. Но кучка голодных азиатов, обитающих в долине, где трудно повернуться... она сопротивляется и наносит мощные удары знаменитому полководцу, не знавшему прежде ни одного поражения.

Что это за люди? О чем они думают? Что они знают? Чего они хотят? Из чего сделаны их сердца?

Когда-то Аристотель говорил юному царю: "Варвар и раб понятия тождественные, для него быть рабом и полезно, и справедливо..." В каждом азиате Александр видел раба. Он желал одного - чтобы раб хорошо трудился.

Но пришло время, и люди, которых он считал рабами, встали перед ним во весь рост. Они глядят ему прямо в глаза. И сын бога Аммона не понимает их взгляда. Так смотрел на него Сфинкс в стране пирамид.

И загадочный взгляд народа смущает Александра. Ему и раньше приходилось испытывать чувство страха. Он боялся за свое государство. Боялся за своих воинов. Боялся за судьбу своих замыслов. Но впервые в жизни он боится как простой человек!

Александр содрогается. Он забывает о государстве. Забывает о господстве над миром. В его ушах не звучит уже песня жреца из Кабуры. Бог исчез, остался жалкий смертный - человек с одной головой, двумя руками и двумя ногами, как у всех, и этот смертный трепещет, словно его шею уже коснулся нож азиата. Долина Золотоносной Реки становится Долиной Страха. Душа Александра потрясена. И он понимает - ему больше никогда не воспарить к тем божественным высотам, с которых он сейчас низринул. Для других он останется сыном бога Аммона. Но для себя он отныне и до конца дней своих будет обыкновенным македонцем из Пеллы.

Тщетно силится Александр снова разжечь в себе искру величия. Она безнадежно погасла. И его охватывает дикая злоба против народа, чей загадочный взгляд затушил в его сердце священное пламя. Так пусть же долина Золотоносной Реки будет Долиной Страха и для самих азиатов!

- О, Кера, богиня смерти! - хрипит македонец, протянув ладони вперед. - Я обрекаю эту страну на гибель.

Отряды Длинных Пик тремя потоками вливаются в Долину Зарафшана.

- Разрушайте!

- Жгите!

- Насилуйте!

- Убивайте!

Таков приказ Александра. Длинные Пики подступают к селениям, устанавливают осадные орудия и ливнем ядер, дротиков, свинцовых шаров и стрел сметаю со стен и башен защитников. Потом разбивают тараном ворота, врываются внутрь и, засучив рукава, режут каждого встречного - белобородых стариков, дряхлых старух, беременных женщин, стройных юношей, цветущих девушек и слабых детей.

Истребив жителей, Длинные Пики открывают загоны и выводят наружу лошадей, верблюдов, ослов, коров, коз и овец. Затем обшаривают дома и выносят одежду, обувь, посуду, выволакивают ковры, тащат огромные глиняные корчаги, полные риса, пшеницы, ячменя, проса, вина и масла. Все это погружается на захваченных тут же выючных животных. Очистив поселение, Длинные Пики поджигают его со всех сторон и направляются к следующему деху.

Позади клубится густой дым, но никто не оборачивается. По пути Длинные Пики вытаптывают посева, вырубает сады, разрушают плотины, и бурная вода размывает берега каналов и заливают поля.

- Разрушайте!

- Жгите!

- Насилуйте!

- Убивайте!

И македонцы разрушают, жгут, насилуют, убивают. От Мараканды до Бахара горит

Согдиана. Руки Длинных Пик чернеют от запекшейся крови. В их лица вьелся дым пожаров. Их тошнит от запаха крови, по ночам их мучают жуткие сновидения, но они все убивают и убивают, ибо таков приказ Александра.

- Разрушайте!

- Жгите!

- Насилуйте!

- Убивайте!

- Нет! - кричит Феаген и ломает пику. - Я не мясник, я воин, говорит марафонец своему начальнику Кратеру, - не дело воину убивать невинных детей.

- Тебе своей головы не жалко? - изумляется Кратер.

- Делайте, что хотите! - отвечает Феаген. - Но сражаться за Александра я больше не стану.

Все, Феаген. Конец. Он вспомнил тот холодный зимний день, когда бродил по улицам Пирея и Афин в поисках хлеба. Тот день, когда он поступил в наемный отряд Эригия. Как давно это было! Лучше бы он умер в тот проклятый день! Не пришлось бы ему столько лет таскаться по чужим странам. Хватит! Он болен. Его отравила кровь. Изо дня в день накапливалась в сердце ненависть. Лютая ненависть. И вот она перехлестнула через край. Пусть терпит тот, кто страшится расправы. Феаген утратил чувство страха. На беду себе. И пусть! С него довольно. Жаль, больше никогда не увидит ему Ирины и сына Марилада. Но теперь поздно о чем-либо сожалеть...

Его хватают и волокут к царю. Э, да это тот самый негодяй, что дурно отзывался о царе перед битвой у Гавгамел? Ах, это тот самый мерзавец, который допекал Александра на совете под Киресхатой? Вот когда наступило время расправиться с тобой! Эй, Певкест! Является Певкест, и Феаген падает на землю с перерезанным горлом. Так завершил свой жизненный путь некто Феаген, грек из Марафона.

Пал Бахар. Все дальше, до тех пор, пока Политимет не иссякнет среди знойных песков, продвигаются Длинные Пики.

Позади Согдиана. Позади сто двадцать тысяч убитых согдийцев. Кто узнает теперь долину Золотоносной Реки? Она не ярко-зеленая, как весной, не голубая, как летом, не золотистая, как осенью, не белая, как зимой, она вся, до самого горизонта, черна как ночь. Пепел покрывает землю сплошным пушистым ковром. Там и сям торчат стволы обуглившихся деревьев. И только река и ее протоки медленно, как змеи, извиваются по низине, тускло поблескивая чешуей желтоватых волн.

Нигде ни человека, ни даже птицы. Это царство Аида. Это Долина Страха.

- Ну, что ты теперь скажешь, мудрец? - гневно спросил Спантамано у перса Датафарна, узнав о гибели ста двадцати тысяч соплеменников. - Какое дело я совершу - доброе или злое, если убью в отместку сто двадцать тысяч воинов Искендера?

Датафарн посмотрел прямо в глаза согдийца и твердо сказал:

- Ты совершил доброе дело, мой брат.

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЛЕОПАРД НА ОХОТЕ

В КРАСНЫХ ПЕСКАХ

О массагетах говорят, что часть их живет в горах, часть - на равнинах, третьи занимают болота, образуемые реками, четвертые - острова на этих болотах. Богом считают они только солнце, которому приносят в жертву лошадей.

Страбон XI, 1, 6-7

Слово Клитарха.

"Так как наступил месяц восхождения повелительницы бурь звезды Арктур и пришли осенние холода, то Александр, сын бога Аммона, решил провести зиму на теплом юге. Он направился к Бактре, оставив под рукою Певколая в Мараканде всего три тысячи пеших воинов, - повстанцы смирились, мятежника Спитамена и след простыл, поэтому царь не опасался нового бунта.

В Бактре нас ожидало радостное известие - из Эллады прибыло крупное пополнение, состоящее из греческих наемников, возглавляемых Неархом. Это укрепило дух воинов, утомленных походом на Киресхату.

Блестящие победы несравненного Александра привлекают к нему сердца повелителей отдаленных народов. Посланцы скифов, обитающих по ту сторону Понта Эвксинского, привезли ценные дары и предложили сыну бога Аммона военный союз и руку их прекрасной царевны. Бактру посетил и Фаразман, владыка хорезмийцев. С ним явилось полторы тысячи конных людей. Фаразман сообщил, что его владения граничат со страной амазонок и колхов и обещал помочь хлебом и проводниками, если Александр пожелает воевать с этими племенами. Властелин мира богато одарил скифов и хорезмийцев и ответил, что примет их предложения после похода в Индию.

Вскоре в Бактре состоялся совет видных старейшин. За убийство Дария Кодомана его родич Бесс был приговорен к смертной казни. Ему отрезали нос и кончики ушей, потом отрубили голову и разрубили тело на части. На том же совете Александр назначил сатрапов для управления покоренными округами. Они получили те же права, что и персидские страны, однако им запрещено чеканить монету и держать наемное войско.

Правителем благословенной Согдианы, доставшейся нам такой дорогой ценой, стал Ороба..."

Зима на горе кочевникам, пришла в этом году рано. Из Страны Мрака день и ночь дул ветер, и в его резких порывах чувствовалось дыхание необозримых ледяных пространств. Потом выпало столько снега, что даже престарелые массагеты беспомощно разводили руками и с утра до вечера бормотали заклинания. Однако заклинания не помогли. Ударили морозы. Пустыня обледенела.

Основа благополучия кочевого массагета - скот. Скот летом и зимой содержится на подножном корму. Зимой лошади разгребают сугробы и обнажают редкую траву, - она и составляет их пищу. За ними идут верблюды, коровы, овцы. Так продолжается до весны, когда стаивает снег и земля, прогретая солнцем, набрасывает на себя покрывало из тюльпанов и сочных трав.

Но тот пласт затвердевшего снега, тот звонкий ледяной панцирь, в который пустыня оделась нынешней зимой, не пробивало даже копыто коня.

Раньше, когда выпадала суровая зима, кочевники уходили на юг, за Окс, к Мургабу и даже в

Гиркан, где не бывает снега. Но сейчас дорога на юг отрезана. Все пространство от Гирдканского моря до Бактры и Киресхаты захватили юнаны. По всем тропам шатаются их конные дозоры. Два или три кочевых рода попытались перейти через Окс, однако их остановили македонцы. Скот забрали, людей продали в рабство. После этого уже никто не осмеливался тронуться к дальним кочевьям. Да и что ждало их там, если б люди и добрались до Мургаба обходным путем? Македонцы. Повсюду македонцы.

Голод. Таяли горбы верблюдов. Лошади глодали твердые, как бронза, ветви голого саксаула, жевали собственный кал и отгрызали друг другу хвосты. Гибли коровы. Замерзали овцы. Люди ели их мясо и с тоской думали о том, сколько животных сохранится до весны.

Спантамано - худой, желтый, обросший рыжеватой бородой, сидел, скрестив ноги и закутавшись в мохнатую шубу, в палатке у огня и казался человеком, только сейчас выпущенным из темницы.

Пламя, то взметавшееся кверху, то колеблющееся в разные стороны, напоминало согдийцу пожар в пойме Зарафшана, когда Спантамано едва не погиб среди зарослей.

И еще ему чудился пожар, которого он не видел, но о котором слышал много раз - пожар, обративший долину Золотоносной Реки в Долину Страха.

Зачем он последовал тогда за отрядом Дейоки? Будь он в Согдиане, Искендер не посмел бы так бесчинствовать. Впрочем, что б сделал Спантамано с сотней пенджикентцев, бактрийцев и дахов против десятков тысяч юнанов? Пропал бы напрасно, да и только. Один раз удалось уйти от Искендера. Но удастся ли во второй раз? Искендер не пожалеет половины войска, лишь бы избавиться от беспокойного потомка Сиаваша. Значит, Спантамано хорошо сделал, что укрылся у Дейоки.

Хорошо сделал? А как же Согдиана? Как она без него, Спантамано? И кто он, Спантамано, без Согдианы. Пусть среди массагетов, далеко от Мараканды, безопасно, но зато и до цели далеко - до цели, к которой он так упорно стремился столько лет.

Мысли, точно струи разноцветного дыма, свивались, путались в мозгу Спантамано. От этого мутилась и тяжелела голова, беспрестанно, днями и ночами, ныло внутри, около сердца. Не раз, доведенный до отчаяния, Спантамано призывал Дейоку и требовал людей для похода. Но массагет всякий раз отвечал коротко и учтиво: "Зима..." И впрямь, какой смысл выступать зимой? Спантамано приходилось коротать время за вином или игрой в кости. Весна! Когда ты придешь, будь ты проклята?..

Дверной полог распахнулся. В шатер ворвался пронизывающий ветер. Пламя бешено закрутилось, и рой крупных искр взвихрился кверху. Вошел Дейока. Он плотно запахнул полог, кивнул Спантамано, присел у костра на корточки и протянул к огню красные замерзшие ладони. Наушники его войлочного шлема были застегнуты под подбородком. Ворот шубы поднят. На усах таял иней.

- Как дела? - Дейока заискивающе улыбнулся потомку Сиаваша. - Не холодно? Дрова есть? Мяса хватает? Я велю, чтобы принесли, если мало.

- Благодарение тебе, - сухо ответил Спантамано. - Всего достаточно.

Он кинул на Дейоку косой взгляд. Массагет быстро опустил красные бегающие глаза. Дейока совсем не походил на своего погибшего отца. Рехмир был прямодушный, бескорыстный человек. У него сохранилось многое от тех времен, когда народ пустыни еще не разделялся на бедных и богатых и каждый член рода получал равную долю из плодов общего труда. Дейока же без конца хвастался принадлежащими ему огромными стадами, завистливо рассказывал о сокровище хорезмийского царя Фаразмана и однажды завел со Спантамано осторожный разговор о Бессе, у которого будто бы кто-то украл сумку с дорогими самоцветами.

Этот слюнявый человек своими ухватками, словечками и блудливыми глазами напоминал

Оробу, И Спантамано сразу возненавидел Дейоку. Но согдийцу приходилось его терпеть. И не только из уважения к памяти Рехмира. Ведь не кто-нибудь другой, а Дейока приютил и обогрел бездомного потомка Сиавахша.

- Ай! Совсем забыл. - Дейока всплеснул руками и сладко улыбнулся Заре, сидящей по ту сторону костра. - Видел купцов из Хорезма. Говорят, Искендер назначил твоего отца сатрапом Согдианы.

Зара слабо вскрикнула. Спантамано отшатнулся и скривился от боли, словно его ударили бичом по лицу. Дейока заторопился и открыл полог.

- Ну, я пойду. Будет надо - позовите.

Он исчез. Но его тень как бы еще присутствовала в шатре, падая на двух людей, по-разному воспринявших принесенное им известие.

- Спанта! - Зара поднялась и подошла к мужу. На ней были меховые штаны и меховая куртка - обычный наряд массагеток зимой. Никто б не поверил, что еще недавно она считалась первой женщиной Согдианы. Ей пришлось бросить свои роскошные одежды, - они только помеха в этой стране изнуряюще знойных или обжигающе студеной ветров, колючих трав, ядовитых кустарников и сыпучего песка. Волосы она умащивала теперь не благоухающим розовым маслом, а кислым молоком, поэтому они потеряли пышность и аромат. Глаза слезились от едкого дыма очага. В кожу лица въелась копоть зимних костров. Руки огрубели от грязи и ледяной воды.

- Чего тебе? - холодно спросил Спантамано. С каждым днем росла между ними пропасть, - та, что была в Наутаке еще незаметной трещинкой. Трудно сказать, осталась ли у Зары хоть искра любви. Пожалуй, чувство ее превратилось в обычную привязанность женщины к мужу и хозяину. Но под действием воющего снаружи ветра и эта теплая росинка постепенно остывала и заметно превращалась в ледяной шарик. А Спантамано? Он убедился, что глаза жены проясняются тогда, когда дела у него идут хорошо, и тускнеют, когда дела идут плохо. Это открытие оскорбило самолюбивого потомка Сиавахша. Он хотел, чтобы Зара любила его - именно его, а не те блага, которые она от него получает. Супруги хмурились все чаще и чаще, разговаривали друг с другом все реже и реже.

- Слушай, Спанта! - Говоря, она не глядела на мужа. - Я знаю: мои слова не понравятся. Но... пусть! Все равно скажу! Мне все надоело. Пустыня. Грязные массагеты. Дырявый шатер. Горелое мясо... Все! Зара не привыкла к подобной жизни. Она хочет прежней... там, во дворце.

- Хм... - Потомок Сиавахша усмехнулся. - И Спантамано надоел?

- Не ты - упрямство твое. Посмотри сюда! Какой стала Зара? Тебе не жалко меня?

- И ты сюда посмотри! - воскликнул Спантамано раздраженно. - Разве мне легко? Еще хуже, чем тебе. Но я терплю, так как этого требует дело. Почему же ты не хочешь терпеть?

- Какое дело? - Зара повысила голос до визга. - Глупец! И этот несчастный бродяга мечтает о победе над войском Искендера! Ничего не выйдет у тебя. Говорю еще раз: иди, сдайся Зулькарнейну, пока не поздно! Неужели мне, дочери сатрапа, придется до конца своих дней скитаться в пустыне?

Женщина обхватила голову темными ладонями и, стиснув зубы, злыми глазами уставилась на огонь. Пустыня иссушила сердце Зары. Она не могла больше плакать.

- Ничего не выйдет? - переспросил Спантамано с горечью. - И так говорит самый дорогой для меня человек! Что же, если не выйдет? Ведь я останусь, как был Спантамано. Не все ли равно тебе, сатрап Спантамано или бродяга, раз он твой муж, а ты его жена? Если боги определяют нам скитаться всю жизнь по пустыне, будем скитаться. Если боги дадут нам царство, будем царствовать. Сегодня мы ничто, завтра - все; но мужем и женой мы должны оставаться и сегодня и завтра - всегда.

Зара презрительно фыркнула. Спантамано безнадежно махнул рукой.

- Вижу: ты не образумишься. Знай одно - я не стану целовать Искендеру пятки, как твой отец. Никогда.

- Тут четыреста золотых, Тигран. Отправляйся вниз по Вахшу. Из Хорезма доберись до страны массагетов. Узнай, где скрывается проклятый Спантамано. На глаза ему не попадайся. Тайно передай этот свиток Заре. Понял ты меня?

- Да, Ороба.

Через месяц после этого короткого, но важного разговора в Красных Песках появился караван хорезмийских купцов. Под охраной наемных воинов он передвигался от кочевья к кочевью, и верблюды ревели под грузом, увеличивающимся на каждой остановке.

Между хорезмийцами находился человек, который охотно таскался среди массагетов и предлагал им такие безделицы, что их никто не покупал. Но торговец не огорчался. Шуба поверх короткой, туго перепоясанной куртки, широкие кожаные шаровары, высокие сапоги и трехрогая войлочная шапка придавали ему вид настоящего хорезмийца. И все же он не был жителем Хорезма. Он отличался от горбоносых, толстогубых купцов сухим лицом, светлыми глазами и длинной бородой, очень похожей на согдийскую.

Когда караван добрался до лагеря Дейоки, странный купец явился к молодому вождю и приветствовал его, как старого друга:

- Как дела, Дейока?

- Откуда тебе известно мое имя? - изумился массагет. Купец мог спросить его имя у хорезмийских торговцев, знавших почти всех старейшин этого края, или просто у любого кочевника, попавшегося на дороге, но Дейока об этом не догадался.

- Кому не известно имя такого богатого человека, как сын Рехмира? изумился и купец. При этих словах польщенный Дейока выпятил живот. - Ведь у тебя гостит Зара, дочь сатрапа Оробы? - продолжал незнакомец.

Дейока от неожиданности подскочил на месте.

- Кто тебе сказал? - Он замахал руками. - Нет! Никакой Зары не знаю...

- Ну не отказывайся! - купец усмехнулся. - От кого скрываешь? Она у тебя.

Купец говорил такие же слова каждому родовому старейшине. Но Дейока об этом и не подозревал. Он вообразил, будто гость и впрямь знает, что Зара нашла приют у него. Как быть?

- Ты не беспокойся. - Купец убедился, что попал в цель. - Я торговец из Согдианы. Когда мой караван отправлялся в Хорезм, отец Зары попросил меня передать ей весть о себе. Ну, как она - жива, здорова?

Массагет колебался. Признаться? А Спантамано? Потомок Сиавахша велел ему никому не открывать, где он прячется.

- Ну? - поощрял Дейоку купец. - У тебя она или нет? Говори правду. Ороба доверил мне сто золотых, чтоб я вручил их как дар тому человеку, который приютил его дитя...

И купец выложил перед ошеломленным Дейокой сто звонких сияющих монет. "Это золото по праву причитается мне, - соображал Дейока. - Приютил я Зару или нет? Приютил. Но Спантамано... А! Ведь купец о нем не спрашивает. Он спрашивает о Заре. Значит, ему нет никакого дела до Спантамано. Ничего плохого не будет". И Дейока, ослепленный сверканием золота, признался:

- Да, Зара среди нас.

И опять не подумал, что тому, кто ищет мужа, порою достаточно узнать, где находится жена.

- Благодарение тебе, - облегченно вздохнул купец. - Бери свое золото, а этот свиток передай Заре. Пусть напишет отцу хоть слово. Тогда Ороба уверится, что я честно выполнил поручение.

А я пока погреюсь у костра.

- Хорошо. - Дейока трясущимися руками собрал золото. - Я приду сейчас.

Он спрятал сумку за пазуху и вышел. Как передать свиток Заре, чтоб не увидел Спантамано? Дейока вспомнил холодный взгляд согдийца и поежился. Казалось, в ушах массагета уже звучали грозные вопросы потомка Сиавахша: "Откуда? Почему? Зачем?" Но Дейока тревожился напрасно. Спантамано, по словам пенджикентцев, уехал охотиться на антилоп. Дейока обрадовался и поспешил к Заре.

- Опять купцы из Хорезма, - сказал массагет, присев у костра. Зара встрепелась. Нет ли новостей?

- Ну?

- Привезли зерно, ткани, разные изделия. Меняют на шкуры. Шкур этой зимой у нас много. - Кочевник вздохнул. - Сколько скота погибло. У меня не осталось и четверти стада. Однако не об этом речь. Вот. - Дейока протянул Заре свиток, - тебе отец пишет. Купец передал.

Зара быстро выхватила свиток. "Цапнула, словно кошка мышку", - пришло в голову Дейоки. Женщина развернула свиток. Там было сказано: "Зара, уговори Спантамано, чтоб сдался. Не согласится - вернись. Ему уготован конец. Ороба..."

- Купец ждет. Начерти отцу хоть слово.

- Ладно! - Зара достала из костра уголек и начертила на куске белой, обработанной мелом кожи всего одно слово. Потом возвратила свиток Дейоке. - Уходи, пока Спантамано не появился.

- "Ладно", - прочитал купец, когда Дейока отдал ему свиток... Он был удовлетворен. - Что ж? Ладно так ладно! Прощай, добрый человек.

И Тигран удалился.

Охота была неудачной. Антилопы давно ушли на юг. Удалось загнать только двух тощих лисиц. Поэтому Спантамано вернулся в стойбище голодный и злой.

Едва он вошел и сел возле костра обогреться, как Зара, даже не предложив ему чашки горячей похлебки, выпрямилась и вызывающе произнесла:

- Спанта! Это наш последний разговор.

Такое начало удивило согдийца. Раскрыв рот, он молча ждал продолжения.

- Иди сдайся Искендеру.

- Или?..

- Или я уйду от тебя.

- Вот как. - Спантамано нахмурился. - Ты это твердо решила?

- Да!

- Значит, уйдешь?

- Уйду!

Спантамано помрачнел.

- Когда я был богат и был на высоте, ты не уходила от меня. Теперь, когда я беден и обесславлен, ты хочешь меня покинуть?

- Пусть даже так...

Спантамано прикусил губу, потом сказал:

- Ты вернешься к отцу... будешь валяться на мягких коврах... улыбаться безмозглым, но зато богатым бузурганам, будешь вместе со своим подлым отцом злословить обо мне, тогда как мне придется далеко от Мараканды бродить по диким тропам, не имея ни хлеба, ни пристанища?

- Пусть даже так.

Спантамано стиснул челюсти и заговорил сквозь зубы:

- Значит, те камни, что я отдал за тебя моему отцу, дороже твоей душе, чем Спантамано?

- Пусть даже так.

Спантамано медленно поднялся. Лицо его стало белым как снег, которым наполовину занесло их шатер. Брови низко нависли над потемневшими глазами.

- Дочь Оробы! - прохрипел Спантамано. - Твой отец распускал слухи, будто я рву твои волосы. Да не будет это неправдой!..

Он метнулся к Заре, схватил ее за волосы и бросил женщину на землю. Он рычал. Его распяляла собственная жестокость. И он стал бить Зару кулаком, ногой, чем попало. Он испытывал наслаждение, нанося сокрушительные удары. Ярость увеличила силы во сто крат, и рука стала тяжелой, как молот. Вой Зары вырвался наружу. На шум прибежал Баро. Он кое-как оттащил озверевшего Спантамано от растерзанной женщины. Спантамано плюнул ей в окровавленное лицо и вышел вон из шатра.

Вечером он напился до синего огня и принялся бегать по лагерю, размахивая топором и выкрикивая проклятия. Он хулил доброго бога Охрамазду и возносил хвалу богу мрака Анхраману. Люди разбежались. Ему удалось зарубить лишь одну зазевавшуюся собаку. Затем он сбросил одежду и кинулся из стойбища в глубь пустыни. Холод подействовал на обезумевшего человека отрезвляюще, и подбежавшим Варахрану и Баро удалось закатать потомка великих царей в шубу и отвести в шатер пенджикентцев.

Теперь он молчал целыми днями и никуда не выходил. Если не давали вина, он хватался за нож. По его приказанию Дейока принес семена дикой конопли, и потомок Сиавахша пристрастился к курению. День и ночь утратили всякое значение. Перед мутным взором кружились, плясали, мелькали и пролетали молнией дикие видения. Чтобы отогнать их прочь, он опять и опять оглушал себя курением. Он опух и пожелтел. Грязные, нечесанные волосы клочьями свисали на дикие глаза. Иногда находило просветление. Тогда он сгорал от стыда. Он вспоминал побои, нанесенные Заре, и его терзало раскаяние. Он выл от отчаяния, как волк, упавший в яму, и снова прибегал к семенам конопли, чтобы забыться.

Наконец он жестоко заболел. Десять дней метался на шкуре оленя, хватался за голову, кричал. На одиннадцатый день он так ослаб, что не мог даже пошевелиться. Жрец Алингар не отходил от его постели и лечил повелителя настоем из целебных трав.

- Неужели я умру так рано? - шептал Спантамано сухими губами. Жрец отвечал заклинаниями.

Варахран и Баро на целых три дня исчезли куда-то и, вернувшись, сразу же явились к предводителю. Алингар как раз поил Спантамано жидкой мясной похлебкой. Сделав пять или шесть глотков, потомок Сиавахша отстранил чашку и устало опустил на шкуру. Варахран и Баро сидели у входа и не спускали с вождя суровых глаз. Спантамано удивлялся этим людям. Их редко покидало спокойствие.

- Ну, что скажете? - спросил он чуть слышным голосом.

- Нехорошо, - ответил Варахран.

- Плохо, - повторил Баро.

- Что плохо? - Спантамано вздохнул. - Что плохо?

- То, что ты делаешь.

- А что мне делать? - уныло возразил потомок Сиавахша. - Все рухнуло. Мечтам - конец. Вы этого не понимаете, так как ничего не потеряли. Попробуйте посидеть в моей шкуре хоть день, тогда узнаете, каково мне.

Чеканщик и пахарь помолчали, потом Варахран сердито сказал:

- Мы ничего не потеряли? А где мой отец? Он погиб у Зарафшана. Где мать, братья, сестры? Их убили юнаны. Где Согдиана? Она так же далека от нас, как и от тебя.

- И мой отец пропал, - добавил Баро. - И я не знаю, что делается дома. Но я не довожу себя

до иступления, как потомок Сиавахша.

Спантамано медленно приподнялся на локте и уставился на двух товарищей. Как он забыл? Ведь у них тоже горе. Но почему они держатся так мужественно? Какая сила поддерживает их?

- Мы давно вместе, - пробормотал потомок Сиавахша, - но я... не понимаю вас. Неужели вы... так загубели у плугов и наковален... что самые тяжкие утраты не задевают глубь ваших сердец?

Варахран и Баро переглянулись. Чеканщик опустил голову. Пахарь переменялся в лице, сгорбился и задышал шумно, как бык, везущий громоздкую поклажу. И састар догадался: он жестоко обидел этих простых и отзывчивых людей.

Спантамано долго не произносил ни слова, потом оглядел себя всего, истерзанного и грязного, и сказал с горестной усмешкой:

- Я отпрыск священного рода... И я считал себя первым человеком Согдианы. Но теперь я вижу... (у меня хватит смелости сказать прямо) я вижу: Варахран и Баро, два безвестных бедняка, лучше, во много раз лучше меня. - Он закусил губу, вздохнул и поглядел на двух людей просветлевшими очами. - Скажите, люди... скажите мне, в чем ваша сила?

И столько было в его глазах душевной чистоты, а в голосе - покоряющей ясности, что Варахран и Баро встрепенулись. Жалко до слез этого несчастного бузургана! Они почувствовали к нему такую привязанность, какой не испытывали еще никогда. Несмотря ни на что, это добрый человек; им хотелось, чтобы он стряхнул со своей души оковы и снова обрел способность петь.

- В чем наша сила? - задумчиво переспросил Варахран. - Словесный узор мне дается трудней, чем узор на серебре... поэтому скажу коротко: мы дети чистого корня.

- Мы приходим от здорового начала, - пояснил Баро.

- Как? - Спантамано смутился. - Не понимаю.

- Ну, - Варахран замялся, подыскивая слово, - мы... росли на открытой земле, пили речную воду... нас ветер обвевал, понимаешь? А тебя отравил воздух дворцов. Поэтому ты рвешь на себе волосы из-за мелочей... тогда как мы их не замечаем.

- Не замечаете?

- Да. Мы видим главное.

- А что главное, по-вашему?

- Мир. Свобода. Хлеб.

- И ничего больше?

- Ничего.

- Не много.

- А чего еще надо?

- Как ты сказал? - Спантамано широко раскрыл глаза. - "А чего еще надо?"

- Да.

- "Мир, свобода, хлеб", - повторил изумленный Спантамано. Великое открытие! И хотя Спантамано понимал еще смутно, в чем оно состоит, у него радостно забилося сердце, - как у человека, который вот... вот сейчас вспомнит забытый им лучезарный сон. - И правда, - прошептал согдиец. Чего еще надо? - Ведь в этих трех словах: "мир, свобода, хлеб" - все! - Он грустно улыбнулся. - А мы, жалкие человечки, места не находим себе из-за всяких пустяков. Да, вы благородней и чище меня. Нам, поганым, никогда не дорасти до вас, великих в своей простоте.

Он безнадежно махнул рукой.

Варахран и Баро опять переглянулись, на этот раз удивленно, - вот уж не думал до сих пор ни тот ни другой, будто он велик и всякое такое...

- Ты не отчаивайся, - мягко сказал Баро. - Свет еще не погас для тебя.

Спантамано встрепенулся.

- Разве?

- Конечно! Ты не такой, как другие бузурганы. Я не знаю, почему. Видно, и впрямь ты потомок Сиавахша, и твое сердце - это сгусток солнечных лучей. Тебе надо просто очиститься от грязи... прилипшей к твоей душе, когда ты общался с такими, как Бесс и Ороба. Пусть алмаз покрывается пылью, он все равно остается алмазом. Оботри его - опять засверкает.

- Очиститься? - вскричал Спантамано. - Теперь, когда я уподобился дикой свинье, валяющейся в вонючей луже? Поздно!

- Не поздно, твердо заявил Варахран.

- Одевайся, - сказал Баро. - Пойдем!

- Куда?

- Там узнаешь.

Потомок Сиавахша опустил глаза, пожевал отросший ус, потом вдруг вскинул голову и спросил:

- Для чего все это?

- Что? - не понял Варахран.

- На что вам Спантамано?

- А-а. - Варахран сурово сдвинул брови. - Нам нужен вождь. Понятно?

Спантамано посмотрел на друзей и молча поднялся.

Они достигли заснеженных гор, возвышающихся на белой равнине. В лощине меж двух горбатых бугров, укрывшихся от ветра, приютилось глинобитное селение. Такие селения стояли кое-где в пустыне; в них массагеты проводили зиму.

- Тут живет Танаоксар, - пояснил чеканщик. - Говорят, ему двести лет.

- Танаоксар раскрывает рот лишь тогда, когда страну постигает великое бедствие и народу требуется совет мудрого старика, - добавил Баро.

- Примет ли он меня, если так? - усомнился потомок Сиавахша.

- Он ждет тебя, - коротко ответил Варахран. Видимо, он и Баро не напрасно пропадали целых три дня.

Селение представляло собой загон для скота, обнесенный толстой жилой стеной. Через отверстия в крыше стены вился дымок. Самый большой столб дыма поднимался над плоским строением, одиноко стоящим напротив узких ворот. То был храм огня. Здесь и жил Танаоксар, старейшина и верховный жрец захудалого кочевого рода.

Варахран сказал правду - тут давно ждали гостей. Массагеты в облезлых шкурах, не чинясь, открыли ворота. Под ногами людей скрипел мерзлый снег. Спантамано проводили до храма. Он вздохнул и вошел внутрь.

В святилище пылал огромный костер. У закопченных стен были сложены кучи хвороста - их запасли для поддержания неугасимого огня. Против входа, перед темной нишей, сидел на возвышении, закрыв глаза, выпрямив плечи, скрестив ноги и положив руки на острые колени, голый бронзовый идол. Отблески костра играли на выпуклостях изваяния и окрашивали в розовый цвет что-то белое, виднеющееся на его голове, груди и бедрах. Спантамано удивился присутствию идола в таком неподходящем месте. Согдийцы не держали в храмах огня изображений богов или живых существ. Впрочем, массагеты тоже поклоняясь огню, не признавали учения Заратуштры.

Но где же Танаоксар? И вдруг Спантамано услышал медлительный голос:

- Ты пришел, Спантамано?

Согдиец вздрогнул и обернулся. Никого! Только идол, безжизненный и равнодушный ко

всему на свете... Но вот идол наклонился вперед и протянул прямо перед собой сухую темную руку. Спантамано увидел изможденное лицо, редкие седые волосы, падающие на плечи, белую серебристую бороду.

- Танаоксар!

Спантамано пал ниц перед возвышением. Танаоксар опустил руку на колено и вновь окаменел. Неужели это живой человек? Или Спантамано просто почудилось, что идол двигался? Но старик с усилием разлепил губы и сказал, неторопливо выбирая слова:

- Танаоксар не видит тебя, Спантамано. Он уже давно не видит того, что его окружает. Взор слепца обращен к прошлому. Перед ним пролетают тени минувшего... проходят люди, жившие много лет назад. А тебя, живущего сейчас, не видит дряхлый Танаоксар. Но зато он слышит твой голос, Спантамано. Слышит стук твоего сердца.

Старец умолк. Он долго-долго не раскрывал рта. И Спантамано показалось, будто Танаоксар заснул. Огорченный согдиец хотел уже уйти, но массагет заговорил опять:

- Скажи, человек, зачем ты явился ко мне?

Не утомят ли тебя мои слова, отец?

- Нет. Меня... уже ничего не утомляет. Рассказывай.

- Я страдаю, отец... - Потомок Сиаваша вздохнул; вздох его походил скорей на стон. - С детских лет я всегда к чему-то стремился. Искал богатства. Хотел славы. Жаждал женской ласки. И что же? Все оказалось пустым, как дым вот этого костра. Уже ничего не радует меня на земле. Чувствую, конец мой близок, и нет мне утешения, ибо я не знаю, для чего жил и для чего страдал. Скажи: есть ли на свете что-нибудь, что примирило бы человека с грядущим? Или человек самой судьбой обречен мучиться здесь и с мукой уходить туда, во тьму, кляня и жизнь и смерть?

Спантамано с тоской глядел на Танаоксара.

Массагет опять долго молчал, потом заговорил так же задумчиво, медленно и глухо, словно рассказывал древнее предание:

- Двести лет... Двести лет прошло с тех пор, как я родился от моей матери и от моего отца. Много видели за это время мои глаза. Но я... не помню, уже не помню всего. Все, что было мелко, то забыто. Но важное... оно держится в моей памяти и сейчас.

Массагет склонил голову и подпер подбородок руками.

- Вижу как сегодня... воинов персидского царя Дариавуша Первого, бредущих по нашей земле. Это было... сто девяносто лет назад. Я был тогда ребенком и еще не носил на груди родового знака. Персы убивали наших отцов. Продавали в рабство матерей. Разрушали жилища. Великое бедствие постигло страну массагетов. У нас не хватало воинской силы. И враги уже били в барабаны и пели песню победы...

Но вот нашелся человек, который решил принести себя в жертву ради спасения родного племени. То был простой пастух. Его звали Ширак. Он перебежал к персам и выдал себя за их друга. Он завел врага в пустыню, и войско Дариавуша пропало среди песчаных бугров. Ширика убили. Но массагет умер с легким сердцем. А почему? Потому, что он старался не ради себя. Он шел на гибель ради всех. Ширак погиб, зато его народ, благодаря мужеству пастуха, живет по своим законам и сейчас.

Ты слышишь, мой сын? Ради всех! А ты жил только для себя. Для себя хотел богатства. Для себя жаждал славы. Для себя искал радостей. Поэтому тебе и страшно перед концом, - ведь когда ты уйдешь туда, откуда нет возврата, и богатства, и слава, и любовь твоя развеются как дым. Не исчезает та слава, которую человек добыл, борясь не за свой живот, а за всех. Вот, прошло сто девяносто лет, а слава Ширика не померкла среди массагетов. И никогда не померкнет. А кто помнит имена кичливых и глупых людей, считавших себя лучшими на земле?

Так забудется и твое имя, если не отдашь жизнь свою за народ.

- Я на стороне народа, - грустно сказал Спантамано, - однако душе моей от этого не легче.

- Ты на стороне народа? - Старец медленно покачал головой. - Послушай голос твоего существа и скажи: что у тебя на стороне народа - разум или сердце?

Спантамано поразился. Разум или сердце? Ему вспомнилась Мараканда. Войско распадается. Спантамано приходится выбирать между двумя Согдианами. И он выбирает Согдиану простых людей. Почему? Он видел тогда: за народом сила. Значит, разум... разум заставил его сделать этот шаг? А сердце? А сердце не болело за народ, оно болело за потомка Сиавахша. Спантамано растерялся... и ничего не сказал.

- Вот видишь? - усмехнулся Танаоксар, как бы читая в душе согдийца.

Спантамано слушал Танаоксара затаив дыхание; иногда оно прерывалось глубоким, судорожным вздохом, затем становилось тихим и послушным.

- Танаоксар знает: тебе трудно, - продолжал слепой. - Чем владел, того лишился. Во что верил, в том разуверился. Чего желал, того не добился. Знатные не поддержали тебя. Простые поддерживают, но плохо владеют оружием. Жена собирается тебя покинуть. Искендер Зулькарнейн не побежден. Так я говорю?

- Так, - прошептал согдиец.

- Ну и что же? - Голос Танаоксара окреп. - Зато ты положил начало славной войне против Искендера. Твое имя послужит путеводной звездой для грядущих поколений. Через год будет сто Спантамано. Через десять лет тысячи Спантамано. Через сто лет - десятки тысяч Спантамано! Из одного зерна, брошенного тобой в землю, вырастет много, без конца много зерен. И они тоже прорастут. Они тоже дадут новые зерна. И рано или поздно враг понесет заслуженную кару. Великие дела не свершаются сразу. Нападай! Сражайся! Когда нужно, отступай. И не забывай, во имя чего борешься.

Танаоксар замолчал, откинулся назад и прислонился к стене. Тысячи путаных мыслей пролетали в голове Спантамано, как стаи обгоняющих друг друга стрижей.

- Подбрось в костер толстых сухих ветвей, - приказал Танаоксар. Спантамано повиновался. В храме стало светло, как днем. Старик жестом показал согдийцу место у своих ног. - Лежи! Думай!..

Спантамано растянулся на ковре. Он думал до рассвета. Перед Спантамано развернулось победное шествие необозримых толп. Они шли огромным волнующимся скопищем откуда-то снизу, из холодной черной мглы, ровным шагом проходили мимо Спантамано и двигались куда-то вверх, к розовым вершинам, за которыми разливалось ослепительным морем радостное сияние. Несметные ряды высоких, плечистых мужчин и тонких женщин выступали из темноты, гордо откинув голову и протянув руки вперед, к свету, и растворялись наверху в сверкающих лучах. Их лица были суровы и спокойны, а поступь тверда и размашиста. Из-под их ног по временам вырывались какие-то мерзкие твари. Они злобно ощеряли свои пасти и с визгом пропадали в колеблющемся тумане. Иногда из рядов выходили какие-то бледные, жалкие существа; они отставали от неудержимого потока, садились у дороги и плакали. И гремел и разливался над миром чудесный гимн; голоса мужчин, женщин и детей сливались в захватывающем, крылатом напеве. Целую вечность мысленно глядел Спантамано на шествие, но ему не было конца.

Под утро он забылся в коротком сне и поднялся освеженный и удовлетворенный. Лицо его стало суровым и спокойным, как у тех людей, которых он увидел в ночных размышлениях. В сердце уже не было горечи. Он знал, для чего существует и ради чего умрет.

- Прощай, отец. - Спантамано поклонился Танаоксару до самой земли. Ты, слепой, открыл мне глаза. И пока они не закроются навсегда, я буду сражаться.

- Возьми и привяжи к своей пике, - сказал Танаоксар, доставая длинную прядь черных до блеска волос. - И за тобою пойдет каждый честный массагет. Это волосы Ширака.

С трепетом принял Спантамано дар старого Танаоксара.

- Живи долго, отец.

- Ступай, и да будет тебе благо.

Спантамано быстро вышел из храма и остолбенел. В глаза ударило солнце - не то, которое вот уже два месяца висело бледным пятном среди туч, а настоящее солнце юга. За одну ночь ветер переменялся и теперь дул со стороны Марга - теплый, родной, веселый. Небо очистилось и сверкало прозрачной голубизной. Снег стал рыхлым и с хлопьями проваливался под ногами. След тотчас же наполнялся талой водой.

Наступила весна.

Спантамано, жрец Алингар, чеканщик Варахран, земледелец Баро и перс Датафарн ездили от табора к табору и собирали войско для нападения на Искендера.

- Массагеты! - кричал Спантамано, взмахивая пикой с волосами Ширака. - Враг оплевал землю Согдианы. Если вы не поможете нам сегодня, то Зулкарнейн придет сюда завтра. Точите кинжалы! Седлайте коней! За мной, массагеты! Победим или погибнем.

Обветренное, загорелое лицо. Смелые очи глядят на всех открыто и прямо. Рука твердо и властно сдерживает горячащегося коня. Когда звучный голос вождя гремел над притихшей толпой, Варахран бледнел, а Баро сдержанно улыбался. После очищения в храме Танаоксара молодой потомок Сивахша преобразился. Он окреп и даже ростом, кажется, стал выше. Правда, в нем ничего не осталось от былой отчаянной веселости. Но зато Спантамано превратился в сурового, зоркого воина, уверенного в своей правоте и силе.

- Идите за мной, массагеты! - призывал Спантамано, и массагеты шли за неукротимым согдийцем, покидая у костров плачущих жен и детей.

Одних привлекала легкая добыча в стане македонцев, других сдвигал с места голод - всех баранов съели зимой. Однако тех, кто примыкал к Спантамано с чистым сердцем, было неизмеримо больше. "Если вы не поможете нам сегодня, Зулкарнейн придет сюда завтра", - эти слова заставляли задуматься самых черствых людей. Волосы Ширака, развевающиеся на конце пике, волновали массагетов и пробуждали в них отвагу. Отряд Спантамано рос день ото дня. Вождь послал Баро и сорок пенджикентцев по городам и селениям угнетенной, но не покорившейся Согдианы, чтобы народ ждал Спантамано и готовился к новому восстанию.

Согдиец не спал ночей, обдумывая поход на Мараканду. Он отдал последние камни за коней, оружие и снаряжение. Он отказался от всех удобств и запретил даже упоминать при нем о вине. Он удалил от себя Зару, и она прозябала в обозе под охраной жреца Алингара. Она для него больше не существовала. Днем и ночью, не щадя себя, носился Спантамано по пустыне на неутомимом скакуне, и люди с восхищением цокали языком:

- Леопард!

Они называли его так не только потому, что он одевался в шкуры пятнистого зверя. Он был смел и ловок, как леопард. Все свои помыслы отдал согдиец борьбе. В душе Спантамано, не переставая, гремел и разливался гимн солнцу, услышанный им под закопченным сводом храма Танаоксара.

НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

*Со скифами не может сравниться ни один народ
не только в Европе, но и в Азии; ни один народ сам по
себе не в силах устоять против скифов, если бы все они*

- Спантамано привет!

- О Баро! Ты уже здесь! Ну, рассказывай скорей! Что происходит в Согдиане?

- Мы объехали все города и селения. Народ снова поднялся. Людей, посланных сатрапом Оробой, перебили. Уничтожили мелкие отряды юнанов, занявших укрепления в прошлом году. Но...

- Что?

- Объединиться не успели. Искендер узнал о новом мятеже и быстро вышел из Бактры. Он разделил свое войско на пять отрядов и один из них возглавил сам. Враги прошли по всей Согдиане, от Бахара до Мараканды. Народ сопротивлялся. Одних убили. Других склонили к сдаче обещаниями. Восстание подавлено.

- Опять!

- Да. Вот возьми.

- Уголек?

- Его дала мне одна бедная старуха. Это все, что осталось от ее жилища.

- Эта старуха - сама Согдиана! Она зовет меня домой. Едем, Баро!

- Нет.

- Почему?

- От верных людей, находящихся среди воинов Оробы, я проведал о том, что сатрап посылал сюда человека... узнать, где ты скрываешься. Тайна раскрыта.

- О дайвы! Плохо.

- Конечно плохо. Ороба известил об этом Искендера. Искендер приказал двум полководцам напасть на стоянку Дейоки. Я запомнил имена военачальников. Один - Койнос. Другой - перс Артабаз.

- А! Знаю этого шакала.

- Они уже идут сюда. Жди через три дня.

- Та-ак. Дай мне подумать. Скажи: много ли воинов оставил Искендер в Бактре?

- Немного. Оставил полководцев... э-э... трудно выговорить эти имена... Кол... Фол... А! Вспомнил. Полиспер-хон-та, Аттала, Горгия и Мелеагра.

- Говорят, Мелеагра опасен.

- Все они опасны.

- Итак, Артабаз и Койнос хотят меня поймать? Хорошо же! Спантамано покажет вам вислоухие собаки, какой длины клыки у леопарда! Собирай отряд! Мы выступаем по Тропе Войны.

- Куда мы пойдём?

- На Бактру. Переправимся через Вахш на юге Хорезма и доберемся до Бактры по левому берегу реки. Так мы незаметно проскочим между теми юнанами, которые стоят в Марге, и теми, которые рышут по Согдиане. Мой замысел таков: юнаны ищут нас тут, а мы вдруг появляемся - где? Под самой Бактрой! Ты согласен?

- Да.

- Так живо на коней!

Воины средней пехоты Эварх и Леонид сидели на верху сторожевой башни и грелись на весеннем солнце. Копья и щиты валялись у их ног. Внутри шлемов, снятых и брошенных рядом, ползали пестрые азиатские букашки. Леонид негромко играл на кифаре, которую таскал в мешке всю войну. Эварх слушал, подперев рукой подбородок. Прошло три года с тех пор, как

Эварх и Леонид сидели вот так при Гавгамелах и следили за горячим спором Дракила и Феагена. Война обломала молодых бактрийцев. Огрубели их лица. Зачерствели сердца. Но греков никогда не покидала тоска по далекой родине.

Эварх еле слышно подпевал товарищу и все глядел и глядел на запад, где за тысячи переходов отсюда сияла несбыточной мечтой омытая теплыми морями Эллада.

Замок Банд, который они охраняли с прошлого лета, стоял возле одной из малых рек, сбегающих с Парпансид. На языке бактрийцев, как слышал Эварх, слово Банд означало "запор". Крепость вдвойне заслуживала это название. Она запирает дорогу, ведущую из Артаксаны на восток, по направлению к Бактре. Кроме того, здесь находилась плотина, которой местные жители перегородили речку, чтобы не вся вода текла на северо-запад, к Оксу. От плотины во все стороны отходили каналы. Из них бактрийцы орошали поля. Путь от Банды до Бактры, расположенной вверх по левому протоку той же речки, отнимал три дневных перехода. Недалеко от Банды начиналась пустыня. Население было вокруг редкое, место - спокойное, и греки предавались отдыху.

- У меня руки и ноги затекли, - жаловался начальник отряда Полисперхонт, - где бродят эти скифы? Поколотил бы их немного и размялся.

Тоскливо звучали струны кифары. Эварх не выдержал и ударил кулаком по кирпичному парапету башни:

- Надоело!

- Что? - Леонид перестал играть и обиженно раскрыл рот. - Кифара надоела?

- Не кифара! - Эварх ожесточенно пнул свой щит. - Надоела Бактра. Надоел поход. Все надоело!

- Тихо! - Леонид повернул голову вбок так быстро, что хрустнули шейные позвонки, и бросил вниз, на жилище Полисперхонта, взгляд, испуганный, как у лани, услышавшей рычание тигра.

- А что? - сказал Эварх.

- Забыл, как убили Феагена?

Эварх сразу присмирел. Помолчав, он прошептал:

- Смелый был человек.

- Из-за этого и пропал.

- А мы не умрем?

- Кто знает.

- Конечно, издохнем. Дракил - тот вернется домой. А нас, поверь моим словам, не минует стрела какого-нибудь варвара. Мы кто? Сброд, овцы, выкормленные на убой. А Дракил - величина.

- Да, высоко поднялся лысый марафонец. Помнишь, как он сначала пресмыкался перед Феагеном? А сейчас - гиперет, ведает доставкой хлеба, охраняет самого царя и выполняет его поручения. И Лаэрт возле него пригрелся.

- Дракил выдал Феагена, поэтому и взлетел, точно ворон. Донеси на меня, и тебя Александр приласкает.

- Не болтай, - оборвал его Леонид. - Я тебе не Дракил. Не путай купрус и копрус (медь и навоз). Лучше скажи: не поймали еще Спитамена? Ты вчера открывал ворота гонцу из Бактры. Он ничего не говорил?

- Пока не поймали.

- Схватят. - Леонид встал и широко потянулся. - Куда он денется? Ах!..

Он вдруг раскинул руки, выпучил глаза, подогнувшись ногами сделал два неверных, заплетающихся шага и повалился на товарища.

В спине Леопарда торчала стрела.

- Как дела, Фаллосперхонт? - Спантамано постучал по макушке обалдевшего грека рукоятью бича и сурово усмехнулся: - Не ждал?

Нагой и бледный Полисперхонт стоял на коленях и стыдливо прикрывался случайно подвернувшимся щитом (когда массагеты напали, грек спал). Полисперхонт не сводил остекленевших глаз со своих людей. Они лежали во дворе замка густыми неподвижными рядами, все триста, и массагеты ловко отсекали им головы и насаживали их на пики. Все триста! Он остался один. Тело Полисперхонта мелко дрожало. И грек, славившийся до того чистым и звучным голосом, жалко просипел:

- Что... что вы делаете?

Он кивнул на головы. И Спантамано уловил смысл его слов, хотя Полисперхонт говорил на греческом языке.

- Триста... всего триста голов, - сказал он спокойно и показал три пальца. - А там, - Леопард махнул рукой на север, - Согдиана... понятно? Ты, - он ткнул грека кулаком и ударил себя ребром ладони по шее, - сто двадцать тысяч - Согдиана! Понятно, Фаллосперхонт?

Полисперхонт сгорбился и низко опустил голову. Сейчас... удар! И конец.

Но Леопард не убил Полисперхонта. У высокопоставленного грека отобрали щит, обмазали навозом лицо, посадили его задом наперед на осла и погнали по дороге. Спантамано приказал сжечь ворота Банда. Дейока сказал:

- Давайте разрушим плотину.

- Зачем? - хмуро спросил Спантамано. - Ведь мы нанесем этим ущерб не Искендеру, а нашим друзьям бактрийцам. Вода уйдет, посевы зачахнут.

Пристыженный Дейока отъехал.

Сотни бактрийцев сбегались к дороге, по которой массагеты везли Полисперхонта. Селяне швыряли в ненавистного грека куски земли, которая по вине пришельцев до сих пор оставалась невспаханной.

Весть о набеге распространилась с непостижимой быстротой. Уже на второй день вся южная Бактрия знала, что Спантамано разгромил греков, населявших замок Банд. Люди вооружались палками, топорами, кинжалами и торопились к Спантамано. Леопард, явившийся к замку Банд во главе трехсот всадников, через три дня подступил к самой Бактре с трехтысячным войском.

В городе оставался отряд греческих наемников Аттала и было немного хворых гетайров, схвативших в долине Золотоносной Реки тропическую лихорадку. Мелеагр спрятался в Драпсаке, а отряд Горгия умирал горцев, закрывших перевал через Парпансиды и отрезавших путь на Кабуру. Поэтому Аттал не решился сделать вылазку против Спантамано. Он засел в цитадели и принялся обстреливать подступивших массагетов и бактрийцев из онагров и баллист.

Спантамано знал: без осадных приспособлений замка не взять. Да он и не стремился к этому. Осада отнимет много дней и много жизней, а Искендер, проведав о походе Леопарда к Бактре, может нагрянуть со дня на день и устроить у стен города побоище. Нападать внезапно и уходить неожиданно, наносить удары там, где враг не ждет, изматывать его быстрыми налетами вот о чем думал сейчас потомок Сиавахша.

Он созвал на совет предводителей Массагетов. Тут был Гарпат громадный человек, одним ударом кулака убивающий лошадь; на привалах он пел тонким, почти женским голосом печальные песни. Тут был Зафир мечтательный юноша, любитель цветов, которыми он заботливо украшал себя и своего коня. Зафир даже с закрытыми глазами, по звуку, пронзал стрелой скачущего во весь опор всадника. Тут был трусливый Дейока, - он присоединился к

Спантамано потому, что опасался мести греков и македонцев, рыскавших сейчас по его опустевшему стойбищу. Свой род Дейока отправил далеко на север, к устью Вахша, а сам с двумястами воинов последовал за потомком Сивахша. За спиной Леопарда все-таки не так страшно, как в пустыне или зарослях у моря среди враждебных племен.

- Что скажете? - Спантамано кивнул на башни замка. - Станем осаждать?

- Ничего не выйдет, - ответил Гарпат.

- Лучше возьмем добычу и уйдем, - сказал Зафир.

- Добыча! - Дейока облизнулся.

- А вы как думаете? - обратился Леопард к Варахрану и Баро.

- Послушаемся Зафира, - решил Варахран. - Он прав.

- Конечно, - добавил Баро.

- Хорошо. Забирайте все, что найдете, и уйдем обратно, ибо Кратер тот, которого мы били под Маракандой уже спешит сюда. Так донес гонец. Кратер зол, от него добра не жди, съест, даже не оставит костей.

В Бактре скопилось много скота, зерна, сушеных плодов, тканей, сосудов, масла и вина, награбленных македонцами в городах и селениях юга. По указанию Спантамано воины стали выносить добро из хранилищ и погружать его на ослов и верблюдов. Работали быстро, но без суеты - спокойно, молчаливо и деловито, беря пример со своего вождя.

Зару охватило волнение. Бежать! Уйти к юнанам, от них в Мараканду, к Оробе! Измученная бесконечными скитаниями по пескам, оскорбленная равнодушием супруга, она постепенно дошла до того, что возненавидела Спантамано. Этот человек был для нее загадкой. Чего он добивается? Сдайся муж Искендеру, он стал бы царем Согдианы, жил бы в роскоши и почете.

Так нет же! Спантамано нарочно лезет туда, откуда нет возврата. Что побуждает его к диким поступкам? У Зары было время подумать. И после долгих размышлений она решила, наконец, что муж лишился разума. А кому хочется слыть женой сумасшедшего?

Ночью, замирая от страха, Зара выскользнула из шатра, чтобы добраться до замка и попросить приюта у греков. Но у входа ее остановил жрец Алингар.

- Зарежу, - коротко сказал он. Зара увидела мерцающее при свете костра лезвие кинжала и с воплем бросилась обратно. Немного успокоившись, она попыталась вылезти из шатра со стороны, противоположной входу... но и тут ее подстерегал бдительный жрец.

Женщина упала перед Алингаром на колени, умоляюще протянула руки.

- Отпусти меня! Неужели у тебя каменное сердце? Отпусти!..

Алингар молчал. Тогда женщина, достойная своего отца, предложила в обмен на свободу тело. Жрец долго смотрел на Зару. Глаза ее бесстыдно мерцали. Жреца влекло к этой горячей женщине. Но тут он подумал о Спантамано, который отлучил себя от земных благ ради Священного Дела. Алингар почувствовал, что совершает смертный грех, слушая гнусный, прерывающийся шепот обезумевшей дочери сатрапа. Жрец приставил к горлу Зары кинжал и мрачно сказал:

- Зарежу.

И дочь Оробы ушла в шатер, точно побитая собака. Она до рассвета металась на ковре, а утром объявила, что удавится покрывалом, если муж не явится к ней. Спантамано явился.

- Чего тебе?

- Отпусти меня домой?!

- Домой? - Он держался спокойно, однако его глаза, вспыхнувшие на миг, сказали Заре, какая злоба живет в этом человеке. - Нет. Ты моя жена, и ты обязана переносить страдания, которые переносит твой муж.

- Я не хочу быть твоей женой.

"Эгина так бы не сказала, - подумал Спантамано. - Ах, Эгина, Эгина! Чем больше дней проходит со дня твоей гибели, тем ближе ты мне и родней..."

- Ну и что же? - ответил потомок Сиавахша. - Хочешь ты или нет - все равно ты моя супруга во веки веков.

Он еще раз гневно посмотрел на нее и вышел.

- Будь же ты проклят, - прошептала Зара.

Когда всю добычу погрузили на вьючных животных, Спантамано сказал Дейоке:

- Ты со своим отрядом иди на запад и охраняй скот и караван. Я двинусь к Драпсаке. Хочу посмотреть, каков из себя Мелеагр. Встретимся в Банде. Случится беда - шли гонца через горы.

Дейока едва удержался от радостного восклицания. "Если Мелеагр свернет тебе шею, - подумал он, - то вся добыча достанется мне".

Итак, Дейока отправился на запад. Массагеты, восставшие бактрийцы и пенджикентцы Спантамано идут на юго-восток и осаждают Драпсаку. Замок встречает их ядрами баллист и онагров. Кочевники с криком бросаются на стены, откатываются обратно и начинают обход замка.

Мелеагр делает вылазку и убивает два или три десятка бактрийцев и массагетов, увлеченные стычкой, греки не замечают, как Спантамано, скрываясь в зарослях, готовит удар. Согдийцы внезапно налетают на греков, гоняющихся за растерянными массагетами. Начинается короткий, но кровопролитный бой под стенами Драпсаки. И Спантамано видит, наконец, каков из себя Мелеагр.

Человек, который пять лет спустя после смерти Александра пытался стать правителем великой державы, созданной сыном Филиппа, и погиб в борьбе с Фердиккой, выглядит необычно. Это приземистый, похожий на обезьяну волосатый силач с широченными плечами, кривыми ногами и длинными цепкими руками. За всю беспокойную жизнь, проведенную в походах и боях, Мелеагр не получил ни одной раны, ибо отличался изумительной ловкостью и сокрушал во время битв все, что ни подвертывалось под его могучую десницу.

И это страшилище встречается лицом к лицу с потомком Сиавахша. Так вот он, знаменитый Спитамен! В то мгновение, когда грек поднимает кривую махайру, чтобы срубить голову согдийца, в его мозгу мелькает мысль: "Александр... мешок золота даст за этого варвара".

И он тут же вскрикивает и роняет махайру. Кинжал Спантамано, прыгнувшего вперед, глубоко вонзается ему под мышку поднятой руки. Согдиец бьет Мелеагра ногой в живот, и тот валится на бок. Спантамано подхватывает оброненную греком железную махайру и вскидывает ее над противником. Но какой-то гоплит подставляет длинную пику, и махайра задерживается, разрубив крушиновое древко пополам. Тут набегают другие греки, и Спантамано оттесняют от несчастного Мелеагра. Эллины, потеряв около трети своих людей, скрываются за стенами укрепления.

- Ты ранен! - восклицает Баро после того, как согдийцы и массагеты отходят в сады под Драпсакой.

- Кажется, - равнодушно говорит Спантамано, приложив ладонь к левой щеке, - Мелеагр все-таки задел меня, когда меч свой ронял. - Он скупно усмехается. - Это у меня первая в жизни рана, если не считать сердечных ран.

Он бы развеселился, если бы узнал, что и Мелеагр получил сегодня от руки Спантамано свою первую рану.

Пока Спантамано решает, какой дорогой отправиться к Банду, со стороны Бактры показывается всадник на серой от пыли, задыхающейся лошади. Это бактриец. Рот его широко раскрыт. Видимо, он кричит изо всей мочи, но ветер относит звук прочь.

- Беда! - слышит, наконец потомок Сиавахша.

- Ну?

- Юнаны узнали, что ты ушел к Драпсаке. Сто пятьдесят человек вышли из крепости и погнались за караваном.

- И что? - грозно спрашивает вождь.

- Дейока, завидев греков, бросил добычу и бежал.

- Без единого выстрела?

- Да.

- А юнаны?

- Едут обратно к Бактре.

- Быстро едут?

- Нет, добыча мешает.

- Успеем выйти им навстречу?

- Поскачете во весь опор по этой тропе - отрежете им дорогу.

- Эй, все за мной! Клянусь Грядущим, ни одного зерна из добычи не достанется юнанам.

Через три дня Спантамано с отбитой добычей вернулся в Банд. Шесть гетайров и шестьдесят наемников, попавшихся в засаду, у самой Бактры, были изрублены. Оставшиеся едва унесли ноги и кое-как добрались до укрепления.

Увидев вдали Спантамано, идущего с победой, Дейока выбрался из-за дюн и поехал навстречу. Он бы давно убежал домой, да Койноса боялся. Со сладкой улыбкой выступил сын Рехмира из толпы спешившихся сородичей и низко поклонился потомку Сиавахша.

- Ты истинный Леопард, - просипел он голосом, сдавленным от страха. Твой меч разит врага, как молния...

Леопард медленно спустился с коня и, стиснув бич, мягким, пружинистым шагом приблизился к умолкнувшему Дейоке. Если бы он закричал! Если бы топнул ногой! Если бы ударил бичом, наконец!.. Нет. Спантамано был спокоен, хотя и бледен. Глаза его смотрели прямо и страшно. В них не было угрозы, нет! В них светился тот самый пронизывающий луч, от которого Бесс некогда обливался холодным потом. Ороба старался юркнуть в нору, словно мышь, а Зара приходила в неистовство. Дейока оцепенел.

- Трус? - тихо сказал согдиец. - Или... предатель?

Он подался вперед и въялся ледяным взглядом в красные глаза Дейоки. Массажету показалось, что Леопард сейчас бросится на него и схватит зубами за горло. Но Спантамано неожиданно вздохнул, брезгливо сплюнул под ноги Дейоки и отвернулся.

- Всего-навсего трус...

Вокруг окаменевшего Дейоки стало пусто. Даже воины его рода отшатнулись от вождя, как от прокаженного. Только двадцать-тридцать самых преданных людей остались за спиной Дейоки, да и те нерешительно топтались на песке, стараясь незаметно для начальника отодвинуться подальше.

И лишь тогда Дейока догадался, какое унижение он испытал. Его зрачки постепенно набрякли и слились с густой сеткой красных прожилок, пронизавших белки глаз, и стало казаться, будто массажет глядит на удаляющегося Спантамано пустыми багровыми глазницами.

Он что-то прохрипел, но никто не разобрал его слов. А он сказал... впрочем, кто знает, что он сказал?

- Гонец из Кратера! - доложил Фердикка. Александр живо обернулся. Свет из окна, возле которого он сидел, ударил ему в глаза, и они ярко вспыхнули холодным огнем, будто под брови царю вставили зеленые стекла. Фердикке стало не по себе.

- Зови! - коротко приказал царь. Гонец вошел, как все гонцы всех времен и всех народов, запыленный, усталый, и сразу же, как полагается всякому гонцу, без лишних слов протянул

повелительно свиток.

- Ступай.

Александр сорвал шнур и торопливо развернул папирус. По мере чтения его челюсти сжимались все крепче, и под конец лицо македонца стало жестким, сухим и угловатым из-за бугристо выступивших желваков.

- Кратер не поймал Спитамена, - глухо сказал он Фердикке. - Варвар успел раздать захваченный скот бактрийским селянам, примкнувшим к нему на юге, устроил под Бандом сражение, убил много людей Кратера и бежал.

- Куда?

- В пустыню.

Сын Филиппа оперся о ковер кулаком, стискивающим измятый свиток, и бессмысленно уставился в угол, из которого насмешливо глядел на царя глиняный согдийский идол.

- Не пускай никого, - приказал он Фердикке. - Я думаю.

Долго думал Александр. Как изловить этого Леопарда, да будь он трижды и еще много раз проклят? До каких пор метаться Спитамену по Согдиане и рвать Александра за бока? Надо схватить его, обезглавить, растерзать. Ибо, пока жив Леопард, македонцам не видать покоя ни при лучах солнца, ни при свете луны. Точно искра, подхваченная крутящимся вихрем, сверкает неукротимый потомок Сиавахша тут и там, и где бы он ни появился, повсюду вспыхивает пожар восстания.

А что если о Спитамене услышат племена других покоренных стран? А что если там объявится свой Спитамен? Сто своих Спитаменов? Тысяча своих Спитаменов? Мятеж охватит всю землю, по которой прошел непобедимый сын бога Аммона! Все пойдет прахом. Спитамен должен быть испепелен. И как можно скорей, пока он не поднял на ноги всю Азию. Испепелен! Но как? Разве не гоняются тысячи македонцев по пятам неистового Леопарда, да сразит его небесная стрела? Но его не берет никакая сила.

- А! - Александр ударил себя кулаком по голове. - Глупец! Не берет сила? Так возьмет коварство! Разве не найдется в отряде Леопарда какой-нибудь шакал, подобный Оробе?..

И человек, который всегда гордился благородством и утверждал, что сыну бога не подобает в борьбе с врагами прибегать к подлости, вскочил и забегал по комнате, радостно потирая руки. Наконец-то он нашел против Спитамена хорошее оружие.

- Эй, Оробу ко мне!

Ороба не заставил себя долго ждать. Готовый исполнить любое требование царя, он целыми днями слонялся по дворцу. Сатрап упал перед Зулькарнейном так умело и ловко, что ему позавидовал бы даже хитрый Дракил.

- Какие вести от Зары? - спросил Александр, сурово глядя сверху вниз на перепуганного наутакца.

Ороба пригнулся еще ниже. Если бы сатрап имел не два колена, а сорок, он упал бы сразу на все. Но так как старик не был сороконожкой, то ему пришлось лечь на брюхо. Он боялся, что македонцы накажут вместо Спитамена его, Оробу, - ведь Зара, дочь сатрапа, находится в стане врага.

- Я писал Заре! - простонал Ороба. - Но Спитамено ее не слушается. Говорят, этот страшный человек наложил на Зару оковы. Он истязает ее, как палач. Он поступает так из ненависти ко мне, твоему преданному слуге. О несчастная Зара! Увижу ли я тебя снова?

Наутакец зарыдал в голос, как женщина. Александр жестко усмехнулся и сказал:

- Тебе жалко ее? Так слушай...

И Зулькарнейн наклонился к уху сатрапа.

"БРАТ, НЕ СДАВАЙСЯ!.."

*Энкиду, мой друг, мой младший брат,
Ты был со мною, когда мы подымались на горы.
Мы повергли и одолели небесного быка.
Мы убили Хумбабу, стража кедровой рощи.
Что за смертный сон тобой овладел?
Твой взор помутнел, и меня ты больше не слышишь!*
"Поэма о Гильгамеше"

- О Варахран! - прошептал Спантамано, опустившись на колени перед свежим курганом.

Баро и другие соратники стояли полукругом позади вождя и молчали, опустив обнаженные головы. Слабый, но горячий ветер Черных Песков медленно трепал их длинные волосы, то ероша и поднимая их вверх, то бросая на суровые лбы или плавно относя в сторону, как хвосты диких степных коней. По бронзовым лицам, искаженным темными рубцами, текли, смешиваясь со слезами, крупные капли пота. Широко расставленные ноги до икр утопали в сыпучем песке, а тяжелые, как бы окаменевшие ладони застыли на рукоятках мечей. Люди казались великанами, превратившимися по воле злого духа Анхрамана в грубые, шершавые, исхлестанные ураганом и изъеденные непогодой гранитные утесы.

Мертвую тишину нарушало только приглушенное фырканье за бугром да ритмичные причитания жреца Алингара.

У замка Банд, где Кратер нагнал Спантамано и где произошла битва, в которой обе стороны потеряли много людей, голову чеканщика Варахраны раскроил свинцовый шар греческого пращника. Варахран упал на руки Баро; наутакец и вынес товарища из свалки, чтоб его не раздавили копыта взбесившихся коней. Уходя от погони, раненого три дня везли поперек седла. На коротких стоянках Алингар пытался как-нибудь привести несчастного чеканщика в себя, но не помогли ни целебные травы, ни самые чудодейственные заклинания. На четвертый день Варахран умер, так и не открыв глаз.

Хотя бы слово сказал, бедняга...

Смерть Варахрана перевернула душу потомка Сиавахша. Он так привык постоянно видеть чеканщика рядом, что у него не было и мысли когда-нибудь остаться без этого скромного и верного друга. Варахран держался незаметно, не употреблял во зло близость к потомку великих царей, и только сегодня Спантамано понял до конца, как много сделал для него простой человек, мастер Варахран. Это Варахран и Баро создали Спантамано - не того самонадеянного юнца Спантамано, который когда-то в Бактре распинался перед хитроумным Вахшунвартой (стыдно вспоминать!), а Спантамано-воина, о котором никогда не забудут люди.

И все же гибель преданного человека не остановила Спантамано на середине тропы, по которой он бесповоротно решил двигаться до конца. Она даже не испугала его, как пугает иных людей смерть близкого человека, тому, кто живет ради других, кто посвятил себя грядущему, смерть не так страшна, как это кажется. Наоборот, в потомке Сиавахша еще больше окрепла ненависть к Искендеру. Подгоняемый жгучей, неутолимой, изнуряющей жаждой мести. Спантамано во главе немногих оставшихся друзей мчался от колодца до колодца, от стоянки до стоянки, от кочевья до кочевья и взмахивал пикой с волосами Ширака.

Копыта коней дробно, вразброс стучали по светлой глади сухих, голых пространств, с хрустом ломали полые стебли корявых и цепких ферул, со скрежетом давили в пересохших руслах недолговечных потоков бледную, подернутую слоем сухого ила звонкую гальку.

Скрипели ворота селений. Вился к знойному, ослепительно светлому небу рыжий дым

костров. Быстро и тревожно: "та-ка-там!.. та-ка-там!" перестукивались барабаны. Посередине выжженных солнцем, растрескавшихся площадей, крича и взметая пыль, кружились на приседающих и хрипящих конях полуголые всадники. Плакали дети. Обгоняя друг друга, бежали женщины. Сыпалось в их подола отборное зерно, добытое воинами Леопарда в хранилищах Бактры. Важно кивали старики. Мужчины торопливо точили кинжалы. Отряд за отрядом исчезал за грядками курящихся от ветра песчаных дюн.

Войско Спантамано росло день ото дня. Десятками и сотнями стекались к нему массагеты, бактрийцы и жители Согдианы. Спантамано кратко расспрашивал предводителей отрядов, кто они и откуда, быстро осматривал их снаряжение и принимал всех, - для борьбы против Искендера требуется много людей, много мечей, много стрел.

Однажды из Баги - укрепления, стоящего на рубеже между Согдианой и страной массагетов, - явились три пеших человека. Немало людей пришло к Спантамано, и он привык уже к тому, что войско пополняется каждый день; но эти трое удивили его и сразу же приковали к себе пытливый взор Леопарда.

Казалось, кто-то нарочно подобрал их одного к одному: все трое ростом нисколько не уступали великану Баро. Зато сложением они резко отличались от наутакца. Если Баро был статен, хотя и тяжеловесен, то прибывшие поражали несоразмерностью частей тела. Короткие толстые шеи, короткие ноги с могучими икрами, словно отлитые из бронзы волосатые груди, сутулые мощные спины и длинные, широко загибающиеся руки делали пришельцев похожими на таинственных снежных людей, обитающих высоко среди гор Памира.

Три необыкновенных человека смело протолкались через толпу воинов к шатру Леопарда.

- Кто Спантамано? - спросил один густым рычащим голосом.

- Я.

- Шаш-и-Михра! - грозно крикнул пришелец и махнул рукой на восток. Вахшунварта!

Спантамано насторожился. Шаш-и-Михра - это скала "Луны и Солнца", где укрылся жрец Вахшунварта. Пришелец протянул Спантамано серебряную пластинку с родовым знаком Вахшунварты, затем отстегнул от пояса и бросил под ноги Леопарда туго набитую сумку.

- Вахшунварта посылает золото. Он велел нам быть с тобой. А теперь дай мне и моим товарищам хлеба и мяса. Мы хотим есть.

- Баро! - вскричал просиявший Спантамано. - Заколи самого жирного барана. Быстро!

Он радостно улыбнулся. Оказывается, этот Вахшунварта не такой уж плохой человек. Видимо, в нем заговорила, наконец, совесть, если он решился послать бывшему другу столько золота, так необходимого Спантамано для покупки оружия.

Пока Баро свеживал барана, а горцы со скалы "Луны и Солнца" следили немигающими глазами за каждым его движением, в лагере, как будто сам бог отметил тот день знаком необычного, появился еще один странный человек.

Сухой, длиннобородый, загорелый до черноты, он медленно ехал верхом на дряхлом облезлом верблюде и, раскачиваясь между его тощими горбами, пел пронзительным голосом шутивную песню. Шерсть на серых боках верблюда висела грязными свалывшимися клочьями, как волосы на голове и одежда на плечах его хозяина. Однако это не смущало ни верблюда, ни человека. Они торжественно двигались между шатрами, и веселая песня одного сливалась с раздрающим ухо ревом другого.

Когда верблюд прошествовал мимо того места, где Баро разделявал барана, наутакцу показалось, будто певец хитро подмигнул горцам со скалы Шаш-и-Михра. Баро нахмурился. Но певец тут же подмигнул ему, Баро, и еще доброму десятку окружающих воинов, и наутакец решил, что такова уж привычка у этого беспечного и веселого бродяги.

Певец остановил верблюда перед Спантамано, сидевшим у своего шатра, и обратился к

животному с такой пышной речью:

- О красивейший из всех верблюдов, обитающих от восточных морей до западных, о мудрейший из всех четвероногих и хвостатых, о почтительнейший из всех двуногих и одногорбых! Наконец-то, после долгих странствий, мы удостоились лицезреть величайшего потомка незабвенного Сиавахша! Преклони же колени перед знаменитейшим воителем Спантамано, да продлится его жизнь тысячу и сто лет!

Верблюд, роняя с отвисших губ зеленую пену, взревел громче прежнего, кряхтя подогнул колени и опустился на землю. Певец слез и поклонился.

- Ты кто такой? - спросил удивленный Спантамано.

- Я потомок Сирдона, сказителя и остролова из благословенного племени сартов. Добываю свой хлеб веселой песней. Слышал о тебе давно и пришел сюда из Шаша. Войску нужен не только стрелок и меченосец, но и такой человек, как потомок Сирдона. Правда, мне далеко до моего предка, да живет его имя вечно, но и я кое-что умею... - И он вдруг закричал петухом, да так похоже, что Спантамано улыбнулся. Затем потомок Сирдона склонил голову набок и, дергая шеей, залаял хрипло и басовито, как овчарка. Потом спрятал бороду под халат, вобрал губу, оттянул пальцами нижние веки и точно изобразил обезьяну. Воины смеялись.

- А теперь послушайте веселый рассказ про Сирдона, - объявил шут. Однажды Сирдон ехал в Шаш. Он на что-то выменял по дороге арбуз. Стало жарко. Сирдон разрезал арбуз, половину съел, а другую оставил на земле: "Пусть все думают, будто здесь проследовал сытый бузурган". Затем Сирдон удалился. Но ему стало еще жарче. Он возвратился и съел вторую половину арбуза: "Пусть все думают, будто у бузургана был раб". Сирдон опять отправился в путь, но зной допекал его сильнее прежнего. Сирдон вернулся снова и съел все арбузные корки. "Пусть все думают, будто у бузургана был и осел..."

Едва потомок Сирдона кончил, вокруг раздался хохот. Воинам стало как-то легче при виде этого беззаботного человека. Разгладились жесткие складки на лбах. Засияли глаза. Распрямились усталые спины. Война со всеми страхами отодвинулась в сторону, и люди беспечно улыбались, как бывало когда-то прежде, в лучшие времена.

- Оставайся! - разрешил Спантамано, отирая раскрасневшееся от смеха лицо. - Ты и впрямь нужный человек.

- Благослови тебя бог!

Потомок Сирдона до поздней ночи переходил от костра к костру и потешал воинов рассказами из жизни своего необыкновенного предка. Его накормили и напоили на славу. Когда все, кроме дозорных, заснуло, потомок Сирдона о чем-то переговорил с горцами, присланными Вахшунвартой, и прокрался к шатру массагета Дейоки.

- Я друг твоего господина, - прошептал он кочевнику, охранявшему вход. - Разбуди его сейчас же, иначе его постигнет беда.

Обеспокоенный страж растормошил Дейоку и впустил потомка Сирдона внутрь шатра.

- Кто ты? - встревоженно спросил Дейока голосом, хриплым после короткого сна. - Чего тебе надо?

- Ты не узнал меня, сын Рехмира? - вкрадчиво спросил певец.

- Кто ты? - повторил Дейока, испуганно вглядываясь в лицо гостя, слабо озаренное светом тускло горящего факела.

- Смотри лучше, - усмехнулся потомок Сирдона. Дейока вскрикнул и отшатнулся. Перед ним стоял тот самый купец, который зимой расспрашивал его о Заре.

- Спантамано ни слова! - приказал "потомок Сирдона" изменившимся голосом. - Отныне ты будешь поступать лишь так, как я тебе велю. Понятно?

- Почему? - промямлил Дейока.

- Потому, что я так хочу.

- Кто ты мне, чтобы приказывать? - слабо возразил Дейока, чувствуя над собой непонятную власть этого человека.

- Ах, ты так? - оскалился Тигран. - Если я донесу на тебя Спантамано... ведь ты за сто золотых выдал Оробе место, где скрывался Леопард!

- Я? - изумился Дейока.

- А кто же? Ты рассказал о Заре, а где ей быть, если не там, где Спантамано? Это всякому ослу понятно.

Дейока обмяк.

- А если... я на тебя донесу? - пробормотал он растерянно.

- Попробуй! - Тигран устрашающе сверкнул глазами. - Ты видел трех горцев, пришедших сегодня? Это мои слуги. Они тут недалеко. Стоит мне свистнуть, и они разнесут твой шатер в клочья, а тебя изрубят на куски.

Дейока содрогнулся от страха.

- Зачем тебе Спантамано? - Тигран смягчился. - Все равно ему скоро конец. Помоги мне с ним разделаться, и наградой тебе будет то, что Леопард носит за пазухой.

Дейока встрепенулся. Он вспомнил об алмазах, и еще он вспомнил замок Банд, свое позорное бегство от македонцев, испытанное им тогда унижение и клятву, которую он произнес про себя: "Отомщу, когда настанет время". Кажется, время настало. И Дейока хрипло спросил.

- Как... разделаться?

На другой день три тысячи конных воинов Спантамано выступили к Баге. Узнав об этом от разведчиков, Койнос быстро вышел из Бахара и двинулся навстречу. Под его рукой были четыреста гетайров, отряд Мелеагра, все аконтисты, а также туземные всадники Аминты.

Бага стояла на твердой глинистой равнине, удобной для сражения. Здесь и встретились Койнос и Леопард. Зная, что македонцы любят наносить удар правым крылом, Спантамано укрепил левое крыло своего войска, заняв его сам во главе хорошо вооруженных дахов. Середину заполнили согдийцы и бактрийцы Баро. На правом крыле разместились Зафир и Гарпат - те самые, что весной ходили на Бактру. Чтобы обезопасить дахов от нападения сбоку или сзади, Спантамано решил поставить левее себя легкий подвижный отряд конных лучников. К удивлению Леопарда, на это опасное дело вызвался... Дейока.

- Подле замка Банд я опозорил себя, - сказал он, опустив глаза. Хочу вернуть мое доброе имя.

Удовлетворенный Спантамано согласился. "Ах, человеческая душа! мысленно воскликнул согдиец. - Кто в тебе разберется? Хорошо, что люди всегда лучше, чем кажутся сначала".

Построив свое войско, по обычаю македонцев, "секирой", Койнос ринулся на Спантамано.

Засвистели глиняные шары. Выставив пики, гетайры во весь опор мчались прямо на дахов, чтобы опрокинуть их одним натиском, а потом повернуться против других. Однако натиск не удался. Теперь у людей Спантамано были бронзовые панцири, прочные шлемы, крепкие щиты, кривые железные мечи и длинные пики, добытые в битвах с македонцами или изготовленные руками своих мастеров. Теперь и Спантамано умел выстраивать отряды для боя, а воины научились владеть оружием. Дахи вырвались вперед и стали сокрушать неприятеля, рубя его махайрами и пронзая сариссами. Ошеломленные гетайры остановились и сбились в кучу; дахи тут же убили двадцать пять самых отборных всадников. Между тем Баро, Гарпат и Зафир стали теснить аконтистов, Аминту и Мелеагра.

Спантамано одолевал! Подались назад аконтисты. Едва сдерживал напор отряд Мелеагра. Как ни яростно отбивался Койнос, дахи стали окружать гетайров, как пастухи отару, и, взмахивая пиками, словно посохами, гнали македонцев, точно овец, звучно покрикивая:

- Курре! Курре!

И вдруг ход сражения резко переменялся. Разгоряченный битвой, Спантамано не заметил, когда и почему это произошло. Он увидел только, что гетайры воспрянули духом, развернулись правым крылом и быстро обошли дахов сбоку и сзади. Многие из отряда Баро неожиданно повернулись и поскакали назад, к своему обозу. Гарпат и Зафир, видя отступление товарищей, растерялись; Мелеагр воспользовался их замешательством и опрокинул коротким, точным ударом слева. Войско Леопарда на его глазах распалось по частям.

Что же случилось? Дейока, по воле Тиграна, обнажил в самый напряженный миг боя левое крыло войска и кинулся грабить обоз согдийцев и бактрийцев, сражавшихся под началом Баро. Вот почему гетайры обхватили дахов клещами, а люди Баро, забыв обо всем на свете, помчались назад - они бросились спасать свое имущество от алчного массагета. Измена решила исход битвы, начавшейся так удачно для Спантамано.

Леопард пытался вникнуть в суть происшедшего и отдать нужные распоряжения, но его оцепили со всех сторон. Один из гетайров пикой разорвал на Леопарде хитон. Другой оцарапал острием сариссы его лицо. Спантамано кружился вместе с взбесившимся конем и едва успевал отражать сыпавшиеся на него удары. В любое мгновение потомка Сиавахша могло пронзить копьё македонца. Спантамано прикрывал щитом то бок, то грудь, то голову, молниеносно вертел мечом, словно пращой, и чувствовал, как рука немеет от утомления. Скоро Леопард обронит махайру, и тогда... так вот какой бывает - конец!

- Брат, не сдавайся! - загремел кто-то недалеко от Спантамано. Леопард, не оглядываясь, узнал по голосу Баро. Казалось, мощный крик наутакца проник в жилы Спантамано и разлился по ним небывалой силой. Глаза согдийца, залитые горячим потом, прояснились и ярко засверкали. С ушей, оглушенных непрерывным и грозным шумом сражения, спала пелена, и в них ворвались вопли дерущихся, визг обезумевших коней, топот копыт, скрежет мечей и хруст разбиваемых щитов и ломающихся копий. Спантамано стал наносить удары с непостижимой ловкостью и быстротой. Поистине, то был и впрямь леопард, а не человек!

- Брат, не сдавайся! - Баро, огромный, раскосматившийся, точно разъяренный лев, широко замахивался тяжелой секирой, которую кое-как приподняли бы два обыкновенных воина; громадный отточенный кусок металла, насаженный на длинную толстую рукоять, обрушивался на македонцев, подобно раскаленному небесному камню, и с грохотом и треском разносил на куски древки пик, бронзовые щиты, плотные панцири, ребра, позвоночники и черепа. Вслед за Баро ломались через ряды ошалевших гетайров смелые пенджикентцы. Маленький, но сплоченный отряд разрезал, кромсал толпу врагов и выворачивал из нее целые шеренги, как плуг выворачивает пласты неровной каменистой почвы.

- Брат, не сдавайся!

Баро добрался до Спантамано и произвел вокруг него страшное опустошение. Пенджикентцы заслонили предводителя от македонских пик, а Баро стал прокладывать путь сквозь густое скопище неистово кричащих неприятелей. То один, то другой пенджикентец валился под ноги коней. Македонцы теснее смыкали кольцо вокруг Леопарда, но Баро опять и опять взмахивал секирой и раскидывал их, как буйвол диких собак.

Наконец Леопард оторвался от македонцев и помчался к видневшимся на западе песчаным дюнам. Рядом скакали Баро и пять уцелевших пенджикентцев. Гетайры потянулись по равнине следом, будто несметная волчья стая за выводком оленей. Они настигали беглецов. Баро круто осадил коня. Спантамано, видя это, остановился тоже. Наутакец схватил Спантамано за руку.

- Брат! - Глаза Баро выражали тоску. - Все равно всем не уйти. Я задержу юнанов. Спасайся... и прощай, Спантамано!

- Ты что? - крикнул Спантамано. - Умирать, так вместе.

- Нет! Тебе нельзя умирать. Беги! Ну, чего ты ждешь? - заорал он яростно. - Спасайся, я тебе говорю!

Он выдернул нож и воткнул его в круп Спантоманового коня. Скакун всхрапнул, взвился на дыбы и распластался в беге неуловимой черной птицей. Ветер засвистел в ушах Спантамано, как полая сарматская стрела. Согдиец попытался остановить коня, он едва удержался в седле. Скакун замедлил свой стремительный бег только на гряде холмов, когда выбился из сил. Спантамано оглянулся и увидел македонцев, столпившихся на одном месте подобно стервятникам над тушей павшего верблюда.

- Прощай, Баро, - горестно прошептал Спантамано. - Вот и ты покинул меня...

За спиной Леопарда послышались голоса. Он быстро обернулся и увидел трех горцев со скалы "Луны и Солнца". Они стояли на холме и глядели на потомка Сиавахша.

В далекой наутаке, в темной, закопченной хижине, Мандана думала о муже.

Она прижимала узкую ладонь к животу и со слезами на глазах слушала упорные, настойчивые, сильные толчки зародившегося в ней живого существа. И образ Баро сливался в ее воображении с образом того, кто должен был скоро появиться на свет. Нет, не подрублен корень рода Ману. Не иссяк источник жизни. Пусть нет молока у Манданы - сына Баро вскормит народ. Богиня Анахита победила.

ГОЛОВА СПАНТАМАНО

*На скакуне судьбы скакал я без седла.
Закрыв глаза на миг, открыл - а жизнь прошла.
Я цели не достиг. Вокруг сгустилась мгла,
А цель - она вдали высокая скала.
Дойти мне до нее уже не суждено.
Труды, "Мухаммасы"*

Тигран, сидя на своем верблюде, возвышается над толпой истерзанных согдийцев и бактрийцев, сбившихся в кучу на дне сухого оврага. Половина их тяжело ранена; они зажимают кровоточащие раны, стонут и ругаются. Других безобразят глубокие порезы, царапины и синяки. Ни у кого не осталось целой одежды: кафтаны, халаты, плащи и хитоны изодраны, разорваны, исполосованы вдоль и поперек. Разбитые врагами - македонцами и ограбленные "друзьями" массагетами, эти люди представляют скорбное зрелище.

- О несчастные! - Тигран воздевает кверху загорелые руки. - Каким разбойником оказался этот Спантамано! Кто бы подумал? А еще потомок Сиавахша...

Он цокает языком и сокрушенно качает головой. Слова "потомка Сирдона" воспринимаются по-разному: одни их просто не слышат, другие настораживаются, но молчат; кто-то злобно бросает:

- Не болтай о Спантамано! Обоз грабил массагет Дейока.

- Вай-вай! - огорченно восклицает Тигран. - А кто такой Дейока? Друг Спантамано. Они с прошлого года не разлучаются. Куда Спантамано - туда Дейока, куда Дейока - туда Спантамано. Разве это не правда?

Люди растерянно переглядываются. Конечно, правда. Так оно и есть Спантамано и Дейока всегда вместе.

- И вы думаете, - быстро продолжает посланец Оробы, - что Дейока без ведома Спантамано ограбил ваш обоз? О несчастные! Что вы для Спантамано? Он забыл про Согдиану и сделался массагетом. Один массагет ему дороже тысячи согдийцев. Разве иначе он путался бы со всеми

этими дахами, саками и прочими бродягами Красных и Черных Песков?

Ядовитые слова падают на почву оскорбленных душ, подобно отравленным семенам; прорастает в униженных сердцах корявой, разлапистой, желтой колючкой злая обида.

- Мне жалко вас, - вздыхает Тигран. - Куда вы теперь денетесь?

- Уйдем к массагетам.

- Вай!.. Разве можно?

- А почему нет?

- Вы в своем уме? Уйти к этим разбойникам!.. Тот, кто сегодня украл ваше имущество, завтра схватит вас самих и продаст хорезмийским купцам.

Молчание. Потом голос:

- Обойдемся без массагетов. Пустыня велика, и нам хватит в ней места.

- Вах!.. Какой глупый народ эти бактрийцы! А что вы будете есть? У вас нет ни овец, ни верблюдов, ни мотыг, чтобы рыть колодцы. Вы съедите своих коней, а потом умрете от голода и жажды.

Опять молчание. И снова голос:

- Тогда мы вернемся домой.

- Домой? Ай-яй-яй... А юнаны? Они не станут вас целовать за то, что вы сражались против них на стороне Спантамано.

Взрыв голосов:

- Так что же нам делать, мудрый человек? Неужели нет никакого выхода?

Теперь молчит Тигран. Молчит долго, потом вкрадчиво говорит:

- Выход есть. Идите, сдайтесь Искендеру по доброй воле. Он простит, если покаетесь в заблуждениях. Иначе пропадете.

Согдийцы и бактрийцы совещаются, ругаются, спорят.

Тут из толпы выходит худой, бледный человек в пестрых чужеземных шароварах. Это Датафарн. Как он изменился! От него осталась тень прежнего Датафарна. Он с ненавистью глядит на Тиграна.

- Люди, не слушайте его! Разве вы не видите, что он предатель? Он послан врагами, чтобы обмануть вас и разлучить со Спантамано. Не ходите к Искендеру. Найдите Леопарда. Надо бороться до конца!

Воины настораживаются. Тигран обеспокоен.

- Перс! - бросает он злобно. - Зачем ты вмешиваешься в чужие дела? Не доверяйте ему, братья. Кто из вас слышал, чтобы перс желал добра согдийцам и бактрийцам? Он хочет навлечь на вас гнев Искендера, он хочет отомстить за своего друга Бесса. Вяжите его. Выдайте его Зулькарнейну, и царь царей окажет вам снисхождение.

Люди колеблются, кто-то кричит:

- Потомок Сирдона прав! Хватайте перса!

Датафарну выворачивают руки. Из рта перса течет кровь.

- Ты поедешь с нами, потомок Сирдона? - спрашивают Тиграна.

- Я? - Тигран удивленно таращит глаза. - Для чего? На что мне Согдиана? И на что мне Искендер? Мой путь лежит в Хорезм.

- Ты один, без хлеба и воды хочешь добраться до Хорезма?

- Почему один? Со мной мой двугорбый и четвероногий друг. А хлеб и воду я заработаю по пути веселой песней.

- Ну тебе видней. Прощай, добрый человек.

- Прощайте!

Бактрийцы и согдийцы вылезают из оврага, садятся на коней и отправляются к Баге.

Удовлетворенный Тигран долго смотрит им вслед, потом поворачивает верблюда и едет в другую сторону. Вечером он появляется на стоянке дахов, саков, массагетов, уцелевших после вчерашней битвы. Они удручены - убито восемьсот их собратьев; по лагерю разносятся протяжные тоскливые причитания. При виде "потомка Сирдона" людям становится немного легче.

Он останавливает верблюда, делает неуклюжее движение и, нелепо дрыгнув ногами, сваливается сверху на песок. При этом он корчит такую смешную рожу, что воины, несмотря на горе, не выдерживают и хохочут во все горло.

- Почему вы хохочете? - ворчит "потомок Сирдона", неумело потирая ушибленное колено. - Я и сам собирался слезть.

Тут и наиболее мрачных людей разбирает мех.

- Смейтесь, смейтесь, - бормочет "потомок Сирдона". - Сейчас я вам такое скажу, что вы плакать начнете.

Воины разом умолкают. Все окружают Тиграна. Он печально вздыхает.

- Я встретил одного согдийца. Он ехал к стоянке Дейоки. Оказывается, в Багу пришел сам Искендер. Привел с собой пятьдесят тысяч воинов. Завтра будет здесь. Согдиец говорит, что Искендер сильно разгневан. Не уйдет их Красных Песков до тех пор, пока не уничтожит Спантамано и всех, кто ему помогал.

- Ой, беда! - волнуются дахи. - Что делать?

- Бежать надо, важно изрекает Тигран. - За Вахш, в Черные Пески, до Гирканского моря. Я человек ничтожный, Искендер не тронет меня, но... кто их знает, этих юнанов? Лучше уйти, пока не поздно. Еду в Хорезм. А вы как хотите.

Дахи тотчас же снимаются с места. Они исчезают на западе. За ними трогаются саки и массагеты. Тигран остается в пустыне один. "Теперь ты пропал, Спантамано!" - злорадно шепчет слуга Оробы. Он гонит верблюда к синеющим на севере невысоким горам. Там "веселого" старца дожидается Дейока.

Отряд Дейоки пробирается по каменистому руслу жалкой речки. Весною в ней мутным потоком шумит дождевая вода, бегущая с голых, почти бесплодных гор, но сейчас влага едва сочтется меж обкатанных, наполовину засыпанных песком ржавых глыб. Там, где начинается речка, в тесной котловине, на дне которой серая лужа и немного свежей травы, стоит убогая крепость: низкая глинобитная ограда, кривая полуразвалившаяся башенка и горе-ворота, что разлетятся от доброго пинка. Здесь Дейока оставил перед битвой часть своих воинов, женщин и немного скота. Здесь жрец Алингар стережет Зару, жену Спантамано.

Дейока торопится. Дейока угрюм. Дейока напуган тем, что совершил собственной рукой. Быстро скачет Дейока по земле, а сверху черной птицей летит за ним страх. Страх глядит на Дейоку немигающими глазами волчиц, затаившихся на вершинах бугров, страх отчетливо слышится в шорохе крыльев трескучих цикад. Дейоке не жалко Спантамано. Дейоке никого не жалко. Ему жалко себя. Он боится за себя - только за себя, и массагету обидно, что приходится вот так бояться всего и всех и скакать сломя голову; обида вырастает в злобу против всего и всех, и Дейока бормочет проклятия и беспощадно погоняет усталого коня.

- Трах!

- Трах!

- Трах!

То Дейока ударяет в ворота. Они падают. Отряд врывается в крепость, словно его преследует стотысячное войско. Ожидающие встревожены. Лают собаки. Люди спешиваются и пинками отгоняют разъяренных псов. Дейока закрывает лицо, красное от горячего ветра, дрожащей рукой не спеша ведет ладонью вниз, отирая пот; размыкает веки - и встречает

упорный взгляд жреца Алингара. Алингар стоит у входа в крохотную глинобитную хижину, крытую гнилым тростником. Он строго и вопрошающе смотрит на Дейоку. У массагета постепенно обвисают плечи. Горбится спина. Он медленно опускает глаза.

- Где Спантамано?

Алингар подходит к Дейоке и трогает его за плечо.

У массагета пересыхает горло. Молчит несчастный Дейока.

Где Спантамано?

Почему Дейока не отвечает? Сказал бы: "скоро будет", или "ушел за Вахш", или "попал в руки Искендера", и отстал бы этот проклятый Алингар. Но сдавлена глотка судорогой, прилип к гортани шершавый язык, не может Дейока произнести ни слова.

- Где Спантамано? - в третий раз спрашивает Алингар, и голос его становится все тише и глуше. И Дейока, не поднимая глаз, бросает хрипло, как огрызающийся пес:

- Откуда мне знать, где твой Спантамано?

И тут же хватается за бок и с криком отскакивает назад. Алингар, еще крепче стиснув кинжал, делает новый прыжок. Не только знаток древних книг Алингар, не только с палочкой для письма умело обращается мудрый жрец - он хорошо владеет и оружием. Жажда мести за предводителя вспыхнула в душе пенджикентца. И он опять замахивается на предателя.

- Бейте его! - визжит Дейока, нырнув за спины телохранителей. Один из массагетов ловко всаживает меч меж лопаток Алингара. Другой точным ударом отсекает голову жреца. Тело отволакивают в сторону и кидают собакам.

Дейока обеспокоен - не видела ли все это Зара? Но у Зары страшно разболелся зуб. Она мечется по лачуге и стонет. Лишь вечером она выходит во двор и удивленно спрашивает:

- Где Алингар?

Вот уже несколько дней он ходил за ней по пятам, и вдруг его нет. Неужели... она с надеждой смотрит на окружающих. И ей коротко отвечают:

- Сбежал.

Медленно и спокойно шествует верблюд по пустыне. Он у себя дома, среди ровных знойных пространств. Верблюд и пустыня - сын и мать. Ключья бурых, выгоревших трав, растущих вокруг, не отличаются от косматой шерсти на груди верблюда.

Тигран раскачивается меж горбов терпеливого животного и поет согдийскую песню: бесконечную, как время, неторопливую, как шаг верблюда, и однообразную, как сама пустыня. Тиграну весело. Как хорошо он выполнил приказание Оробы! Войско Спантамано разбито. Оставшиеся в живых бежали за Вахш. Спантамано оказался один во всем мире. Он в руках Тиграна. А из рук Тиграна не вырывался еще никто.

Медленно, томительно медленно шагает верблюд по пустыне. Поет и поет Тигран. Заходит солнце. Наплывают с севера темные облака. Значит, скоро осень. Становится холодно и сумрачно. Нехорошо одному человеку в пустыне. Все тише и тише поет Тигран. Все громче и громче понукает он ленивого верблюда.

Ой, как плохо одному в пустыне. Уже не поет Тигран. Мрачен слуга Оробы. Ороба сейчас отдыхает у себя во дворце, пьет вино, а ему, Тиграну, приходится таскаться где-то на краю света. Зачем Тиграну этот Спантамано? Что Спантамано сделал Тиграну? Эх! Если б не Ороба!.. Тигран вздыхает. Что с тобой, Тигран? Немало тайных дел сделал ты по поручению Оробы, и ни разу не дрогнула твоя рука. Чем же ты встревожен сейчас? Почему так сжимается твое сердце? Тигран не понимает, почему. Только чувствует он, что нельзя ему поднять руку на Спантамано. Нехорошо получится. Нехорошо! Ой, как плохо одному человеку в пустыне... И чего ты так медленно тащишься, двугорбая скотина?

При виде трех горцев Спантамано насторожился.

Почему они глядят на него так странно? Правда, в их глазах нет угрозы, но зато не заметно и участия. Лучше бы их не было тут совсем, этих непонятных людей. Но поскольку они здесь, нельзя показывать, что ты испугался. Надо держаться. И Спантамано взял себя в руки и спокойно спросил:

- Ну, чего вы там?

Ему показалось, что горцы переглянулись и побледнели. Во всяком случае, они отвели глаза от лица Спантамано, и один из них заискивающе сказал:

- Тебя ищем.

- Меня?

- Д-да... Дейока послал.

- Где он?

- Там... - Воин махнул в сторону гор. - Велел беречь тебя. Как бы не попал в руки Искендера.

Смысл слов, хотя Спантамано и слышал их, не дошел до его сознания так удручен он был всем, что произошло.

- А где дахи и массагеты? - спросил он задумчиво. - Где согдийцы и бактрийцы?

- Н-не знаю. Где-нибудь в пустыне.

- Надо их найти. - Спантамано сразу же загорелся этим желанием, ибо смутно чувствовал: если он не разыщет своих людей, то ему придется плохо. - Поезжайте за мной! Их надо собрать как можно быстрее!

- Как их найдешь? - уныло сказал горец.

- По следам.

Горцы молча поехали за Леопардом. Вот он, миг, которого они ждали очень долго! Вот миг, ради которого их предводитель Тигран по воле Оробы выкрал у Вахшунварты его родовой знак. Вот миг, ради которого скупой Ороба не пожалел золота и отправил трех горцев к Спантамано, выдав их за посланцев Вахшунварты. Леопард один и беззащитен. Взмах меча!.. Удар! - и нет больше Спантамано.

Но нет, не поднимается рука. Если бы он кричал, ругался, оскорблял их... Но Спантамано едет спокойно, подставив открытую спину, и... нет, нет! Горцы отворачивались и трясущимися руками отирали потные лица. Они бросали друг на друга косые взгляды: может быть, осмелится тот или этот? Но так как все испытывали одно, то щеки их пылали от стыда, каждый называл себя трусом и считал хуже товарища. Что за дайв? Что с ними стало? Почему они как будто превратились в детей? Горцы не понимали, почему.

Весь вечер и всю ночь скитался Леопард по пескам, напрасно пытаясь найти своих людей. Он наткнулся на погасшие костры, видел брошенное тряпье, черепки разбитых сосудов, но воинов не обнаружил нигде.

- Куда подевался народ? - недоуменно спрашивал он горцев. Они молча пожимали широкими плечами. Наконец на рассвете им встретился какой-то массагет, ехавший на юг.

- Где согдийцы и бактрийцы? - стал выпытывать у него Леопард.

- Ушли к Искендеру, - нехотя ответил путник.

- Сдались?!

- Да.

- А дахи? А массагеты?

- Бежали за Вахш.

- Бежали! - Это известие ошеломило Спантамано. От всего пережитого, от страшной усталости (ведь он не ел и не спал со вчерашней ночи) у Леопарда шумело в голове. Как ни напрягал согдиец свой мозг, он не мог вернуть утраченной ясности. Поэтому и не мог понять, что случилось.

- Ладно, - вяло сказал он горцам. - Поедем к Дейоке.

Массагет отправился своей дорогой, а Спантамано и горцы тронулись в противоположную сторону. Спантамано мучительно соображал: почему все вышло так, а не иначе? Он с усилием восстанавливал в памяти каждый шаг совершенный им, начиная со вчерашнего утра и вдруг ясно осознал: "Дейока". Дейока обнажил левое крыло войска. Почему он так сделал? Спантамано заторопил утомленного коня, и вскоре путники добрались до затерянной среди невысоких гор маленькой крепости.

Она встретила Спантамано и его спутников десятками изумленных глаз. В них, этих глазах, виднелось что-то странное, как вчера у горцев; Спантамано отметил это про себя и тут же забыл, - его беспокоило одно: почему Дейока обнажил левое крыло войска?

- Где Дейока? - спросил он у первого попавшегося массагета. Воин молчал некоторое время, потом сухо ответил:

- У себя.

И кивнул на серый шерстяной шатер, вокруг которого расположились, кто лежа, кто сидя, телохранители. Они, не говоря ни слова, глядели на приближавшегося Леопарда и даже не отозвались на его приветствие.

- Можно войти? - Не дожидаясь разрешения, Спантамано раздвинул дверной полог и заглянул внутрь. Дейока лежал на кошме и тихо стонал. Увидев его лицо, Спантамано забыл, зачем пришел. Затем вспомнил и, чувствуя неуместность своего вопроса (ведь Дейока так страдает!), пробормотал:

- Ты почему оставил левое крыло войска?

- О-ох! - Дейока облизал спекшиеся губы. - И он еще спрашивает! Левое крыло... левое крыло. А где мое левое крыло? Гляди, что со мной сделали юнаны!

И Дейока открыл свой левый бок: из-под войлока, которым залепили его рану, нанесенную Алингаром, на кошму бежала темной струйкой кровь.

- А! - Спантамано попятился. - Я не знал, что тебя ранили. Прости меня.

Он вышел и бросил вокруг себя рассеянный взгляд. О чем он забыл? Никак не вспомнить. У него кружилась голова. Ему страшно хотелось спать. Но он еще держался на ногах. Тут его взгляд упал на появившегося откуда-то "потомка Сирдона".

- А, веселый человек. - Пересилив себя, Леопард приветливо улыбнулся. - И ты здесь?

Тигран грустно кивнул.

- Не до песен теперь, а?

И Спантамано тут же забыл про Тиграна. О чем он хотел вспомнить? Да! Где же Алингар? Спантамано огляделся и спросил "потомка Сирдона":

- Куда девался Алингар?

- Ой, беда! - Тигран вздохнул. - Плохой человек оказался твой Алингар.

- Как?

- Убежал.

- Как убежал? - Спантамано непонимающе уставился на Тиграна.

- Совсем убежал.

- Куда?

- К Искендеру.

- Ах! - Спантамано схватился за грудь: у него закололо в сердце. - А Зара... тоже?

- Зара там.

Тигран показал на убогую глинобитную хижину. Спантамано восторгнулся. Глаза его прояснились. Зара! Вот кого он искал так долго. Он быстро зашагал, почти побежал к хижине. Почему он не разговаривал с ней столько месяцев? Ты воображал, будто уже не любишь жену?

Ты и вчера, и всегда ее любил, хотя и не признавался в этом самому себе! Не потому ли ты и не отпускал Зару домой? Пусть пропадет Ороба. Что тебе и Заре до него? Будь Зара хоть дочерью дайва, она тебе нужна. Она тебе нужна!

Он толкнул дверь, связанную из корявых стволов саксаула, и остановился у порога. Зара сидела в углу на корточках, держалась за щеку и, раскачиваясь из стороны в сторону, надрывно стонала. Ее опять мучила зубная боль. Суровая зима, ночевки у костров, ледяная вода, грубая пища все это не прошло даром для белоснежных зубов прелестной Зары.

Она тоже не спала всю ночь. Зубную боль усугубляли тревожные мысли. Что теперь сделает Спантамано? Опустит ли ее домой? А если не отпустит? Как ей тогда поступить? Попросить Дейоку, чтобы проводил до Мараканды? Но согласится ли Дейока? Может, бежать одной, как бежал Алингар? Но доберется ли она одна через пустыню до оазиса? Зара исстрадалась и от зубной боли и от раздумий; она прокляла все на свете, возненавидела себя и еще более люто - Спантамано. И вот он явился.

- Зара! - нежно прошептал Спантамано. Она вздрогнула. Давно муж не обращался к ней с такой лаской. На мгновение у нее потеплели глаза. Но тут страшная, ноющая боль засверлила зуб с новой силой; Зара вцепилась в щеку длинными грязными ногтями и застонала громче прежнего, почти завывала, как волчица. О проклятый! Зара тебе стала нужна лишь тогда, когда ты остался один на своей земле? Она метнула на супруга жгучий взгляд. Если бы глаза умели пронзать, точно стрелы, Спантамано упал бы бездыханный на месте.

- Пропасть бы тебе! - зашипела она злобно и выскочила из хижины во двор.

Спантамано долго стоял у порога, опутив голову и закрыв ладонью глаза. Слова Зары вывели его из оцепенения, длившегося со вчерашнего дня. Мозг его прояснился. Он глубоко вздохнул, горестно усмехнулся, вяло махнул рукой! Глупец! Для чего тебе Зара? Зачем тебе Дейока и весь этот вороватый сброд? Твои друзья не здесь!

Леопард уселся на ветхой циновке и предался размышлениям. Он понимал, что потерпел страшное поражение. Но это еще не конец! Ты разбит, Спантамано, однако ты не одинок. Пусть вокруг тебя нет никого - все равно ты не одинок, Леопард. К дайву трусливых тварей! Земля велика. Маргиана. Гандхара. Иран. Ассирия. Вавилон. Египет. Финикийские города. Малая Азия... Все эти страны поработены Искендером. Я надену суму нищего, посыплю голову прахом и пойду по дорогам Востока. Я буду словом жечь сердца людей. На заре я постучу в городские ворота. Стану кричать на площадях. В тишине звездных ночей мой голос разбудит спящего. Пусть тревожатся сердца. Пусть злым огнем разгораются глаза. Пусть руки тянутся за секирой!

Спантамано сомкнул веки, и перед его внутренним взором раскинулась вся мать Земля - великая, ласковая. Он видел тысячи городов, поднимающихся над гладью беспредельных равнин. Шумные многолюдные улицы, залитые солнцем. Вспаханые поля, где земледelec разминает шершавой рукой теплую землю. Родовые пятна на худых лицах матерей, склонившихся над колыбелью. Голоногих детей, ползающих на песке. Стариков, коротающих время у бассейна в тени развесистых платанов. Молодых смуглых мужчин, давящих ногами гроздь винограда. Веселых девушек, заглядывающих на статного прохожего. Многие еще увидел Спантамано - он увидел мир без прикрас, таким, каков он есть, и в груди у него сладко заныло от счастья. Земля. Жизнь. Люди... Что перед ними какой-то жалкий Искендер.

"У вавилонян был герой Гильгамеш, - подумал Спантамано. - У юнанов, по словам Палланта, славится некто Геракл. У нас говорят о витязе Рустаме. Когда-то они ходили по земле и были живыми людьми, как все. Но когда их не стало, народ сложил о них предания, изображающие сказочных богатырей. Это потому, что они служили народу и потомки будут вечно помнить их имена. А я? Вспомнят ли обо мне? И если вспомнят, то как? Тоже начнут

рассказывать про великана, сокрушавшего огнедышащих драконов, или через тысячу лет, через две, три, тысячи лет найдется добрый друг, который пробьется мыслью сквозь пласты темных веков, увидит меня таким, каков я есть, и расскажет своим современникам обо мне, как о живом человеке, что любил и страдал, горевал и радовался, целовал женщин, ел мясо и пил вино, как все?.."

Потомок Сивахша покачал головой и рассмеялся.

Между тем Тигран, Дейока и три горца еще не решили, что им делать. Убить Спантамано? Так велел Ороба. Но так не велела совесть. Они понимали: за убийство Спантамано с них взыщут, - кто взыщет, знает бог, но взыщет страшно.

Наконец "потомок Сирдона" решился. Он высунул голову из шатра и шепнул одной из проходивших мимо женщин два слова. Та позвала Зару.

- Садись!

Тигран кивнул на кошму. Зара села. Тигран прикрыл полой халата бороду и откинул волосы со лба. Открылся глубокий шрам.

- Узнаешь?

- Тигран! - Зара побледнела и отшатнулась. Да, она узнала верного слугу своего отца - холодного и беспощадного человека. Немало людей, неугодных Оробе, нашли свой конец от рук Тиграна. И в то же время Зара обрадовалась - Тигран явился неспроста, теперь все будет иначе.

- Ты угадала: это я... - Тигран усмехнулся. - Меня послал твой отец. - Он задумался. - Слушай! Мне приказано убрать спантамано. Но... - Тигран замялся; он даже себе не хотел признаться, что боится, впервые за много лет боится убить человека, - но... он твой муж, и я... словом, ты пойдешь к нему и скажи, чтобы он сдался Искендеру по доброй воле. Иначе... нам придется схватить его и отвезти в Мараканду силой.

И оба потупили глаза, так как знали, что Леопарда живым никогда не взять.

- Ладно. - Зара жадно облизала сухие, растрескавшиеся губы. У нее, быть может от волнения, сразу перестал болеть зуб. - Я... пойду.

Она направилась к хижине, где наяву грезил Спантамано. Мгновение она колебалась. Но затем вспомнила все, что перенесла из-за этого человека, стиснула зубы и решительно вошла в лачугу. Спантамано витал так далеко, что даже не заметил ее появления. Она сухо окликнула его:

- Спанта!

Леопард очнулся и удивленно уставился на жену. Переход от тех необозримых голубых пространств, где сейчас только реяло его воображение, к этой гнусной хижине и к этой дурной, сварливой и глупой женщине был так резок и разителен, что Леопард расхохотался.

- Ну, чего тебе?

- Сдайся Искендеру по доброй воле.

Эти слова, повторяемые Зарой с настойчивостью попугая вот уже несколько месяцев, вывели согдийца из себя. Он так и затрясся от ярости. Ему хотелось ударить жену. Однако согдиец сдержался. Он вспомнил слова Баро: "Брат, не сдавайся", сдвинул брови на переносице и сказал:

- Прочь! - Затем прибавил: - Грязь!

Последний, жалкий, еле видимый волосок, верней, - паутинка, еще связывавшая двух так непохожих людей, лопнула, чтобы никогда больше не соединиться. Зара исчезла, словно ее подхватило порывом ветра.

О Спантамано! Почему ты доверился Дейоке? Разве он уже не обманывал тебя? Смерть! Прошли чередой по этой каменистой, но все же прекрасной земле Паллант, Рехмир, Варахран,

Баро и Алингар. Настал и твой черед, потомок Сиаваша.

Уже идут к твоей хижине Тигран и три громадных длинноруких гонца. Разве защитит жалкая дверь, сколоченная из кривых стволов? С треском падает дверь, И все селение слышит этот звук. Слышит Дейока. Слышит Зара. И все ждут, что будет дальше... Они понимают, что присутствуют при убийстве, но молчат. Молчат! Они боятся Искендера. Погибай же, последний из потомков Сиаваша!

В лачуге поднялся шум. Визг Спантамано смешивался с громовым рыканьем горцев и шакальим воем Тиграна. Затем вырвался крик Леопарда:

- Зара!

Быть может, обезумевшему в смертельной свалке Леопарду вдруг показалось, что дочь Оробы была единственным близким человеком в его жизни? Кто знает. Он крикнул "Зара", вот и все. От этого вопля у людей застыла в жилах кровь. Зара сидела оцепенев, словно ее очаровал своими заклинаниями всемогущий маг. Вдруг из хижины, волоча подгибающиеся ноги, показался горец. Он держался обеими руками за распоротый живот. Обнаженные внутренности свисали у него до бедер. Горец сделал три шага и повалился на землю. Шум в хижине усилился.

- Зара!! - снова закричал Спантамано. Женщины бросились вон из селения, чтобы не слышать этот вопль. Но Зара не шевелилась. Она чувствовала себя как в кошмарном сне: надо бежать, но тело не двигается, ноги не слушаются, крик замирает в перехваченном судорогой горле. Из хижины появился второй горец. Держась за окровавленную голову, он поплелся в сторону, присел у стены и зарыдал.

- Зара!!! - донесся изнутри последний вопль Спантамано. Крик перешел в громкое хрипение - "арра-а-а-аххх". Третий горец выскочил из хижины и, дико поводя глазами, помчался к воротам. Затем, шатаясь, вышел весь изрезанный, в изодранной одежде Тигран. Он держал под мышкой что-то круглое, завернутое в леопардовый плащ Спантамано. Из свертка на бедро Тиграна стекала кровь.

Зара не шелохнулась. Дейока несмело подошел к "потомку Сирдона" и прошептал:

- Взял... то, что за пазухой?

Тигран вздохнул тяжело, как уставший на бойне мясник, и бросил под ноги массагета кожаную сумку. Дейока быстро наклонился и схватил ее дрожащей рукой. У него похолодело сердце. Сумка была слишком легкой. Он быстро развязал ее, сунул внутрь пальцы... и вытащил - алмаз? Нет, то был младший брат алмаза, правда, не такой красивый и дорогой - маленький древесный уголек. Тот самый, который Баро привез Леопарду из Согдианы.

Это было единственное сокровище, оставшееся после Спантамано.

На перекрестках Мараканды раздавался грохот литавр, звон кимвалов, пение флейт. Македонцы праздновали победу над Спантамано. Но Согдиана молчала.

Флангиты и гетайры, стрелки и щитоносцы взявшись за руки, плясали вокруг священных костров; к небу взметался из тысяч грубых, охрипших глоток благодарственный гимн в честь Аполлона. Но Согдиана молчала.

Во дворце Оробы, развалившись на багровых азиатских коврах, десяткам македонских и греческих военачальников, персидских, бактрийских и согдийских вельмож смаковали дорогое вино, ели плоды, нежное мясо фазанов и возносили хвалу отпрыску бога Аммона. Но Согдиана, лишившаяся своего сына, скорбно молчала.

Вдруг загудел медный гонг. Все оставили чаши и встали. В длинных восточных одеждах, в золотой короне, украшенной огромными рогами барана, в зале появился, окруженный толпой телохранителей, царь царей Искендер Зулькарнейн. Десятки людей дружно пали ниц. Своды зала потряс единодушный крик:

- Слава Александру!!!

Александр величественно прошествовал к бронзовому алтарю богини Астарты и совершил жертвоприношение вином и плодами граната. Послышался звон серебряных колокольчиков. Тихо и нежно зазвучал хор девушек. Александр сел на трон. Снова загудел медный гонг. Вход зала широко распахнулся; в сверкающем хитоне, красивая и благоухающая, вошла Зара, дочь Оробы. Волосы женщины, умащенные ароматной водой, ярко блестели под красочным венком из живых цветов. На запястьях и лодыжках сияли браслеты. Зара шла быстро; мягко развевались за нею белоснежные ленты и прозрачные складки голубого покрывала, и Зара казалась богиней Афродитой, рождающейся из волн и морской пены.

Она держала в вытянутых руках большое золотое блюдо, накрытое узорным платком. За нею торопливо следовали Тигран, слуга Оробы, массагет Дейока и толпа угрюмых, загорелых сородичей. "Эх, глупец, - подумал Ороба о муже своей дочери. - Чего искал? К чему стремился? Мог бы жить сто лет и радоваться! Сам вырыл себе яму. Через месяц уже никто не вспомнит о Спантамано..."

Александр махнул жезлом. Пение смолкло. Зара подошла к трону и опустилась перед ним на одно колено. Преклонили колени Тигран, Дейока и другие массагеты. Александр наклонился вперед, осторожно приподнял край платка, брошенного на золотое блюдо, и улыбнулся. Такой откровенно радостной, низменной, не подобающей "сыну бога" была его улыбка, что вокруг сразу наступила глубокая тишина.

Александр уловил в этой тишине угрозу и поднял глаза. Словно холодный ветер прошел по залу - все замерло, потускнело, потемнело там, где мгновение назад от веселых криков буйно колебалось пламя самого большого факела. Хмурился Койнос. Недобро щурился Кратер. Сдвинул брови Аминта. Крепко сжал зубы Мелеагр. Закусил губу Гестеион. Онемел Фарнух. Пусть Спантамано был их врагом. Но врага убивают в открытой битве. Улыбка Александра затронула их совесть; им стало невыносимо стыдно за те скотские вопли, которые они исторгали за минуту до этого.

Но еще более грозным было молчание там, за окнами, за стенами города, по всей долине Золотоносной Реки. Великое молчание. Перед ним и крики на перекрестках и угодливое бормотание Оробы казались жалким писком комара. Через открытые окна в зал глядели мириады сверкающих звезд, и похолодевшему Александру почудилось, что на него смотрят осуждающе десятки Спантамано, сотни Спантамано, тысячи Спантамано, сотни тысяч живших когда-то, живущих сейчас, еще не родившихся будущих потомков Сиаваша. Съежился бледный Тигран. Сгорбились массагеты, уничтоженные собственной подлостью, и Александр отрезвел.

Что делать? Жениться на Заре? Согдиана никогда не простит ему этого. Наказать ее, как наказал Бесса за убийство Дария? Тогда взбунтуется Ороба. Если даже и не взбунтуется, доверять ему будет уже нельзя. А он нужен, очень нужен Александру. Что же делать? Взгляд Александра упал на Дракила. Марафонец не отрывал от Зары своих черных жадных глаз. Позади него пресмыкался рябой Лаэрт. А если?.. Александр судорожно вздохнул, откинулся назад и поднял руку. Люди молча глядели на царя.

- Братья! - Александр обвел всех беспокойным взглядом. - Спитамен убит. Это был храбрый человек, достойнейший из мужей Согдианы. Но он выступил против нас и понес наказание. Вы сами знаете, сколько он причинил зла. Однако вознесем выше мелочей. Окажем Спитамену посмертную почесть, какую заслуживает потомок Сиаваша. Птолемайос Лаг! Артабаз! Отвезите голову Леопарда в Бахар и погребите на холме, где обитали его прародители.

Птолемайос Лаг благоговейно взял блюдо из рук Зары и удалился.

- Так как дочь достославного сатрапа Оробы, - продолжал сын Филиппа, - оказалась виновницей добра для нас, македонцев, было бы недостойно царя царей обойти ее наградой.

Он отстегнул на груди тяжелую золотую цепь, надел на шею Зары, потом окликнул марафонца:

- Дракил!

Марафонец встрепенулся, не понимая, зачем его зовут, потом, точно боров, ринулся к трону.

- Все вы знаете, братья, главного гиперета нашего войска, мужественного и преданного человека, не раз отводившего опасность от священной головы вашего государя. Достоин ли он стать супругом дочери достославного сатрапа Оробы?

Македонцы разгадали замысел повелителя. Дракил - низкий человек; отдать ему Зару - все равно что бросить ее на потеху грубым служителям обоза. Значит, Александр не одобряет ее поступка. Македонцы облегченно вздохнули и дружно закричали:

- Достоин!

- Зара, дочь Оробы, - обратился Александр к сидевшей неподвижно женщине, - согласна ли ты стать супругой почитаемого эллинами героя Дракила?

При слове "герой" Мелеагр прыснул в кулак. Фарнух перевел слова повелителя Заре. Она слышала их как сквозь сон. Все дни после смерти Леопарда ей казалось, будто она о чем-то забыла и никак не может вспомнить. Женщину радовало возвращение домой, приводили в трепет нарядные одежды, возбуждало сияние золотых светильников, веселил звон серебряных чаш, она часто смеялась: но вдруг на Зару что-то находило - все вокруг делалось расплывчатым, смутным и непонятным. То же случилось с ней и сейчас. И лишь тогда, когда Фарнух еще раз повторил: "Согласна?", дочь Оробы ответила: "Да", хотя и не соображала, с чем ей надо соглашаться.

- Ороба, сатрап Согдианы! - громко сказал Александр. - Согласен ли ты отдать дочь за грека Дракила?

- Да! - твердо произнес польщенный Ороба. Для него Дракил являлся важным человеком, другом Искендера. Породниться с высокопоставленным греком - великое счастье. Он видел, кроме того - с Зарой творится неладное, лучше отдать, пока берут, иначе потом станешь отдавать, да не возьмут.

- Обними же, Дракил, свою жену и поцелуй при всех, как полагается по обычаям Востока! - приказал Александр.

Дракил, без ума от счастья (он стал зятем сатрапа!), обхватил Зару толстыми руками и страстно поцеловал в теплый рот. Жирное "чмок" разнеслось по всему залу.

Александр опять взмахнул жезлом. Музыканты ударили по литаврам. Начался свадебный пир.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

*Покинем свет, - а миру хоть бы что!
Исчезнет след, - а миру хоть бы что!
Мы отошли, - а он и был и будет.
Нас больше нет, - а миру хоть бы что!
Омар Хайям, "Четверостишия"*

Миновало восемьдесят лет. Немало воды утекло за это время из Вахша в озеро Вурукарта, немало событий произошло на земле.

На другой же год после убийства Спантамано македонцы осадили скалу Шаш-и-Михра, где скрывался жрец Вахшунварта. Не спасли осторожного бактрийца ни глубокие снега, ни крутые утесы. В ночной темноте, помогая себе железными кольями и льняными веревками, триста

македонцев поднялись по обледенелому склону на вершину скалы и одним ударом опрокинули отряд Вахшунварты. Сам он сдался на милость победителей; его дочь, прекрасная Рохшанек стала женой Александра. Затем по доброй воле сдал свое горное гнездо Хориен. Так завершился поход на Согдиану.

Летом Александр отправился в Индию и спустя еще год разбил на реке Гидасп царя Пора. Он мечтал дойти до Ганга, но уже немного македонцев осталось к тому времени в живых, да и те были близки к полному отчаянию. Копыта лошадей стерлись от бесконечных походов по горам и пустыням. Затупилось оружие в многочисленных сражениях. Износились македонские и греческие хитоны. Разодрались в труднопроходимых лесах добытые на Востоке азиатские одежды. Семьдесят дней, не переставая, лил страшный тропический дождь. Буря срывала и уносила шатры, опрокидывала на стоянки громадные деревья. Людей трясла желтая лихорадка. Воины бряцали мечами и угрожали царю. И Александр повернул обратно. Через десять лет после начала этого небывалого похода македонцы вернулись к стенам Вавилона. Здесь, тридцати трех лет от роду, Александр умер, так и не завоевав даже сотой части мира. Захватить Азию оказалось не так легко, как разрубить мечом Гордиев узел.

После его смерти великое государство, которое он создал с таким трудом, распалось, как башня от землетрясения. Отпали от македонцев Бактрия и Согдиана. Дах Аршак, потомок тех дахов, которые помогали Спантаману, изгнали завоевателей из Парфин. Прав был старый Танаоксар - на смену одному пришли сотни тысяч Спантаману. И они-то и стали хозяевами своей страны.

Постепенно, один за другим, уходили в мрачное царство Аида все те, кто попирали землю Согдианы. Погибла в Пеллах, далеко от родины дочь Вахшунварты, красавица Рохшанек. Умер Ороба, смещенный Фердиккой, ставшим после Александра первым человеком государства. Исчезли, как дым, Птолеймаос Лаг, Аминта, Кратер, Мелеагр и другие сподвижники Александра, которые когда-то гонялись за Леопардом, или за которыми гонялся Леопард.

Лишь один человек из всех, кто видел живого спантаману, еще ходил по земле. То была Зара. Недолго блаженствовал с ней Дракил: хотя она и отличалась дивной красотой, на нее часто находило что-то непонятное, она становилась злой и кровожадной. Дракил терпел, пока войско стояло в Согдиане. Но когда македонцы выступили в поход на Индию, хитрый мегарец продал жену рябому Лаэрту. Лаэрт, разбогатевший благодаря пронырливости, вернулся домой, покинул Танагру и уехал в Сицилию, где обитали греческие колонисты. Здесь в городе Катане, он открыл притон. При первой Пунической войне карфагенян и римлян его убили наемники-самниты, возвращавшиеся со службы из Сиракуз. Зара осталась одна. Постепенно она одряхлела, состарилась.

Эту старуху знала вся Катана. Ей шел, кажется, девяносто восьмой год. С тупым лицом, приплюснутым носом и тонкими губами, вытянув длинную морщинистую шею, нищенка медленно и неуклюже, словно черепаха, ковыляла возле домов и протяжным голосом просила кусок хлеба. Но ее колотили палками и гнали отовсюду, ибо она была азиаткой. Дети швыряли ей в голову огрызки овощей. Собаки хватили за бока и раздирали и без того ветхий клетчатый плащ. Нищенка безропотно терпела удары и заискивающе улыбалась беззубым ртом в ответ на проклятия - она хотела есть. Когда ей ничего не давали, она рылась в кучах отбросов, добывала из них полусгнившие капустные листья и поддерживала ими свою никому не нужную жизнь. Совершенно позабыв родной язык, она в своих скитаниях по городу часто произносила по-гречески стихи из Эврипида:

А под землей так страшно... О, безумен,
Кто смерти жаждет. Лучше жить в невзгодах,
Чем в самой яркой славе умереть.

Точно жалкий полураздавленный червяк, ползала Зара по каменистым улицам чужого ей сицилийского города и молча переносила страдания. Но иногда, при восточном ветре, с ней происходила странная перемена. Старуха торопилась к гавани, садилась у бушующего моря и долго смотрела в сторону солнечного восхода. Волны, словно тараны, то откатывались назад, то яростно обрушивались на берег, и груды мокрых утесов тяжело вздрагивали и гудели, словно крепости при осаде.

Над скалистым хаосом прибрежных гор стремглав пролетали обрывки туч. И в шуме расходившегося моря слышался далекий, протяжный, долгий-долгий крик:

- Зара-а-а-а!..

Глаза безумной старухи начинали сверкать. Она вскакивала на свои кривые ноги, взмахивала клюкой и приступала к рассказу о гневном солнце юга, о сыпучих песках, о священных плясках у кочевых костров, и голос попрошайки напоминал тогда рычание леопардов, обитающих на ее далекой родине. Она повествовала о небывалых походах, погонях и засадах. Она с упоением произносила имена восточных царей. Она утверждала, что была женой великого человека. Но кто бы поверил этой дряхлой, лишившейся разума старухе?